

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

ГРИГОРЬЕВ Георгий Алексеевич

**ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ П. П. БАЖОВА:
ЭДИЦИОННАЯ ПРАКТИКА, КЛАССИФИКАЦИЯ,
НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ**

10.01.01 – Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Л. С. Соболева

Екатеринбург – 2017

Оглавление

Введение	3
Часть I. Проблемно-тематический обзор писем П. П. Бажова	22
1. Аддиционный и историографический аспекты изучения эпистолярного наследия П. П. Бажова.....	22
2. Классификация эпистолярного наследия П. П. Бажова.....	52
2.1. Письма родственникам	53
2.2. Дружеские письма.....	57
2.3. Деловые письма.....	67
2.3.1. Письма П. П. Бажова-журналиста.....	70
2.3.2. Письма П. П. Бажова-редактора.....	72
2.3.3. Письма П. П. Бажова-исследователя.....	75
2.3.4. Письма П. П. Бажова-литератора.....	79
3. Проблема реализации научного потенциала эпистолярного наследия П. П. Бажова как единого целого.....	98
Часть II. Вопросы литературы, фольклора и истории в эпистолярном дискурсе П. П. Бажова	103
1. Проблемно-структурный анализ эпистолярного дискурса П. П. Бажова.....	103
1.1. Проблемы жизненного материала и исторических источников литературного творчества	108
1.2. Проблемы фольклорных источников литературного творчества	125
1.3. Языковая стихия творческого процесса.....	139
1.4. Индивидуальное авторское начало творческого процесса.....	148
1.5. Социально-культурные аспекты литературного процесса.....	159
1.6. Проблемы литературы как общественного института.....	170
2. Проблемы систематического описания эстетических воззрений П. П. Бажова на материале его эпистолярного наследия.....	185
Заключение	204
Библиографический список	209
Приложение	228

Введение

Эпистолярное наследие писателя в отечественной традиции давно закрепило за собой статус обязательного приложения к его творчеству. Редкое издание формата собрания сочинений, то есть издание, имеющее своей целью целостную репрезентацию творческого наследия, обходится без публикации отобранных по тому или иному принципу писем автора. Эта традиция начала складываться во второй половине девятнадцатого века (в 1857 году выходит осуществленное П. А. Кулишом издание писем Н. В. Гоголя, а в 1882 году – «более или менее систематизированная»¹ П. А. Ефремовым публикация писем А. С. Пушкина) и к середине двадцатого окончательно оформилась: «...в настоящее время публикация личных писем выдающихся деятелей прошлого стала общепризнанным фактом <...> можно утверждать, что это – потребность науки и широких масс читателей»².

Так, сборник статей «Принципы издания эпистолярных текстов» (авторы – Е. И. Прохоров, А. Л. Гришунин, Э. Л. Ефременко, Л. Н. Смирнова, А. Д. Михайлов) является итогом большой теоретико-методологической работы по решению текстологических и эдиционных проблем, связанных с эпистолярными текстами. Авторы анализируют и обобщают опыт самых разных подходов и исследовательских методов по работе с эпистолярными (в основном речь идет о работах по собиранию, комментированию и изданию писем именно литераторов) таких ученых, как, например, М. А. Цявловский, Б. Л. Модзалевский, Б. В. Томашевский (А. С. Пушкин), А. С. Долинин (Ф. М. Достоевский), М. П. Алексеев (И. С. Тургенев), М. К. Лемке (А. И. Герцен), В. В. Гиппиус (Н. В. Гоголь), Е. А. Ляцкий (В. Г. Белинский) и многих других. Как показало время, опора на действительно огромный материал уже проделанной работы и достаточно зрелое на тот момент состояние источниковедения и текстологии позволило авторам сборника выработать и сформулировать принципы, указания и рекомендации, совершенно не утратившие

¹ Принципы издания эпистолярных текстов : сб. ст. М. : Наука, 1964. С.36.

² Там же. С.16.

своей актуальности и по сей день. Некоторые теоретические установки со временем корректировались или уточнялись (например, в статье В. А. Сметанина «Новое в развитии представлений об эпистолографии»³ возникает, по нашему мнению, конструктивная полемика с Е. И. Прохоровым по поводу «дефиниции письма»⁴), однако можно сказать, что традиция, связанная с разысканиями, подготовкой и комментированием писем литераторов, к 60-м годам XX века является в основном сложившейся, общепризнанной, а также вполне осмысленной с точки зрения теории и методологии⁵.

Современные исследователи и издатели эпистолярного наследия (или его части) того или иного писателя имеют в своем распоряжении практически те же инструменты, методы и возможности, которые имелись у их предшественников, работавших 50-60 лет назад. Исключение составляют технические возможности и реалии (так, например, в публикациях писем И. А. Бунина⁶ использованы «ксерокопии с оригиналов»⁷, присланные из США), которые, впрочем, влияют лишь на трудоемкость всего процесса подготовки и издания, но не на его научно-методическую подоплеку.

Обратим внимание и на относительно благополучное, равномерно-поступательное развитие рассматриваемой нами традиции. Письма писателей действительно быстро и прочно вошли в культурный и научный обиход. Красно-речивую статистику разыскания и публикации в печати писем А. С. Пушкина приводит Е. А. Прохоров⁸. Из нее видно, что в период с 1882 года (год издания писем поэта П. А. Ефремовым) по 1949 (год выхода последнего тома академического полного собрания сочинений Пушкина) первоначальное число сохранившихся и найденных писем (375) выросло более чем вдвое (835). Достаточно ска-

³ Сметанин В.А. Новое в развитии представлений об эпистолографии // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. Вып. 14. С. 6.

⁴ Там же, с. 7.

⁵ С необходимыми поправками на конкретный материал. Как справедливо замечал С. А. Рейсер: «Никакая теория и никакая инструкция никогда не сможет предусмотреть все те неожиданности, которые на каждом шагу предостерегают исследователя» (Палеография и текстология нового времени. 1970. С. 140).

⁶ И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. М.: Русский путь, 2004. 584 с.

⁷ Там же, с. 21.

⁸ Принципы издания эпистолярных текстов. С.36-37.

зять, что основной корпус дошедших до нас эпистоляриев подавляющего числа писателей-классиков был сформирован уже в первой половине XX века (при этом речь идет о тысячах писем, нередко разбросанных по всему миру).

Такая научная деятельность, как разыскание писем, а тем более такие впечатляющие результаты, не могут быть заслугой и достижением только отдельных исследователей. Исследования подобных масштабов могут быть проведены лишь посредством развитых научных, общественных и культурных институтов (архивов, научно-исследовательских учреждений, музеев, частных коллекций). Что опять же позволяет сделать вывод о подлинно мощном научном и культурном потенциале феномена писательских эпистоляриев, а главное, некой органичности традиции их издания в отечественной культуре в целом.

Обратим внимание лишь на один эпизод в истории становления этой традиции. В 1889 году писатель И. А. Гончаров публикует статью «Нарушение воли», в которой весьма скептически отзывается о многочисленных изданиях писем, среди которых «собрания писем Пушкина, Тургенева, Кавелина и недавно изданные Крамского и многие другие, то и дело появляющиеся в печати»⁹, говорит о «мании печатать письма», притом письма «бессодержательные», «печатаемые потому только, что они писаны более или менее известным лицом»¹⁰. На наш взгляд, в данной статье наиболее интересны два момента, сформулированные автором. Обнародование писем, содержание которых очевидно предназначено только и сугубо адресату (например, письма А. С. Пушкина к Н. Н. Гончаровой), слишком интимных, И. А. Гончаров считает нарушением воли писателя, художника, посягательством на моральное и нравственное право человека иметь частную жизнь, «недоступную для любопытства публики»¹¹. Публикация частной переписки, по его мнению, возможна лишь при следующих условиях: «во-первых, могли ли же-

⁹ Гончаров И. А. Собрание сочинений : в 8-ми т. Т. 8. Статьи, рецензии, заметки. Письма. М. : Художественная литература, 1980. С.164.

¹⁰ Там же, с.166-167.

¹¹ Там же, с. 172.

лать авторы огласить их в печати; и, во-вторых, не задеты ли за живое другие личности»¹².

Другая мысль писателя заключается в оценке собрания писем как книги, призванной «сохранить для современных читателей и для потомства полный образ писателя или художника»¹³. Рассматривая под этим углом письма И. Н. Крамского, Гончаров называет их сводом «мнений, взглядов, приговоров»¹⁴. Высоко оценивая ум, логику, стиль изложения живописца, автор приходит к выводу, что «письма Крамского могли бы составлять практическое руководство для художника, целый курс живописи»¹⁵. Однако «повальное», неизбирательное издание писем существенно снижает ценность книги: «писем масса – это целый архив, где теряешься, утопаешь, как в волнах»¹⁶. Высказывая свое мнение как мнение читателя, автор подводит итог: «Не знаешь, где, на чем сосредоточиться в хаотическом смешении, и получаешь вместо чего-то целого, сжатого, определенного, теоретического и практического руководства для художника – нечто вроде справочной книги, в которой и не добудешь нужной справки или, если добудешь, то случайно, невзначай»¹⁷.

Статью И. А. Гончарова стоит признать построенной на действительно конструктивной критике сложившейся на тот момент практики. Писатель вовремя ставит вопросы, касающиеся не частных методологических проблем и технических сложностей издания эпистолярного наследия, но обращающиеся к эпистемологическим основам феномена частного письма как объекта научного исследования. Призыв писателя глубоко обдумать вопрос о печатании частной переписки и решить его «в удовлетворительном для всех сторон смысле (имеется ввиду сам автор писем, его адресаты, а также читательская аудитория и издатель – прим. Г. Г.)»¹⁸, по нашему мнению, нашел отклик в последующем исследовательско-

¹² Там же, с. 179.

¹³ Там же, с. 178.

¹⁴ Там же, с. 174.

¹⁵ Там же, с. 175.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 183.

публикаторском дискурсе в таких категориях, как историческая дистанция и научность принципов эпистолярной эдиционной практики.

Действительно, временная отдаленность снимает с событий и людей, фигурирующих в письмах, излишнюю нравственную и моральную ответственность в глазах читателя. Превращая их поступки, слова, мнения в некую объективную данность, которая строится по столь же объективным законам, не зависящим от тех или иных читательских оценок, историческая дистанция превращает личное, частное письмо в исторический документ¹⁹, содержащий специфическую информацию, но оттого не менее ценный, чем любой другой вид документа.

Чрезвычайная неравномерность, по сути, хаотичность распределения ценной, уникальной информации и малоинтересных, общих мест в тексте как одного письма, так и эпистолярного корпуса, составляет вторую точно подмеченную И. А. Гончаровым проблему функционирования писем и как научного источника, и как предмета читательского интереса. Добавим к этому, что степень информативности того или иного письма напрямую зависит от предмета исследовательского или читательского изучения. Решение этой проблемы, найденное опять-таки во многом с опорой на множество прецедентов (то есть в русле традиции в целом), реализовалось в достаточно жестко регламентированной системе типов и видов изданий.

Не останавливаясь подробно на характеристике этой системы²⁰, выделим наиболее важные, на наш взгляд, положения, связанные с ней. Это требование научности от первой публикации письма (наличие «текстологических сведений, историко-литературного и реального комментариев»²¹, то есть научно-справочного аппарата); выделение такого типа, как полное академическое издание (в котором «невозможны никакие урезки, ограничения, сокращения количества

¹⁹ Так, Л. Н. Смирнова, описывая ситуацию второй половины XIX века, указывает, что «письмо постепенно стало рассматриваться как документ, как источник, оно стало предметом изучения, а не праздного любопытства» (Принципы издания эпистолярных текстов. С. 185).

²⁰ См.: Л. Н. Смирнова «Типы и виды эпистолярных изданий». Там же, с. 182–245.

²¹ Там же, с. 201.

эпистолярных текстов»²²); признание за научными и научно-массовыми изданиями права на отбор писем по тому или иному принципу (а также «права на купюры и сокращения разного рода»²³).

Такая система позволяет развести научные, исследовательские и читательские интересы в действительно «удовлетворительном для всех сторон смысле», располагая эпистолярное наследие (понимаемое как целостное явление, «полное собрание писем»²⁴) в пространстве научного и культурного оборота посредством научно-справочного аппарата, который, в свою очередь, погрузив новый материал в координаты актуального информационного поля, уже позволяет интерпретировать этот материал без ущерба исходных единства, цельности и полноты.

Однако введение эпистолярных источников в научный и культурный оборот не ограничивалось собиранием и публикациями. Рассмотрим основные направления, по которым развивалась исследовательская мысль, обращенная к такому роду материалов.

Как справедливо замечает Т. Б. Фрик: «Наиболее давнюю традицию имеет изучение эпистолярия в историко-культурном и биографическом аспектах»²⁵. Осознание письма как источника порой уникальной информации об авторе и об эпохе, в которой оно было написано, приходит уже во второй половине XIX века.

В 1853 году А. И. Герцен писал: «Письма – больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это – само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное»²⁶. Откликаясь на издание писем Н. М. Карамзина, вышедшее в 1866 году, П. А. Вяземский рассуждает о значении переписки писателя: «Письма – это самая жизнь, которую захватываешь по горячим следам ее»²⁷. Так, достаточно высокая достоверность эпистолярных свидетельств («преодолев пространство, пре-

²² Там же, с. 234

²³ Там же, с. 244.

²⁴ Там же, с. 226.

²⁵ Фрик Т. Б. Переписка Н.М. Карамзина с членами царствующего дома как литературный факт (к постановке проблемы) // Вестник науки Сибири. 2011. № 1. С. 599.

²⁶ Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем : в 21 т. Т. 8. Петроград : Лит. изд. Наркомата по просвещению, 1919-1923. С. 290.

²⁷ Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 251.

одолевают и время»²⁸, - говорит о письмах Н. О. Лернер), соединенная с уникальной близостью писем к внутреннему миру, личным переживаниям автора, делает переписку неким ключевым свидетельством в жизни писателя.

«Значение писем неоспоримо», - считает Б. Л. Модзалевский, - «для знакомства с биографией писателя, с внешними фактами его жизни, с условиями и обстановкой его труда и творчества, с приемами его работы, с внешней историей его произведений, с судьбою его друзей, близких, членов семьи ... Это – зеркало, в котором искренний (а порою – даже и не искренний) человек, а писатель – в особенности, – отразится ясно, ярко и верно»²⁹. А. С. Долинин идет еще дальше и говорит о том, что «в сравнении с другими материалами» только «письма могут служить известной опорой для того, чтобы осторожной рукой возводить сложнейшее здание» биографии писателя³⁰.

Но не только внешняя, событийная канва жизни оказывается запечатленной в таких источниках. Б. Л. Модзалевский утверждает, что и «общий тон частных писем лучше, чем какой-либо другой материал, дает нам возможность составить о писателе, которого мы не знаем лично, определенное и ясное представление, ощутить самую сущность его личности, понять его психический, внутренний мир, его мирозерцание и душевное настроение, войти с ним как бы в непосредственное, интимное общение; в самом слого писем, в манере изложения, в его тоне он весь как на ладони»³¹.

Подобный подход проявляется практически одновременно с появлением первых собраний писем писателей, и реализуется в такой, например, работе, как отзыв Н. Г. Чернышевского на выход «Сочинений и писем Н. В. Гоголя», изданного в 1857 П. А. Кулишом. В этой статье, посвященной общему взгляду на творчество Н. В. Гоголя, Чернышевский задается вопросом, «какою общию идеею была проникнута его нравственная жизнь, представляющаяся на первый взгляд столь

²⁸ Лернер Н.О. Проза Пушкина. М., 1923. С. 109.

²⁹ Модзалевский Б. Л. Предисловие // Пушкин. Письма. В 3 т. М. ; Л. : Academia, 1926. Репринт. 1999. Т. 1. С. 17.

³⁰ Долинин А. С. Предисловие // Достоевский Ф. М. Письма : в 4 т. ; сост. и комм. А. С. Долинин. М. ; Л. : ГИЗ и др., 1928 – 1959. Т. 1. С. 33.

³¹ Модзалевский Б. Л. Эпистолярное наследие Пушкина // Вестник АН СССР. 1937. № 2-3. С. 230.

нелогической, бессвязною и даже нелепою»³². Основным же материалом для ответа оказываются именно письма писателя: «Но если вы, преодолев скуку, наводимую однообразием этих писем, всмотритесь в них ближе и точнее, сравните их с письмами прежних годов, вы увидите, что во втором периоде сохранилось, кроме молодой веселости, все то, что было в письмах первого периода, и наоборот, в письмах первого периода вы найдете уже те черты, которые, по-видимому, должны были бы принадлежать второму периоду»³³.

Сходный взгляд обнаруживается и у Б. М. Эйхенбаума по отношению к письмам Ф. И. Тютчева: «Письма к близкому человеку – особый вид творчества, определяемый именно их назначением – сказать о себе самую глубокую правду, – и верой в то, что слова будут поняты. Если так у человека обыденного, то у поэта – гораздо сильнее, потому что для него дело самораскрытия есть нечто большее, чем просто психологическое общение»³⁴.

Не менее важной видится и информация историко-культурного порядка, заключенная в эпистолярной литературе. Так, о письмах Пушкина в 1878 году И. С. Тургенев замечает: «Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком того времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого образованного русского человека; для историка литературы они – сущий клад: нравы, самый быт известной эпохи отразились в них хотя быстрыми, но яркими чертами»³⁵.

Однако стоит заметить, что в период рубежа XIX-XX вв. общие теоретические предпосылки все же оставались на уровне высказываний, небольших заметок, статей. Характерно мнение Ю. Н. Тынянова: «Пушкинские письма покамест используются только для справок, да разве еще для альковных разысканий. Письма Вяземского, А. Тургенева, Батюшкова никем не исследованы как литератур-

³² Чернышевский Н. Г. Сочинения и письма Н. В. Гоголя // Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1947-1948. Т. 4. С. 627.

³³ Там же, с. 628.

³⁴ Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу // Вопросы поэтики. Вып. 4. 1924. С. 52.

³⁵ Тургенев И. С. Письма : в 13 т. М. ; Л. : изд-во АН СССР, 1961-1968. Т. 10. С. 360.

ный факт»³⁶. Но характерно и примечание самого Тынянова («Писано к 1924 г. Теперь имеются статьи Н. Степанова и нек. др.»³⁷).

20-е годы действительно можно считать переломными: в относительно короткий срок выходят такие работы, как, например, Н. Л. Степанов «Дружеское письмо начала XIX в.», Л. П. Гроссман «Культура писем в эпоху Пушкина», Г. О. Винокур «Пушкин-прозаик», Б. В. Томашевский «Теория литературы. Поэтика». Этими работами знаменуется начало нового направления в исследовании эпистолярного текста, который отныне рассматривается не только как источник биографических и историко-культурологических сведений, но и как факт эпохи литературного порядка. Наравне с погруженностью письма в историческое время осознается его присутствие и в литературном процессе. Как справедливо отмечает М. П. Алексеев в статье «Письма И. С. Тургенева»: «Писательские эпистолярии не только историческое свидетельство: они имеют черты “отличные” от любого другого бытового письменного памятника, архивной записи или даже прочих эпистолярных документов: письмо находится в непосредственной близости к художественной литературе и может порой превращаться в особый вид художественного творчества, видоизменяя свои формы в соответствии с литературным развитием, сопутствуя последнему или предупреждая его будущие жанровые и стилистические особенности»³⁸.

И коль скоро текст письма признается текстом хоть и специфически, но литературным, художественным, последующая исследовательская традиция обогащается инструментарием, характерным для литературоведения тех лет.

Подобного рода исследования, имеющую безусловную самостоятельную ценность, важны еще и как первые серьезные попытки методологических разработок, давших, в конечном счете, все последующие направления в развитии писательского эпистолярия как научного источника.

³⁶ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 259.

³⁷ Там же.

³⁸ Алексеев М. П. Письма И. С. Тургенева // Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем: в 28 т. М. ; Л., 1961. Т. 1. С. 15.

В период с 30-х по 70-е гг. традиция осмысления писем в указанных направлениях (историческом и литературном) значительно укрепляется. Появляются как работы, посвященные отдельным эпохам (такие, например, как Р. М. Лазарчук «Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы», Г. П. Макогоненко «Письма русских писателей XVIII века и литературный процесс»), так и работы, сконцентрированные на конкретной авторской персоналии. Второе направление, безусловно, самое продуктивное.

Так, крупными исследователями закладываются «персональные» традиции, связанные с изучением писем Н. В. Гоголя (В. В. Гиппиус), Ф. М. Достоевского (Г. М. Фридендер, Н. Ф. Бельчиков, С. В. Белов, В. А. Туниманов, К. А. Баршт), А. А. Блока (В. Н. Орлов, Д. М. Магомедова, А. В. Лавров), И. С. Тургенева (М. П. Алексеев) и др. Особое место, конечно, принадлежит пушкинскому эпистолярию (В. В. Виноградов, Г. М. Фридендер, И. М. Семенко, Н. В. Фридман, Е. А. Маймин, Л. И. Вольперт, И. А. Паперно и многие другие).

К 1980-м гг. сложились новые подходы к восприятию эпистолярного текста. Исследователи сосредотачиваются на таких проблемах, как эстетическая природа писем. Л. Я. Гинзбург пишет: «Образ человека строится в самой жизни, и житейская психология откладывается следами писем, дневников, исповедей и других «человеческих документов», в которых эстетическое начало присутствует с большей или меньшей степенью осознанности. Эстетическая преднамеренность может достигнуть того предела, когда письма, дневники становятся явной литературой, рассчитанной на читателей»³⁹. Вместе с тем, эстетическая организованность «человеческого документа» совершенно иного порядка: «письма или дневники закрепляют еще непредреженный процесс жизни с еще неизвестной развязкой». «Динамика поступательная» романов и повестей в письмах сменяется, по мнению исследователя, «динамикой ретроспективной». «Огромное пространство отделяет исполненное психологических признаний письмо от психологического романа. Но есть и объединяющий принцип. Письмо и роман, с этой точки зрения,

³⁹ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л. : Художественная литература, 1977. С. 10.

– разные уровни построения образа личности, и на любом уровне в этих построениях непременно участвует эстетический элемент»⁴⁰.

Примечательной в этом контексте видится статья А. П. Чудакова «Единство видения: Письма Чехова и его проза»⁴¹. Автор статьи, размышляя о мироощущении А. П. Чехова, отмечает «некое единое восприятие им мира, которое проявляется во всех... порожденных им текстах»⁴². Главный тезис статьи Чудакова таков: «все произведения писателя написаны одной рукой». Доказательство его основывается на утверждении того, что «в поэтике прозы Пушкина, его исторической прозы, публицистики, литературно-критических статей, автобиографических записок гораздо больше сходства, чем различий»⁴³. Индивидуальный стиль, тип художественного мировосприятия, общность словаря писателя относится, по мнению А. П. Чудакова, к наджанровым понятиям и единообразно проявляется в любых жанрах, к которым обращается писатель⁴⁴.

И. Л. Савкина отмечает общую тенденцию «в изучении русских автодокументальных текстов XVIII–XX веков», указывая на то, что «теоретический и методологический интерес сдвигается к проблеме автора и его текстовых репрезентаций» не только в работах Л. Я. Гинзбург⁴⁵. Однако, можно говорить и о другой тенденции – уже решительном помещении самого эпистолярного текста в корпус текстов литературных. Так, У. М. Тодд, во многом полемизируя с предшествующей традицией, вдвигает дружескую переписку пушкинской эпохи в жанровую систему этой эпохи. Резкое несогласие вызывает у исследователя суждение Н. Л. Степанова о внежанровости этих писем: «Для определения жанра надо иметь дифференцирующие от других жанров специфические признаки. В письме этого нет. Конечно, можно говорить о жанре писем вообще, как можно говорить о жанре романа “вообще”, но и здесь и там это равно ничего не даст для уяснения

⁴⁰ Там же, с. 13.

⁴¹ Чудаков А. П. Единство видения: письма Чехова и его проза // Динамическая поэтика. М., 1990.

⁴² Там же, с.220.

⁴³ Там же, с.221.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2007. С. 37.

сложности явлений. Ни конструкция, ни стиль письма не развиваются в пределах какого-то одного ряда. Письмо живет чужими рядами, поэтому в пределах “эпистолярного жанра” часто имеет место сосуществование различных стилей и жанров»⁴⁶. Указывая на поверхностный, упрощенный «стилистический анализ»⁴⁷ советских исследований, «слепое довольствование такими клише, как «разговорный язык», «лаборатория», «эксперимент»⁴⁸, У. М. Тодд обращается к существенно более глубинным структурам, определяющим жанровую, а следовательно и литературную, художественную специфику письма.

Интересной чертой данной тенденции представляется и то, что эстетическая составляющая письма мыслится теперь имманентно присущей письму как таковому. Специфическая художественность эпистолярного текста принципиально безразлична к литературному статусу его автора. Как замечает И. Л. Савкина, традиционное восприятие автодокументальных жанров в «области сомнительной легитимности»⁴⁹ является чуждым современному отечественному процессу адаптации к западным исследовательским парадигмам (в частности, «к идеям постструктурализма с его деконструкцией всяческих иерархий, стиранием границ между священным и профанным, интересом к маргинальным жанрам и явлениям»⁵⁰).

Знаменательным при таком повороте видится и появление в научном обороте понимания эпистолярного дискурса как философского нарратива, а также историко-философского и антропологического феномена⁵¹. Н. В. Сапожникова рассматривает эпистолярный в ракурсе его «удивительно пластичной и смыслоемкой философско-

⁴⁶ Степанов Н. Л. Письма Пушкина как литературный жанр // Поэты и прозаики. М. : Художественная литература, 1966. С. 92.

⁴⁷ Тодд У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. Спб. : Академический проект, 1994. С. 19.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ «Особенно это заметно, если речь идет не о воспоминаниях или письмах “выдающихся писателей” типа Пушкина или Л. Толстого, а об автодокументах людей, не претендующих на “почетное звание” Автора», - добавляет исследователь. Указ. соч., с. 43.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См. Сапожникова Н. В. Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13. Екатеринбург, 2005. 46 с.

антропологической природы»⁵², замечает, что «метафизичность» этой природы осталась за пределами внимания многочисленных исследований. Кроме того, исследователь подчеркивает, что такой подход во многом продиктован и подготовлен актуальными тенденциями философского дискурса, заключающимися в «рождении новой парадигмы, получившей в ряде гуманитарных наук название дискурсивно-нарративного, то есть повествовательно-текстового поворота»⁵³. Данная парадигма вкупе с современной «антропологической доминантой», характеризующей философскую мысль конца XX века, сформировала возможность «вызревания структурно-логических оснований для предметного разговора о статусе нарративно-эпистолярных текстов не только как источников личного происхождения и уникальных исторических свидетельств-характеристик уровня развития культуры той или иной эпохи»⁵⁴.

Схожим феноменологическим подходом с выходом в философское, бытийное пространство характеризуется работа Е. К. Созиной «Сознание и письмо в русской литературе»⁵⁵, в которой переписка А.И. Герцена с Н.А. Захарьиной рассматривается как некий альтернативный источник характеристик сознания, истории душевных и философских поисков писателя, при этом, судя по методологии исследователя, тексты писем А. И. Герцена не менее литературны, чем его произведения.

Несмотря на некоторую методологическую полемичность в последних работах по отношению к предшествующей исследовательской традиции, на современном этапе все указанные подходы и принципы осмысления научной значимости эпистолярных документов сосуществуют, более того, есть основания говорить об их взаимном обогащении.

Так, например, исследование И. А. Берендеевой «Стратегия и практика житнетворчества в эпистолярном наследии А. Блока 1900-х годов: на материале

⁵² Там же, с. 4.

⁵³ Там же, с. 12.

⁵⁴ Там же, с. 17.

⁵⁵ Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург : Изд-во Уральск. гос. ун-та, 2001. 550 с.

писем к Л.Д. Менделеевой и А. Белому» построено на совмещении анализа поэтики рассматриваемых эпистолярных текстов и осмысления историко-культурного контекста эпохи написания этих писем.

Работа Е. В. Мелешенко «Письма Ф.М. Достоевского в контексте исследования личности и творчества писателя» обращается в первую очередь к языковой составляющей писем писателя, к характеру построения высказывания, но, в итоге, выходит на проблемы внутреннего склада, художественного мышления Ф. М. Достоевского, проявленного как в его письмах, так и в произведениях.

Иной подход к тому же материалу реализован в диссертации Н. В. Шевцовой «Эпистолярный жанр в наследии Ф. М. Достоевского». Исследователь считает целью своей работы определение места эпистолярного жанра в наследии писателя, и в связи с этим необходимым становится рассмотрение «художественности» писем, методологически осмысливается неразрывность связи «бытового» эпистолярия и творчества.

В качестве примера современного подхода к публикации и изучению эпистолярия можно привести недавнее издание писем А. П. Платонова «Я прожил жизнь. Письма. 1920-1950 гг.» (2014 г.), во вступительной статье к которому исследовательница Н. В. Корниенко предлагает все перечисленные варианты прочтения эпистолярного наследия как возможные и продуктивные.

Кроме того, жанр письма является объектом лингвистических исследований. Жанровую специфику эпистолярных текстов изучали, например, А. А. Акишина, Н. Беттузия, Н. Е. Богуславская, Н. А. Купина. Письмо как тип текста – В. А. Кухаренко, Н. Н. Нижникова. Различные типологии писем предложены П. В. Веселовым, Е. Г. Виденевым, А. С. Григорьевым, Э. М. Гуртуева, Т. Н. Казеко, Н. С. Степановым. Анализом структурно-композиционных, коммуникативно-композиционных и лексико-семантических особенностей эпистолярных текстов занимались Э. Б. Арутюнян, В. М. Блинохватова, Р. И. Лихтман, Ю. В. Макаркина, О. В. Никитина, В. В. Паршина, А. Н. Попова, Н. Г. Самойлова. Подвергались анализу и различные аспекты письма: лингвостилистический (Т. П.

Зорина, Л. Н. Кецба), лингвопрагматический (Т. В. Ковалева), лингвокультурологический (Т. П. Акимова), социолингвистический (З. М. Данкер) и др. В связи с обилием лингвистических работ, посвященных письмам, Т. П. Акимова выделяет исследования эпистолярия в отдельную отрасль – «лингвистическое эпистоловедение»⁵⁶.

Таким образом, **актуальность** обращения к эпистолярному наследию Павла Петровича Бажова обусловлена сильнейшей отечественной традицией, роль которой в современном литературоведении, очевидно, нисколько не ослабевает. При этом анализ различных концепций, осмысляющих жизнь и творчество П. П. Бажова, позволяет утверждать, что вводимый в научный оборот эпистолярный материал способен как существенно уточнить и дополнить уже сложившиеся представления о творческом феномене писателя, так и наметить перспективные, но совершенно не разработанные на данный момент направления исследований.

Особого внимания требует вопрос о **степени изученности вопроса**. Рассмотрение историографического аспекта в I части работы позволяет сделать вывод о важной, порой принципиальной роли эпистолярных признаний писателя в исследовательском дискурсе, посвященном творчеству П. П. Бажова. Что влечет за собой вывод об эпистолярном наследии писателя как о материале, уже введенном в научный оборот. Однако, анализ собственно публикаций его писем, не позволяет признать научную состоятельность подавляющего числа этих публикаций (не говоря о том, что значительная часть анализируемых в работе писем не опубликована до сих пор).

В связи с этим, во-первых, возникает необходимость опираться сугубо на архивные материалы в виде подлинников либо машинописных копий (по преимуществу авторизованных); во-вторых, одной из задач исследования является переосмысление исторической роли писем писателя в традиции изучения его творчества. Что приводит к определению **объекта** исследования как эпистолярно-

⁵⁶ Акимова Т. П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX-XX вв.) : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01. Волгоград, 2016. С. 11.

го наследия писателя, однако **материалом** для исследования послужили только те письма, тексты которых были подтверждены документально.

Научная новизна исследования обеспечивается, во-первых, введением в научный оборот ранее неизвестных писем Бажова; во-вторых, разработкой исследовательских принципов, позволяющих оптимально реализовать научный потенциал эпистолярного наследия (в частности, этому способствует впервые проведенная классификация рассматриваемых писем).

Так как основной **целью** исследования является осмысление научного потенциала эпистолярия П. П. Бажова, **предметом** исследования становится проблемно-тематическая структура комплекса эпистолярных текстов.

Обозначенная цель предполагает решение следующих задач:

1. Анализ эдиционной и исследовательской практики, связанной с письмами.
2. Систематизация эпистолярных документов, определение тематического диапазона эпистолярия, а также выявление характерных выразительных и содержательных особенностей текстов, связанных с их специфической коммуникативной природой.
3. Выявление основных проблемно-тематических блоков эпистолярия как структурно целостного комплекса текстов.
4. Осмысление специфики писем Бажова в качестве источника эстетических воззрений автора.
5. Выявление перспективных направлений в осмыслении эпистолярного наследия писателя как источника, репрезентирующего его творческую стратегию.

Сформулированные задачи определили структуру диссертации. Работа состоит из введения, двух основных частей, заключения, библиографического списка, включающего 201 наименование, и приложения. Общий объем – 233 страницы.

В первой части, исходя из первых двух задач, акцент делается на проблемно-тематическом анализе (посредством классификации всего материала), позволяющем сделать выводы об особенностях эпистолярия как единого целого.

Во второй части концентрируется внимание на эпистолярном дискурсе писателя в сфере культуры, эстетики, творчества. Смена угла зрения позволяет выйти на более глубокий, структурирующий уровень анализа, способный обратить тексты писем в уникальный источник, репрезентирующий стиль творческого мышления, опорные эмоционально-нравственные и эстетические установки, биографический и психологический подтекст мироощущения.

Степень достоверности полученных результатов определяется привлечением репрезентативного объема документальных источников (более 1000 писем общим объемом около 900 000 знаков) с использованием актуального теоретического инструментария и в корреляции с современными теориями творчества писателя. Обоснованность выводов, сделанных на основе этого материала, обеспечивается методологией жанрового и историко-культурного анализа. Правомерность данных положений и выводов подтверждена рецензиями на статьи, которые были опубликованы в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Основными положениями, выносимыми на защиту, являются следующие:

1. Анализ эдиционной и исследовательской практики, связанной с письмами П. П. Бажова, с одной стороны, убеждает в чрезвычайной востребованности эпистолярных высказываний для воссоздания творческой биографии писателя. С другой же стороны, учитывая принципы и подходы, просматривающиеся в различных публикациях эпистолярных текстов, подталкивает к выводу о низкой степени достоверности и репрезентативности присутствующего в научном обороте материала.

2. Классификация, проведенная на основе дифференциации характера связи автора и адресата, позволяет систематизировать и описать проблемно-тематический диапазон эпистолярия.

3. Сохранившееся эпистолярное наследие П. П. Бажова представляет собой ценный историко-литературный материал, позволяющий продуктивно подойти к проблеме систематизации эстетических воззрений писателя и выявления принципов, составляющих специфику его творческой стратегии, опираясь на достоверную документальную основу.

4. Соотнесение эпистолярного дискурса П. П. Бажова и его писательской практики открывает наиболее перспективные направления в изучении творческого феномена литератора.

Теоретическую и методологическую базу исследования составляют работы А. С. Долинина, М. П. Алексеева, Б. Л. Модзалевского, Г. П. Макогоненко, основанные на опыте собирания, издания и комментирования писем литераторов. Кроме того, подход, реализованный в первой части, опирается на общие научно-исследовательские принципы по отношению к публикации эпистолярных документов, сформулированные Е. И. Прохоровым, А. Л. Гришуниним, Э. Л. Ефременко, С. И. Рейсером. Специфику жанрового и историко-культурного анализа во второй части исследования во многом определили труды Б. М. Эйхенбаума, Б. В. Томашевского, А. П. Чудакова, Л. Я. Гинзбург, Н. В. Сапожниковой.

Теоретическая значимость заключается в попытке осмыслить эпистолярное наследие, с одной стороны, как самостоятельный феномен, специфически совмещающий в себе документальное, личностное и художественное начало; с другой стороны, как часть концептуально монолитного феномена жизни, общественной деятельности и творчества П. П. Бажова.

Практическая ценность работы заключается в возможности применения результатов исследования в изучении жизни и творчества П. П. Бажова, а также для разработки общих лекционных и специальных семинарских курсов в вузовском преподавании литературы XX века, в школьном курсе русской словесности и ее региональной составляющей, музейной работе по классификации эпистолярного наследия писателей.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования отражены в 7 публикациях автора, из которых 3 статьи опубликованы в ведущих журналах, рецензируемых ВАК РФ.

Основные положения диссертации отражены в докладах на всероссийских и международных конференциях «Дергачевские чтения – 2011» (Екатеринбург, 6–7 октября); «Литература Урала – 2012» (Екатеринбург, 11–13 октября); «VII Уральские археографические чтения: Культурные элиты России: истоки формирования и модели развития» (Екатеринбург, 24–26 октября, 2013); «П. П. Бажов в меняющемся мире» (Екатеринбург, 13-14 февраля, 2014); «Дергачевские чтения – 2014» (Екатеринбург, 6–7 октября); «IV Ельцинские чтения» (Екатеринбург, 22–23 апреля, 2015); «Литература Урала: история и современность» (Екатеринбург, 8–9 октября, 2015); «Дергачевские чтения – 2016. Русская словесность: диалог культурно-национальных традиций» (Екатеринбург, 13–14 октября); а также на ежегодных Ученых советах Объединенного музея писателей Урала, посвященных дню рождения П. П. Бажова (2011–2016). Кроме того, результаты исследования вошли в лекцию «Мир сказов Павла Бажова» для видеолектория Президентской библиотеки (18 октября, 2016).

Часть 1. Проблемно-тематический обзор писем П. П. Бажова

1.1 Эдиционный и историографический аспекты изучения эпистолярного наследия П. П. Бажова

Традиционно историографический аспект исследования рассматривается как отправная точка, некий научно обоснованный задел, задающий определенное направление дальнейшим размышлениям. Такой материал, как эпистолярное наследие, вносит свою специфику – историографический аспект здесь прочно смыкается с проблемами эдиционной практики по отношению к изучаемым письмам (особенно это актуально на ранних этапах изучения эпистолярия того или иного автора).

Однако в случае с письмами П. П. Бажова, на наш взгляд, более продуктивным является рассмотрение этих аспектов как своеобразного объективного материала, который требует особого критического анализа. Дело в том, что если рассматривать историю осмысления эпистолярного наследия писателя, то напрашивается вывод, что высказывания Бажова, дошедшие до нас благодаря письмам, сыграли (и играют) немалую роль в общем исследовательском дискурсе, посвященном его жизни и творчеству. Вместе с тем, обращение к собственно источникам, в данном случае, к публикациям писем, на которые опираются исследователи (обращение к документальным источникам крайне редко), дает основание говорить о практически полном отсутствии именно научных публикаций этих писем. Опубликованный эпистолярий Бажова не просто не является научно достоверным, а настолько деформирован, что сравнение эпистолярного наследия писателя в виде совокупности изданных текстов с письмами Бажова, сохранившимися в документальном виде, создает впечатление, что у них два разных автора.

Таким образом, эпистолярное наследие П. П. Бажова бесспорно введено в научный оборот, притом достаточно продуктивно (свидетельством тому может послужить немалое количество работ, в которых авторы так или иначе обращают-

ся к нему и о которых будет сказано ниже), но не менее бесспорной представляется необходимость проверки связи корпуса эпистолярных высказываний писателя, научный потенциал которых так или иначе реализован, с документально подтверждаемыми текстами писем. Иными словами, письма Бажова имеют внушительную историю изучения, но вопрос о том, насколько это связано с реальной перепиской писателя, требует отдельного рассмотрения.

К этому стоит прибавить, что некоторые суждения исследователей, выстроенные на таких далеких от научной достоверности материалах, действительно имеют немалую научную ценность. Что, на наш взгляд, характеризует не только интуицию исследователя, но и в какой-то мере способно вскрыть сущностные черты эпистолярия писателя.

Изучение эпистолярного наследия П. П. Бажова началось с того, что после смерти писателя его вдова, Валентина Александровна Бажова, собрала все письма, хранящиеся в семейном архиве, и выделила в отдельную группу письма П. П. Бажова-депутата. Оставшиеся письма она разделила на две части: одна была предоставлена для всеобщего пользования (для хранения в фондах музея, для публикации), а вторая часть осталась в семейном архиве. Трудно сказать, чем руководствовалась В. А. Бажова. Вероятно, она считала, что какие-то письма представляют П. П. Бажова в невыгодном свете: например, в каких-то есть резкие оценки еще здравствующих писателей и т.п., и такие письма пока не стоит вводить в культурный и научный оборот. Но следует подчеркнуть, что письма, оставшиеся у родственников, постепенно переходили и переходят в фонд П. П. Бажова Объединенного музея писателей Урала.

В. А. Бажова совместно с Л. И. Скорино (первым исследователем творчества и биографии П. П. Бажова) и отбирала письма для первой публикации – такое предположение вполне правомерно, потому что трехтомник сочинений П. П. Бажова выходил в 1952 г. под общей редакцией В. А. Бажовой, А. А. Суркова, Е. А.

Пермяка, а Л. И. Скорино была составителем и автором комментариев⁵⁷. В третьем томе представлено 20 писем в весьма необычной форме: письма перемежаются дневниковыми записями Бажова. Открывает публикацию письмо к Л. И. Скорино от 20.09.44, далее следуют еще два письма к литераторам, а за ними дневниковая запись, в которой П. П. Бажов характеризует рассказы одного начинающего писателя (12.08.1945); затем снова письма к Л. И. Скорино, Е. А. Пермяку, за которыми следуют дневниковые записи 1945 г.: – о добром «глядельце» (12.12.1945); – об огранке изумруда (14.12.1945); о знаменитых людях, родившихся на Урале (15.12.1945); о русском Спиридоне Солнцевороте (25.12.1945); – о цикле сказов, связанных с Березовским (31.12.1945); далее снова следуют письма к писателям, перемежающиеся с дневниковыми записями, приветствием пионеров из города Нижние Серьги, а заключает рубрику выступление П. П. Бажова на 40-летнем юбилее газеты «Уральский рабочий», где он рассказывает, как в 1920-е годы вокруг газеты группировались все литераторы, поскольку она предоставляла свои страницы поэтам и писателям и выпускала два приложения – журнал «Товарищ Терентий» и еженедельную «восьмиполоску» «Веселая кузница»⁵⁸.

Объясняя необычность состава при публикации писем, Л. И. Скорино в комментариях пишет, что она следовала принципам П. П. Бажова, который придумал рубрику «Отслоения дней» в своем личном архиве и помещал в нее письма, дневниковые записи, воспоминания и отдельные публичные выступления, причем располагал их по хронологии⁵⁹. Скорее всего, Л. И. Скорино воспользовалась информацией В. А. Бажовой (кто, кроме нее, мог знать про композицию рубрики) и, как ей казалось, по-бажовски выстроила первую публикацию писем писателя. Письма оказались связанными друг с другом, а также с дневниковыми записями и публичными выступлениями не только хронологически, но и через образ автора: в целом возник весьма содержательный текст, освещающий творческую жизнь писателя, его включенность в общественную и литературную работу.

⁵⁷ Бажов П. П. Сочинения : в 3 т. М.: Гослитиздат, 1952.

⁵⁸ Там же, с. 283–349.

⁵⁹ Там же, с. 356.

После Л. И. Скорино к эпистолярному наследию обратился М. А. Батин, который опять-таки с помощью В. А. Бажовой подготовил публикацию писем в сборнике «Публицистика. Письма. Дневники» 1955 года⁶⁰, где оба фигурировали как составители. Было отобрано 53 письма. Из них 19 текстов публикуются со ссылкой на собрание сочинений 1952 года (правда, некоторые отрывки напечатаны в несколько более расширенном виде), остальные же письма появляются в печати впервые. Одно письмо, к А. С. Мякишеву от 24 июля 1945г., появляется лишь в изданиях под редакцией Скорино.

В отличие от предыдущего издания письма здесь публикуются более традиционно, без дневниковых вставок. Одна особенность все же присутствует – общий хронологический порядок нарушается отдельной рубрикой «Письма к начинающим писателям».

Так как две данные публикации впоследствии окажутся самыми цитируемыми источниками писем Бажова, издание 1955 года – самым крупным собранием эпистолярных текстов писателя по сей день, а все последующие издания писем будут опираться на них как на первоисточник, то следует остановиться на этих публикациях подробнее.

Прежде всего, вызывает интерес количество обнаруженных писем. Известно, что большое количество писем было сохранено в виде машинописных копий самим писателем, и, так как в издании участвовала В. А. Бажова, бережно хранившая архив мужа и всегда поддерживавшая исследователей его творчества, то с большой долей уверенности можно утверждать, что в распоряжении издателей было намного больше материалов. То есть издатели не находились в довольно традиционной ситуации, когда все письма писателя рассредоточены по архивам адресатов, утеряны, уничтожены и т.д. Одна из самых трудоемких стадий работы по опубликованию эпистолярного наследия – поиски – у Л. И. Скорино и М. А. Батина, по всей видимости, практически отсутствовала.

⁶⁰ Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1955. 272 с.

Еще одним важным фактором является время подготовки изданий – после смерти П. П. Бажова не прошло и пяти лет. Писатель умирает окруженный любовью, уважением, признанием со стороны как общества, так и государства. Оба издателя, лично знавшие Бажова и работавшие с ним, не могли не иметь связь с подавляющим большинством его возможных адресатов. Таким образом, даже если предположить, что изданные письма все же приходилось разыскивать, кажется, что при надлежащей организации поиск писем в то время мог быть очень эффективным и дать прекрасные результаты.

Несмотря на все это, издатели ограничились уже упомянутой цифрой. 20 впервые опубликованных текстов в издании под редакцией Скорино⁶¹, еще 34 – в издании под редакцией Батина. Учитывая, что в фондах музея на данный момент хранится около 400 документов⁶² и большая часть из них была передана В. А. Бажовой, можно прийти к выводу, что исследователи сочли возможным (или достаточным) ввести в научный оборот лишь 1/8 доступных им документов.

Не меньше вопросов вызывает и качество опубликованных эпистолярных документов. Точнее, те принципы, которыми руководствовались издатели. Л. И. Скорино, помимо оговорки о порядке следования писем и заголовков двух типов «Письмо» или «Из письма», предваряющих тот или иной текст, не дает никаких комментариев о принципах передачи текста (например, о сохранности авторской орфографии и пунктуации или логике выбора того или иного фрагмента письма).

М. А. Батин в предисловии «От составителей» дает следующие пояснения: «... в ряде документов произведены изъятия, сокращения. Убраны излишние повторения и то, что не представляет интереса ни для широкой общественности, ни для специалиста-исследователя»⁶³. Кроме того, также сохраняет заголовки «Письмо» и «Из письма». Но на этом останавливается и он, вероятно, полагая, что

⁶¹ При этом, например, количество дошедших до нас писем к самой Л. И. Скорино – 20. Эти письма были переданы музею на хранение В. А. Бажовой, соответственно, все время хранились в архиве писателя в виде авторизованных копий. Ни одно из них не подходит под определение сугубо личного, не представляющего интереса для исследователя.

⁶² Без учета депутатских писем.

⁶³ Там же, с. 4.

остальные нюансы интуитивно понятны и логично следуют из вышесказанного. Что приводит к таким, например, предположениям, что текст, данный под заголовком, скажем, «Письмо к М. А. Батину»⁶⁴, является полным текстом письма, а заголовок «Из письма к Е. А. Пермяку»⁶⁵ означает, что многоточием отмечены некоторые купюры, но если многоточия не стоит, то перед нами полный текст того или иного фрагмента.

В действительности это не так, изъятий намного больше. В письме к Батину опущены и начало, и концовка: «Спасибо за привет и пожелания. Мы с Валентиной Александровной и вся наша семья хоть с запозданием, но искренно и полноценно желаем Вам всего лучшего.

Радуюсь успешному началу Вашей работы и надеюсь, что голова обойдется, - перестанет трещать. Привычка же – штука серьезная. Втянетесь – и все пойдет по-хорошему.

Относительно ответов на вопросы надо оговориться. Вы привели хорошую пословицу, использованную В.И. Лениным, но есть и противоположная поговорка, из одной древней книги: “Умный глупца вопрошает, все время теряет”. Боюсь, что она больше подходит к данному случаю. [Далее следует опубликованный текст] <...>

Письмо не перечитываю. Это мне труднее, чем выстукать на машинке. Все орфографические изъяны отнесите за счет слепой машинки, которая в последнее время часто подсовывает не тот знак, на который нацелен палец. Плохо у меня с этим. Даже при печатании стало заметно.

Будьте здоровы, желаю Вам успеха в работе. Наши все просят передать привет. Собирались мы с Валентиной Александровной в Москву с 28 ноября, да намеченный в секретариате отчет нашего отделения отложен на неопределенный срок. С приветом» [М. А. Батину; 20.11.1949; НВФ 6965 Л.1, 7]⁶⁶.

⁶⁴ Там же, с. 193.

⁶⁵ Там же, с. 175.

⁶⁶ Здесь и далее архивный номер документа указывается без общей пометы: ОМПУ Фонд 2 (Фонд П. П. Бажова).

Сокращениям подвергаются и отрывки из писем, притом без каких-либо пометок. Это происходит как в редакции Скорино, так и в редакции Батина (если письма в изданиях дублируются, то повторяются и сокращения). Пример из издания 1952 г.: абзац, изъятый без помет из письма А. С. Мякишеву от 30 сентября 1947 г. – «Соловьевский Ходжа Насрэддин потому и вышел хорош, что автор имел возможность глубоко и серьезно изучить материал, не ограничиваясь общеизвестным» [А. С. Мякишеву; 30.09.1947; НВФ 6951 Л.5]⁶⁷. В издании 1955 года подобных купюр очень много, приведем лишь одну. В письме к Е. А. Пермяку от 30 сентября 1946 г. Бажов делится впечатлениями от прочитанной книжки Вердеревского «От Зауралья до Закавказья», в частности, от сентенции Вердеревского «об ограниченности провинциалов, не умеющих пользоваться комфортом»⁶⁸. «Дело вовсе не в ограниченности вкуса к комфорту, а в другом понимании этого комфорта», - пишет Бажов, и эта фраза напечатана⁶⁹. Однако дальнейший ход размышлений писателя в публикации отсутствует: «Кедровое бревно, дающее мало щелявости и хорошо поддающееся чистке – это комфорт, а резное дерево внутри помещения – это клоповодство. Браная скатерть – комфорт, а вязаные, плетеные или иным способом продырявленные тряпки пригодны только для нежилых помещений и попали в наш обиход, как отрыжка барства, которое меньше всего думало о тех, кому приходилось возиться со всей этой штуковиной, сомнительной значимости. Словом, люди тоже не без голов ходили, и смотреть на них надо не всегда сверху вниз, а может быть, наоборот. Погодите вот, напишет еще кто-нибудь поэму о русской избе. Не о коньках и резьбе, а о том гениальном использовании малых объемов для сложнейшего комбината, где не только жили, но и пекли, и варили, стирались, и хомуты сушили, хлеб рассолаживали и овощ хранили, да еще ухитрялись таких ребят выращивать, которых прямо в сказку ставь» [Е. А. Пермяку; 30.09.1946; НВФ 5108 Л.111]. Подчеркнем, что о редких изъятиях

⁶⁷ Это изъятие можно объяснить тем, что Н. Соловьев был осужден в 1946 году, поэтому упоминание о нем было нежелательным.

⁶⁸ Там же, с. 177.

⁶⁹ Там же.

можно догадаться, так как никаких специальных знаков, сигнализирующих об этом, издателями не применяется.

Помимо недостоверности самих текстов о степени научности публикаций свидетельствуют и такие вещи, как крайне скупой научно-справочный аппарат (в обеих книгах они названы примечаниями, хотя среди них встречаются и комментарии) и отсутствие ссылок на реальные документы (а значит, отсутствие возможности ознакомиться с источниками текстов).

В примечаниях оба издателя ограничиваются, как правило, краткими сведениями об адресате письма, притом далеко не во всех случаях. Характерный пример такого примечания в издании 1952 года: «Нагишкин Дмитрий Дмитриевич - советский писатель, автор романа “Сердце Бонивура” и книги “Амурские сказки”»⁷⁰.

Изредка возникает описание биографического контекста письма. В качестве примера приведем полный текст комментария Батина письма к А. Г. Богачеву от 22 марта 1950 г.: «Публикуется впервые. А. Г. Богачев работал главным редактором Свердловского книжного издательства. Написано в связи с подготовкой к изданию сборника очерков, повестей, рассказов, статей П. П. Бажова 20-х гг. Сборник вышел в свет уже после смерти писателя, в 1951 году, под заглавием “Уральские были”»⁷¹.

С той же лаконичностью возникают комментарии, связанные с названиями художественных, научных или публицистических произведений, о которых идет речь в письме. Пример из издания 1952 года: «В письме упоминается о книге советского критика Виктора Осиповича Перцова “Подвиг и герой”, вышедшей в 1946 г. (“Советский писатель”), в ней давался обзор литературы военных лет. Специальный раздел книги был посвящен “Малахитовой шкатулке” П. П. Бажо-

⁷⁰ Указ. соч., с. 357. Представляется уместным и важным указанием хотя бы на то, что Нагишкин и Бажов были близки по творческому методу (повышенный интерес к фольклорным источникам), испытывали и обоюдную личную симпатию, о чем свидетельствуют и воспоминания современников, и, собственно, письма.

⁷¹ Указ. соч., с. 269. Комментарий относится к письму полному биографических и творческих сведений, относящихся к очень насыщенному и важному для Бажова и почти неизвестному большинству читателей периоду жизни писателя, так что, на наш взгляд, абсолютно не достаточен.

ва»⁷². Чрезвычайная скупость комментариев и примечаний усугубляется их совершенной произвольностью. Так, об адресатах А. В. Астафьеве, Н. И. Каданер, С. А. Тельканове, Л. С. Римской не сказано ничего, большая часть упоминаемых книг и статей даже не встречается в комментариях и т.д. В целом, возникает впечатление, что раздел «Примечания» в обоих случаях создавался как нечто необязательное, потому что большая часть информации в них известна любому даже начинающему исследователю творчества П. П. Бажова, а остальная – настолько поверхностна, что практически бесполезна для понимания контекста письма или его фрагмента.

Ситуация с отсутствием ссылок на архивные документы может быть объяснима. На момент издания личный архив П. П. Бажова оставался у В. А. Бажовой и являлся, в сущности, частной коллекцией, на которую ссылаться возможности не было. Однако практический смысл таких ссылок заключается, прежде всего, в том, чтобы у исследователей была возможность, с одной стороны, критически осмыслить опубликованное, с другой стороны, продолжать работу по сбору и изданию эпистолярного наследия (о чем, между прочим, сам Батин говорит в предисловии: «Работа по сбору и отбору для печати ранней публицистики Бажова, его писем до 1944 года должна продолжаться»⁷³). Именно поэтому среди специалистов, занимающихся такой деятельностью, принято максимально подробно описывать местонахождение источников первых публикаций – это может подсказать дальнейшие пути поисков, не искать в одном месте дважды, проверять результаты работы коллег и т.д. Однако ни Скорино, ни Батин подобной информации практически не касаются. Единственное упоминание об источниках публикации Батина звучит так: «В распоряжении составителей имеются, например, копии писем, начиная лишь с 1944 года, – со времени, когда П. П. Бажов стал пользоваться пишущей машинкой»⁷⁴. Скорино вообще не говорит о том, какие источники были

⁷² Указ. соч., с. 356.

⁷³ Указ. соч., с. 3. Хотя и возникает вопрос, почему «до 1944», тогда как очевидно, что переписка второй половины 40-х не исчерпывается 53 письмами?

⁷⁴ Там же.

использованы. Таким образом, и в этом аспекте данные публикации не выдерживают научной критики.

Как уже говорилось, обойти вниманием эти издания как ненаучные невозможно, так как именно они впоследствии станут причиной довольно активного присутствия эпистолярных высказываний П. П. Бажова в научно-исследовательском и культурном обороте. В этом случае, важным становится вопрос о причинах такого подхода к эпистолярному наследию. Уходя в область предположений, все же выскажем несколько соображений.

Во-первых, деятельность Л. И. Скорино и М. А. Батина осложнялась достаточно объективной проблемой – временем. Они были вынуждены работать с письмами автора, умершего, по меркам традиций издания эпистолярных текстов, совсем недавно. Соответственно, историческая дистанция, снимающая этические проблемы обнародования личной переписки человека (в которой, к тому же, фигурируют большинство еще живых на тот момент людей), не могла стать серьезным, общепризнанным обоснованием. Да и эпоха начала 50-х как таковая, с ее развитой цензурной системой, с целой сетью негласных, но общепринятых запретов не способствовала публикации подлинного наследия Бажова, который, как и любой другой мыслящий человек, не мог полностью вписаться в допустимые рамки. Таким образом, один из самых больших недостатков этих изданий, неполнота при явной возможности опубликовать намного больше, в какой-то степени может быть оправдан.

Во-вторых, характер публикаций, как кажется, попал в зависимость от характера самих исследователей (однако, это уже не оправдание, а лишь возможное логическое объяснение). Заметим, что в обоих случаях публикации писем не являются самостоятельными. В первом издании они, перемежаясь с дневниковыми записями, поданы как одна из составляющих всего творческого наследия писателя. Л. И. Скорино как литературовед, действительно имеющий право называться одним из «первооткрывателей» бажовского феномена, настойчиво вводящая Бажова в ряд «больших» писателей (преодолевая, между прочим, некоторое сопро-

тивление со стороны и самого Бажова), на наш взгляд, просто увлеклась некой полемической демонстрацией состоятельности Бажова как полноценного писателя (а не обработчика фольклора) посредством названного собрания сочинений⁷⁵. Думается, немало этому способствовали и сами письма, блестящий язык которых в очередной раз доказывает, что их автор настоящий мастер слова. И в итоге, исследовательница, выстраивая вполне логичное содержание первого собрания сочинений писателя, не смогла сделать этого без ущерба уникальному сочетанию художественной и документальной природы эпистолярного текста. В редакции Скорино письма (как и дневники) – это в последнюю очередь документы (отсюда и крайне скупой комментарий), а в первую – еще одна возможность насладиться словесным мастерством, «послушать» Бажова, как бы побывать за кулисами прежде всего его творчества. Историческая, документальная, биографическая ценность писем для редакторского мышления Скорино получилась избыточной, необязательной для реализации.

Иной, но схожей логикой мог руководствоваться и М. А. Батин. Его подход к изданию писем (теперь хоть и отдельным корпусом текстов, но все же в одном ряду с журнальными и газетными работами, выступлениями, докладами и дневниками) можно определить скорее как публицистический, нежели научный, исследовательский. Опять лишенные своей документальной ценности небрежным комментарием, легким отношением к изъятиям «излишних повторений и то, что не представляет интереса ни для широкой общественности, ни для специалиста-исследователя»⁷⁶, слабо обоснованным отбором письма становятся прекрасным материалом для некоего имманентного призыва Батина увидеть в творчестве Бажова, в самой его фигуре не только и не столько писательский феномен, сколько феномен необычайного общественного звучания, широты взглядов и суждений,

⁷⁵ Ср. пассаж самого Бажова в одном из писем от 5 февраля 1947 одному из читателей: «У Вас, вижу, создалось неправильное мнение о моей литературно-фольклорной работе. Никакого полного собрания моих сочинений нет и не может быть, т.к., в сущности, пишу одну книгу, которая с годами несколько увеличивается в объеме» [В. В. Трапезникову; 5.02.1947; НВФ 6962 Л.2].

⁷⁶ Указ. соч., с. 4.

вовлеченности в события государственного порядка и масштаба⁷⁷. Отбор писем подчеркивает, прежде всего, широту, обилие тем, вопросов, интересов Бажова – этого же требует публицистический пафос, задор самого Батина. А вот глубина, нюансы и тонкости размышлений писателя скорее утяжеляют, затрудняют размах призывного жеста исследователя-трибуна – и «излишние» подробности убираются для усиления эффекта скорее эмоционального, нежели интеллектуального, научного.

Как кажется, М. А. Батин задается целью сделать ударение на общественной, политической, идеологической удаче писателя Бажова на протяжении всех своих предшествующих и последующих работ о нем⁷⁸. Неудивительно, что документальные материалы, потенциальная опора для будущих концепций, в руках редакторствующего исследователя, быть может, невольно, но стали преобразовываться в нечто даже если и в чем-то справедливое, но отличное от реального. Вероятно, историчность, конкретность и тонкий автопсихологизм подлинного письма не смогли, да и не могли ужиться со взглядами литературоведа-публициста в издательской концепции М. А. Батина.

Подчеркнем, что данными рассуждениями нельзя ни обличать, ни преуменьшать бесспорные заслуги этих двух исследователей и этих двух изданий. Их инициативы и результаты деятельности при любой интерпретации заслуживают уважение и благодарность. Однако, задача исследования – выявить существенные и специфические характеристики эпистолярного наследия П. П. Бажова. И, как кажется, особенности его функционирования в эдиционном аспекте – интереснейший материал для этого.

⁷⁷ Вероятно, этими же причинами можно объяснить появление отдельной рубрики «К начинающим писателям», нарушающей хронологию, к тому же, на наш взгляд, мало обоснованной (так, например, письмо В. И. Уповову [с. 197], учителю по профессии, прекрасно подходит под определение ответа начинающему писателю, однако письмо помещено в общую хронологию). Письма к начинающим писателям не имеют каких-либо принципиальных отличий ни в стиле, ни в тональности, но, очевидно, хорошо иллюстрируют искреннюю вовлеченность писателя в общественную литературную жизнь (в том числе и своим количеством – 12 из 53 текстов).

⁷⁸ Батин М. А. Некоторые вопросы литературного творчества (беседы с П. П. Бажовым) // Уральский современник. 1952. № 20. С. 136–164; Его же. Творчество П. П. Бажова. Свердловск: Кн. изд-во, 1953. 284 с. Его же. Литературные истоки сказов П. Бажова // Урал. 1973. № 9. С. 141–147; Его же. П. Бажов и Г. Ибсен // Бирюковские чтения. Челябинск, 1974. С. 54–59; Его же. Павел Бажов. М.: Современник, 1976. 262 с. и т.п.

Дальнейшая история публикаций бажовских писем развивается в трех направлениях. И первое из них – переиздания описанных материалов первых изданий (с незначительными вариациями) в рамках различных сборников писателя⁷⁹. Учитывая, что суммарный тираж этих сборников превышает миллион экземпляров, можно считать закономерным, что именно этот вариант эпистолярия наиболее прочно вошел в культурный обиход.

Второй путь обнародования эпистолярных текстов писателя – появление фрагментов или целых писем в изданиях мемуарного характера. Здесь стоит особо отметить книгу Е. А. Пермяка «Долговекий мастер. О жизни и творчестве Павла Бажова»⁸⁰, представляющую собой наиболее полную публикацию писем Бажова к автору: цитируются в общей сложности 27 писем. Письма к Е. А. Пермяку печатались и ранее. В первом собрании сочинений 1952 г. приведено одно письмо (от 27. 10. 1947), в сборнике «Публицистика. Письма. Дневники» добавлено еще семь. В сборнике воспоминаний «Павел Петрович Бажов» (1953) в статье «Письма ко всем» сам Е. А. Пермяк дает выдержки из 12 писем. Все упомянутые тексты содержатся в вышеназванной книге.

Не углубляясь в аналитические размышления, автор рисует довольно важный внешний контекст написания этих писем. Как адресат, пожалуй, самых откровенных посланий Бажова, Е. А. Пермяк вносит весомый вклад в воссоздание образа автора. Так, в «Тетради седьмой. Из эпистолярного наследия», в которой приводятся 8 текстов, каждое письмо публикуется с предварительным комментарием. В нем может описываться ситуация, в которой письмо было написано: «Павел Петрович очень много времени уделял общественной деятельности, иногда в ущерб своей литературной работе, и я написал ему об этом и получил такой от-

⁷⁹ См.: Бажов П. П. Избранные произведения : в 2 т. М. : Художественная литература, 1964 ; Он же. Сочинения : в 3 т. М. : Правда, 1976; Он же. Избранные произведения. Москва : Правда, 1986. 445 с. Количество писем по отношению к первым изданиям не меняется (порядка 50 в каждом случае). В изданиях 1964 и 1983 выстроен порядок следования Батина (по хронологии, без дневниковых записей, но с отдельной группой «К начинающим писателям»). В издании 1976 года соблюден принцип Скорино (строго по хронологии, включая дневниковые записи). Сокращения и объем комментариев не подверглись принципиальным изменениям.

⁸⁰ Пермяк Е. А. Долговекий мастер : о жизни и творчестве Павла Бажова. М. : Детская литература, 1974. 222 с.

вет»⁸¹; «Знакомые Павла Петровича всячески старались, оберегая его глаза и время, избавить от технической работы. Но напрасно. У него свои взгляды и суждения...»⁸². Порой такие комментарии содержат характеристику эпистолярной манеры, либо штрих к общему облику адресанта: «Как вы заметили, письма Павла Петровича разнообразны по содержанию. Их трудно распределять по тематическим разделам. Тогда бы пришлось чуть ли не каждое письмо резать на куски по абзацам, от этого письма потеряли бы свой аромат букета из разных цветов. Сейчас я предложу вашему вниманию самое пестрое и длинное письмо...»⁸³; «Мне кажется неправильным, когда друзья Павла Петровича в своих воспоминаниях, статьях, обзорах лишают хорошего, и очень хорошего, человека присущих ему душевных спадов, сомнений, тяжелых раздумий, рисуя его только в радужных красках»⁸⁴ (далее следует «очень печальное письмо», действительно представляющее Бажова в непривычном свете).

Остальные 19 писем рассредоточены по всему тексту книги и, как правило, вписаны в некую событийную канву жизни П. П. Бажова. К примеру, рассказывая в «Тетради четвертой. Каслинская табакерка» о том, как во второй половине 40-х годов «не без усилий и авторитета Павла Петровича Каслинскому заводу вернули его художественное литье», Пермь приводит письмо Бажова от 2 апреля 1944 г., где описываются главное действующее лицо, Н. Н. Серебренников, и многие подробности этой истории. В этом письме Бажов предстает, прежде всего, как общественный деятель, озабоченный состоянием культуры и истории своего края⁸⁵.

В 1969 году в книге «Уральская копилка»⁸⁶ В. П. Бирюков публикует 9 писем П. П. Бажова, поясняя: «Первые письма Павла Петровича были связаны с работой – моей как составителя, а его как редактора – над этим сборником»⁸⁷. Первые два письма не датированы, остальные выстроены в хронологическом порядке,

⁸¹ Там же, с. 113.

⁸² Там же, с. 109.

⁸³ Там же, с. 115.

⁸⁴ Там же, с. 120.

⁸⁵ Там же, с. 56–60.

⁸⁶ Бирюков В. П. Уральская копилка. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1969. 192с.

⁸⁷ Там же, с. 142.

в соответствии с датировками самого Бажова. Комментариев к письмам, кроме нескольких пояснений, о чем идет речь в письме, публикатор не дает.

В 1978 выходит сборник воспоминаний о П. П. Бажове «Мастер, мудрец, сказочник»⁸⁸, на страницах которого также появляются тексты писем. А. Шарц, Л. Татьяничева, О. Маркова, Б. Михайлов, В. Данилевский, В. Кучерявенко⁸⁹ пользуются письмами, адресованными им, как подкреплением к своим мыслям о человеческом, профессиональном и писательском облике Бажова. Безусловно, здесь наиболее ценным являются комментарии контекста написания письма, так как сами тексты (выдержки или целые письма) даются без каких-либо указаний на архивы, и не могут служить достоверным источником⁹⁰.

И, наконец, третий путь – журнальные и газетные публикации, посвященные небольшому количеству писем (как правило, не более двух-трех), составляющих переписку П. П. Бажова с тем или иным адресатом или же связанных тематически⁹¹. В качестве характерного примера подробнее остановимся на одной из подобных публикаций.

Библиограф А. Шмаков публикует в журнале «Урал» два неизвестных письма Бажова «людям, тесно связанным с нашим краем – по своим служебным обязанностям и творческим привязанностям»⁹². Письма эти, вероятно, были найдены в личных архивах адресатов, местонахождение оригинала первого письма и машинописной копии второго библиограф не указывает. Первое письмо (от 6 августа 1940 г.) адресовано Н. Е. Борисову – литератору-прозаику, работавшему в начале 40-х годов директором Челябинского государственного книжного изда-

⁸⁸ Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове / сост. В. А. Стариков. М. : Советский писатель, 1978. 592 с.

⁸⁹ Воспоминания В. Кучерявенко не вошли в это издание, но они есть в книге (Павел Бажов : воспоминания о писателе / сост. Б. С. Рябинин. М. : Советский писатель, 1961. 400 с).

⁹⁰ Кроме того, подобного же рода публикации см.: Рябинин Б. С. Посмертное от старшего друга // Ушедшее живущее : книга воспоминаний. М., 1985. С. 409–417 ; Рахимкулов М. Кудесник Урала // Малахитовая шкатулка / П. П. Бажов. Уфа, 1989. С. 5–16 ; Шарц А. К. Встречи с П. П. Бажовым // На Западном Урале. Пермь, 1960. С. 92–103.

⁹¹ Астафьева Н. А. Бажов писал в Златоуст // Урал. 1991. № 1. С. 172–174 ; Блажес В. В. Журналист Вл. Ильичев и П. Бажов // Урал. 2008. № 8. С. 248–254 ; Вараксина Л., Светачева А. Не только талант поэтический // Дальний Восток. 1981. № 7. С. 145–146 ; Дюжев Ю. Письма писателей солдатам // Север. 1976. № 3. С. 127 ; Мешавкин А. Манчжурская страница // Урал. 1976. № 9. С. 134–139 ; Сазонов К. Н. Письма П. П. Бажова к К. Н. Сазонову / публ., коммент., вступ. К. Н. Сазонова // Урал. 1961. № 1. С. 136–139.

⁹² Шмаков А. Письма П. Бажова // Урал. 1970. №1. С. 180–181.

тельства. Письмо посвящено вопросам, касающимся рабочего фольклора. «Побожовски сжато и сочно дана история вопроса и его теоретическая сущность», - пишет А. Шмаков. Второе письмо (от 8 января 1946 г.) адресовано А. В. Астафьеву – краеведу, автору книг по истории города Златоуста. Шмаков комментирует его так: «В это время Павел Петрович работал над сказом “Старых гор подаренье”, и для него переписка с человеком, который хорошо знал прошлое и настоящее города, была чрезвычайно важна. Содержание публикуемого письма подтверждает обоюдную заинтересованность адресатов». В характерной для того времени форме выражена мысль о ценности любого пополнения «творческого наследия» писателя, «ибо оно неотъемлемо от всей активной общественной, государственной деятельности писателя». Комментарии исследователя бесспорны, хотя и, очевидно, нуждаются в дополнении (к примеру, к А. В. Астафьеву Бажовым написано не одно письмо, и тема истории Златоуста и златоустовских мастеров в творчестве Бажова далеко не исчерпывается сказом «Старых гор подаренье» - этот город является местом действия и таких сказов, как «Иванко Крылатко», «Коренная тайность», «Веселухин ложок», «Алмазная спичка»).

В целом, стоит заметить, что комментарий не представляет большого интереса для специалиста в силу своей чрезвычайной сжатости, однако и научная ценность публикации неизвестных ранее писем существенно снижается из-за отсутствия указаний на место хранения источников. В итоге, результат работы сводится к сведениям о возможном существовании материала (переписки с тем или иным адресатом) и ориентируют в его разыскании, остальные же выводы или размышления, сделанные исследователями в опоре на статью, имеют большой риск быть опровергнутыми или неточными. Приведем конкретный случай.

В газете «Уральский рабочий» от 16 января 2014 года напечатана статья С. Погодина «Покушение на шедевр» с подзаголовком «Как Павел Бажов спасал Невьянскую башню». В статье рассказывается о роли П. П. Бажова в истории о попытке сноса достопримечательности в 1938 году. Основным документом, доказывающим причастность Бажова к этим событиям, является его письмо к И. В.

Сталину (текст письма приведен). Вполне объяснимое отсутствие ссылок на местонахождение документа в самой статье повлекло обращение к автору с вопросом об источнике столь любопытной информации. Автор сослался на засекреченные архивы ФСБ, однако на официальный запрос Объединенного музея писателей Урала в Центральный архив ФСБ России последовал ответ не только об отсутствии такого письма, но и об отсутствии каких-либо других документов, подтверждающих хотя бы факт переписки Бажова и Сталина (в случае засекреченности с документами нельзя ознакомиться, но дать сведения об их наличии сотрудники архива обязаны). Вдобавок, стоит заметить, что и в тексте приведенного письма отсутствуют хоть сколько-нибудь характерные для Бажова обороты речи, убеждающие нас в его авторстве⁹³.

Подводя итоги всех перечисленных нами видов появления эпистолярия писателя в печати, можно говорить о примерно 100 письмах П. П. Бажова, известных широкой публике. Но, как мы показали, подавляющее большинство таких публикаций нельзя считать ни научными, ни даже достоверно передающими тексты писем. Очевидно, что из такой статистики напрашиваются выводы, характеризующие эдиционную практику относительно эпистолярного наследия Бажова достаточно негативным образом⁹⁴. Однако, необходимо признать и бесспорно положительный эффект – именно опубликованные письма привлекли внимание исследователей бажовского творчества⁹⁵, что, в свою очередь, создало ситуацию

⁹³ Более того, присутствует фрагмент, который от писателя можно ожидать в последнюю очередь: «Невьянскую падающую башню необходимо сохранить как памятник истории и архитектуры и взять его под охрану государства как символ величия, умения и трудолюбия рабочего человека Уральской земли, из жизни которого я и составил свою книгу сказов “Малахитовая шкатулка”». Исходя из вполне определенной эпистолярной манеры изложения мыслей, когда автор с минимальным пиететом относится к собственному мнению или достижениям, сложно поверить, что Бажов написал бы подобную фразу.

⁹⁴ Ср. замечание А. Д. Михайлова: «Публикации XIX в. нанесли литературоведению большой, часто непоправимый вред, результаты которого продолжают сказываться и по сей день. Речь идет, прежде всего, о качестве передачи текста в публикациях, об изъятиях и купюрах и о сохранности эпистолярного наследия писателей. <...> Издатели весьма свободно обращались с публикуемым ими текстом. В нем делались в большом числе купюры, причем не только из этических соображений (наличие живых современников, слишком интимные подробности личной жизни авторов писем), но и по соображениям чисто “литературным”. Нередки были случаи исправлений, купюр и даже прямых приписок в текстах писем». (Принципы издания эпистолярных текстов, с. 251-252).

⁹⁵ Из авторов работ, так или иначе осмысливающих эпистолярные высказывания Бажова, помимо М. А. Батина, архивными подлинниками пользовались лишь В. В. Блажес и А. С. Саранцев. Все остальные исследователи, о которых мы будем говорить ниже, судя по ссылкам, опирались только на опубликованные тексты.

весьма активного вовлечения писем в общий исследовательский дискурс бажоведения.

Прежде чем обратиться ко второму вопросу данного раздела, стоит заметить, что исследований, посвященных сугубо письмам писателям, крайне мало. Строго говоря, под это определение подпадает только одна статья В. В. Блажеса «Эпистолярное наследие П. П. Бажова»⁹⁶. Если расширить поле поиска и считать исследования, в которых помимо писем обсуждаются, например, публицистические выступления и дневниковые записи, но интерпретация писем занимает центральное место, то количество имен несколько возрастет (таковы работы М. А. Батина, А. С. Саранцева, В. П. Лукьянина). Но наиболее значительный корпус составляют статьи, в которых объектом исследования чаще всего является та или иная грань творчества П. П. Бажова, однако эпистолярные высказывания писателя становятся авторитетным источником, подкрепляющим основные положения концепции, что так же влечет за собой определенную ситуацию осмысления эпистолярия. Попытка проанализировать все перечисленные варианты представляется необходимой, так как все они так или иначе важны и интересны в вопросах о степени изученности, актуальности и научном потенциале писем П. П. Бажова.

Первым исследовательским обращением к данной теме можно считать статью М. А. Батина «Творчество для народа», помещенную в качестве вступительной в сборник «Публицистика. Письма. Дневники». В ней ученый размышляет об исследовательской ценности сборника. Анализируя и публицистические выступления, и дневниковые записи, и письма П. П. Бажова как единый корпус текстов, Батин обильно цитирует их, что позволяет вычленить из общего хода рассуждений выводы, касающиеся именно эпистолярного наследия писателя.

⁹⁶ Бажовская энциклопедия / ред. сост. В. В. Блажес, М. А. Литовская ; Ин-т истории и археологии УрО РАН, Урал. гос. ун-т, Объед. музей писателей Урала. Екатеринбург : Сократ ; Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 490–496.

В первую очередь, исследователь отмечает, что в письмах, где П. П. Бажов нередко делится своими воспоминаниями, содержатся «биографические данные», которые дополняют корпус сведений о жизни П. П. Бажова⁹⁷.

Далее автор статьи выявляет некоторые важные на его взгляд моменты эстетических воззрений писателя, которые подкрепляются цитатами из писем. Так, первое, выявленное им, условие художественного творчества - «глубокое изучение жизни»⁹⁸ Батин обосновывает требованием активного отношения к действительности из письма о писателе Вс. Вл. Лебедеве, который «не собирал сверху, а вгрызался. <...> непосредственно принимал участие в поисковых работах» в Ильменском заповеднике; о Бальзаке, которому «не просто приходилось “вращаться в жизни”, а вращаться винтом с предельной скоростью». М. А. Батин делает вывод, что для Бажова была важна активная жизненная позиция: если писатель хочет изучить жизнь, он должен «страстно вторгаться в нее, быть участником жизни, а не наблюдателем и тем более не соглядатаем ее»⁹⁹.

Опираясь на целый ряд эпистолярных высказываний Бажова (таких, например, как «Художественный вымысел, неизбежный при построении повести, рассказа или романа, может держаться лишь на прочном фундаменте хорошо изученных фактов, явлений, характеров»; «Нет права без обязанностей. Любую свою выдумку автор обязан показать так, чтобы ему полностью поверили. Достигается это цельностью психологических портретов и правдоподобием мельчайших деталей. Малейшее упущение замечается или инстинктивно чувствуется читателем, и выдумка рушится, как карточный домик»), Батин обобщает: «Признаки места и времени в художественном произведении немислимы без исторически точной “детализации”»¹⁰⁰.

Анализируя взгляды писателя на проблему построения художественного образа, исследователь пишет: «Логика развития образа, сколь бы она ни была

⁹⁷ Указ. соч., с. 6.

⁹⁸ Там же, с. 7.

⁹⁹ Там же, с. 8.

¹⁰⁰ Там же, с. 12.

неожиданна для самого художника, не должна, не может вступить в противоречие с идеей, если идея верна»¹⁰¹.

Нужно отметить, что М. А. Батин не избегает столкновения, казалось бы, противоречащих друг другу эстетических суждений писателя. Ход «от жизни к идее, а не наоборот» является для Бажова показателем истинного художника-реалиста. В то же время писатель, по оценке Батина, «признавал правомерность следования “внутреннему социальному заказу” и прямо называл отдельные свои сказы откликами на высказывания руководителей Коммунистической партии, иллюстрациями к таким высказываниям»¹⁰². Для Батина в этом вопросе нет неразрешимого противоречия. «Творческая взволнованность» как «необходимое условие для создания произведений подлинного искусства» - то основание, на котором держится и «требование жизненной правды» и «партийная направленность» тех же сказов¹⁰³. «”Откликнуться” произведением на то или иное “высказывание” – вовсе не значит “идти от заранее заданной идеи”, вопреки положению “идти от жизни”, а значит именно “идти от жизни”, от ее фактов и явлений, но отобранных и осмысленных художником в свете мудрого высказывания [имеются ввиду высказывания партийных деятелей — Г. Г.]»¹⁰⁴ – резюмирует М. А. Батин.

На материале писем Батин обращается и к характеристике работы писателя над языком сказов. Рассуждения базируются на принципе «народности», который являлся доминантным для высокой оценки творчества писателя («Народность – вот требование, под знаком которого шла языковая работа Бажова»¹⁰⁵). Подходя к языку с позиций народности, «он до конца своей жизни держался сказовой манеры, использовал в сказах довольно значительное количество лексических диалектизмов, но решительно отвергал фонетические диалектизмы, считая их употреб-

¹⁰¹ Там же, с. 15.

¹⁰² Там же, с. 16.

¹⁰³ Там же, с. 16–17.

¹⁰⁴ Там же, с. 17.

¹⁰⁵ Там же, с. 24.

ление выражением неуважительного отношения к трудовому народу»¹⁰⁶. Опираясь на слова П. П. Бажова в письме к Л. И. Скорино (18. 09.1945) о том, что «вся забота здесь сводится к тому, чтобы не выйти за пределы лексического запаса, которым пользуются люди, от лица которых ведется сказ», а также анализируя развитие лексики собственно сказов, М. А. Батин приходит к выводу: «Язык рассказчика – это язык одного из персонажей сказов. И этот язык должен обладать известным единством, определяющимся общественно-политическим “паспортом” персонажа и его характером». Кроме того, «в языке должна обнаруживаться личность героя и в то же время типические черты языка среды, которую он представляет»¹⁰⁷.

Интересно и то, что М. А. Батин обращается к письмам не только как к источнику мыслей П. П. Бажова по тому или иному вопросу, но и рассматривает эпистолярный язык как самостоятельный объект. «Особенно хорош, порой блестящ, язык писем Бажова...»¹⁰⁸. Им отмечается «словесное мастерство», «образность». «Конечно, личный язык Бажова не отгорожен от языка его сказов, от языка деда Слышко и более поздних рассказчиков», - рассуждает Батин. П. П. Бажов, по его мнению, довольно свободно владел языком населения сказового мира, так как он «писал сказы, думая и “говоря” языком своих героев», так как «без “вживания” в характер их мышления и речи было бы и невозможно создать столь прекрасные художественные произведения»¹⁰⁹.

В 1957 году выходит монография «Павел Петрович Бажов»¹¹⁰, где ее автор, А. С. Саранцев, помимо прочего, обращается и к эпистолярному наследию писателя. В письмах Бажова исследователь находит «яркое отражение» его эстетических взглядов, «в таком виде, как они окончательно сложились в последние годы

¹⁰⁶ Там же. Ср. «“Огорчительный плакон”, “краеграние” и т.д. кажется мне большим словесным переигрыванием, порой сблизает Лескова с Горбуновым, который на потеху публики нарочито преувеличивал речевые и фонетические неправильности и выискивал rarities personelles, чтоб посмешнее». Из письма Л. И. Скорино от 20 сентября 1944г.,(Там же, с. 140).

¹⁰⁷ Там же, с. 26.

¹⁰⁸ Там же, с. 26–27.

¹⁰⁹ Там же, с. 27–28.

¹¹⁰ Саранцев А. С. Павел Петрович Бажов: жизнь и творчество. Челябинск : Челябинское кн. изд-во, 1957. 372 с.

его жизни и творчества»¹¹¹. «Главные положения эстетического кодекса Бажова», по мнению Саранцева, заключаются в «глубоком и всестороннем изучении жизни, ее объективных закономерностей, конкретных проявлений», отражение настоящего в «его исторической перспективе»¹¹², «писатель должен иметь, хотя и маленькие, но “свои крылышки”» (свою, хорошо изученную, тему, в которой художник имеет свой взгляд), а также обладать «дальномером» (Бажов) («то есть быть хозяином собранного им для произведения материала, осмыслить его с точки зрения марксистской философии, не спускаться до какого-то промежуточного стиля, житействующего где-то между газетной статьей и художественным произведением») ¹¹³.

«Коренным принципом» эстетики Бажова, по мнению А. С. Саранцева, является принцип «коммунистической партийности». «В творчестве он [Бажов] видел не бессознательный процесс, происходящий в уме и сердце писателя по какому-то “высшему”, внезапному наитию, а как процесс с ясно осознанной творческой и политической задачей»¹¹⁴. Пожалуй, именно здесь обнаруживается расхождение А. С. Саранцева и М. А. Батина. Последний, не отрицая политическую задачу как стимул для творческого процесса, все же оценивал ее в качестве сопутствующего, но не решающего фактора. Взгляд А. С. Саранцева тем и интересен, что на материале «около двухсот писем, адресованных писателям и критикам» (а также и «других устных и печатных выступлений») исследователь выявляет лишь те положения эстетики П. П. Бажова, которые имеют «общеинтересную значимость»¹¹⁵, то есть принципиальны не только, а пожалуй, и не столько для самого П. П. Бажова, сколько способны дать толчок в общем развитии литературы, в котором, очевидно, П. П. Бажов был крайне заинтересован. Неслучаен поэтому и общий вывод автора об эпистолярном наследии писателя: «Бажов, как это видно

¹¹¹ Там же, с. 341.

¹¹² Там же, с. 342.

¹¹³ Там же, с. 347.

¹¹⁴ Там же, с. 348.

¹¹⁵ Там же, с. 341.

даже из краткого обозрения, проделал значительную работу по организации и воспитанию литературных кадров»¹¹⁶.

Таким образом, можно утверждать, что на данном этапе исследования писем П. П. Бажова довольно обстоятельно и аргументированно была обозначена «общественно значимая» часть эстетической и общелитературной позиции самобытного писателя, прежде всего как председателя Свердловского отделения Союза писателей, редактора, издателя, депутата Верховного Совета СССР. Бажов провозглашался успешным продолжателем идей «властителя дум» А. М. Горького, сторонником марксистской философии, а его творчество явилось торжеством метода социалистического реализма.

Своеобразным продолжением и творческим развитием этой мысли можно считать статью В. П. Лукьянина «Согласно, но вопреки. П. П. Бажов как художник социалистического реализма»¹¹⁷. В этой работе В. П. Лукьянин, в свойственной ему парадоксальной манере, обсуждая отношения П. П. Бажова с соцреализмом и его догматами, пишет следующее: «Что же касается “классовой теории”, то в публицистическом и эпистолярном наследии писателя достаточно много материалов, позволяющих говорить о том, что если Бажов с ней напрямую и не спорил (все же он был человеком своего времени и дисциплинированным членом партии), то, по крайней мере, никак не ею руководствовался, осмысляя социально-исторический процесс на Урале. Знания, почерпнутые им из разнообразных архивных и иных достоверных источников, побуждали его к более взвешенному и “объемному” взгляду на события и действующих лиц уральской истории»¹¹⁸. Главным достоинством статьи В. П. Лукьянина является проделанный автором довольно тщательный и обширный анализ эпистолярных высказываний П. П. Бажова. Но стоит отметить, что основным источником этих высказываний для исследователя служат уже не архивные документы (как это было в случае предыду-

¹¹⁶ Там же, с. 350.

¹¹⁷ Лукьянин В. П. Согласно, но вопреки. П. П. Бажов как «художник социалистического реализма» // Урал. 2004. №1. С. 77-96.

¹¹⁸ Там же, с. 84.

щих работ), а уже значительно переработанный их вариант в издании «Публицистика. Письма. Дневники».

В «Бажовской энциклопедии», в статье «Эпистолярное наследие П. П. Бажова», В. В. Блажесом дается информативно богатый обзор всей известной нам и дошедшей до нас корреспонденции писателя, в том числе и неопубликованной (ученый опирается именно на документы). Блажес останавливается «на письмах, отражающих наиболее существенные факты творческой деятельности писателя, его историко-литературные взгляды»¹¹⁹. Переменяя цитирование целых абзацев с короткими выдержками, автор комментирует ситуации, в которых были написаны те или иные письма. А также создает тематические группы текстов, делая логичные и объективные обобщения и выводы.

Бесспорными выглядят такие мысли В. В. Блажеса, как то: «Он не хотел, чтобы его считали мэтром, поэтому в письмах постоянно оговаривается, что не уверен в своей правоте»; «П. П. Бажов знал, конечно, что поэтом нужно родиться, но как старый газетчик, он знал и то, что желающего писать можно обучить литературному ремеслу»¹²⁰ и проч. Стремясь обойтись без искажения авторского замысла, Блажес начинает выстраивать единую смысловую систему корреспонденции писателя, подчиненную цельному образу, строю мыслей и оценок П. П. Бажова. Статья носит скорее описательный характер, что вызвано прежде всего характером издания. Однако заметим, что именно в ней впервые(!) эпистолярный становится настоящим, полноценным объектом исследования, тогда как очевидно, что в предыдущих работах роль писем достаточно произвольно варьируется от действительно объекта до, в сущности, просто материала, с помощью которого раскрываются идеи и мысли скорее автора статьи, нежели самого писателя.

Как уже говорилось, исследования, посвященные тому или иному аспекту жизни и творчества П. П. Бажова, в которых письма, наряду с художественными и публицистическими текстами, привлекаются в качестве материала для осмысле-

¹¹⁹ Указ. соч., с. 491.

¹²⁰ Там же, с. 495.

ния, составляют довольно обширный список. Остановимся на нескольких примерах.

При анализе стиля сказов В. В. Эйдинова находит в письмах писателя как бы отклик на свои наблюдения: «"Моя стилевая рамка", "немножко приглажено со стилевой стороны", "не в моем стиле глагол "баловаться"", "слово "гуторить" не из моего словаря – скорее из словаря Шолохова", "стилевая простота всего народного" - так снова и снова в письмах и дневниковых строчках П. П. Бажов возвращается к явлению художественного стиля (к характеру своего стиля, в частности), который предстает в его сознании знаменем самого "нутра" личности автора – ее глубинной, потаенной, интимной сущности»¹²¹.

Анализируя издательскую деятельность П. П. Бажова, Е. С. Зашихин также обращается к его письмам: «Кредо редактора Бажов-издатель в свойственной ему образной манере очень точно выразил в известном письме 1941г. Е. А. Пермяку: "Свою задачу спутника, идущего по тому же направлению, полагаю в том, чтобы указать товарищу на пеньки, коряги, выбоины и болотины, которые тебе видятся"»¹²².

Н. А. Швабауэр в статье «Женские демонологические персонажи в творчестве П. П. Бажова» останавливается на происхождении этих образов и, утверждая их первичный фольклорный источник, находит подтверждение этому опять же в письмах писателя: «Сам П. П. Бажов неоднократно подчеркивал, что мифологическая суть его сказов полностью восходит к народным представлениям: "Одно несомненно – образ у меня не возникает из пустоты, нета, письменного стола, а берется, подыскивается, подбирается из фольклора... Это вам не метафора, не изящество влияний, а корень"»¹²³.

¹²¹ Эйдинова В. В. О стиле Бажова // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 6. 2003. № 28. С. 45.

¹²² Зашихин Е. С. Издательская деятельность П. П. Бажова // Бажовская энциклопедия / Екатеринбург : Сократ ; Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 169.

¹²³ Швабауэр Н. А. Женские демонологические персонажи в творчестве П. П. Бажова // Бажовская энциклопедия / Екатеринбург : Сократ ; Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 132.

М. А. Литовская в статье «"Фабульные крючочки и петельки": поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова» уже в названии использует цитату из письма к Л. И. Скорино и в дальнейшем, опираясь на ряд писем, развивает мысль о творческом поведении Бажова как о творчестве с двойственной авторской задачей: «Преодоление поверхностного видения истории — один из важнейших посылов бажовского творчества. Позже он объяснит, что в его повесть (имеется в виду повесть «Зеленая кобылка» - Г. Г.) пришло от внутренней протестной потребности, а что – наоборот – от необходимости сделать “проходимый” текст.

“Приключения мальчуганов, помощь революционеру – все это лишь фабульные крючочки и петельки. Главным ставилось другое и совсем не маленькое. Хотелось по-другому показать воспитание ребят в средней рабочей семье, в противовес тому, что у нас нередко изображалось”¹²⁴.

Примеры можно множить, но и приведенных достаточно для иллюстрирования основных особенностей функционирования эпистолярного наследия писателя в исследовательском дискурсе.

Во-первых, очевидна актуальность, востребованность размышлений Бажова, дошедших до нас благодаря его письмам. Редкая тема или проблема, поставленная впоследствии исследователями, не была затронута самим писателем в личной переписке. При этом характерна как широта вопросов, интересовавших Бажова, так и достаточная компетентность в каждом из них – легко заметить, что в большинстве статей его письма подаются (и, вероятно, воспринимаются исследователями) как источник вполне авторитетного мнения. Любопытно, что иногда довольно оригинальная и глубокая исследовательская концепция во многом является (или оказывается) развитием, обобщением, интерпретацией мыслей, высказанных Бажовым в письмах (яркий пример - концепция М. А. Литовской о реализации писателем альтернативного варианта истории Урала¹²⁵, представляющаяся

¹²⁴ Литовская М. А. «Фабульные крючочки и петельки»: поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2014. № 2 (127). С. 12.

¹²⁵ Литовская М. А. Авторская реструктуризация мифологии места: бажовский Екатеринбург // Дергачевские чтения — 2004 : русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2006. С. 449–454

наиболее плодотворной из существующих на данный момент, одновременно «хорошо вписывается» в систему оценок Бажовым собственного творчества, которыми он делился в своей корреспонденции).

Во-вторых, при всей активности обращения к письмам все же систематического, комплексного описания эпистолярного наследия П. П. Бажова, позволяющего говорить о его реальном научном потенциале, не было проведено даже на некоем предварительном уровне. Вероятно, это можно считать последствием качества опубликованного материала и количеством неопубликованного. В любом случае, это создает ситуацию, когда каждое обращение к эпистолярию становится, в сущности, совершенно произвольным и чревато как плодотворными выводами, так и абсолютно необоснованными размышлениями. Выборочное цитирование; отсутствие исторического и биографического контекста, в котором была высказана та или иная мысль; произвольно расставленные акценты – такая манера использования писем делает из них достаточно аморфный материал, в котором собственно автор попадает почти в полную зависимость от исследователя.

Так, упомянутая статья Е. С. Зашихина об издательской деятельности Бажова, завершенная приведенной цитатой как итогом, обретает весьма сомнительную научную ценность, если знать, что данное письмо написано Бажовым Е. А. Пермяку в связи с работой в качестве соавтора над пьесой Пермяка «Ермаковы лебеди»¹²⁶, и никак не связано с издательской деятельностью.

Другим примером может послужить тот факт, что один и тот же эпистолярный материал стал аргументом для прямо противоположных взглядов исследователей: для М. А. Батина письма Бажова являются красноречивым подтверждением принадлежности сказов к ярким образцам соцреализма, однако для В. П. Лукьянина те же письма, напротив, демонстрируют внутреннюю дистанцию писателя по отношению к этому художественному методу.

; Её же. Содержательные основы жанровых номинаций прозы П. П. Бажова // Дергачевские чтения — 2008 : русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 177–186.

¹²⁶ [Е. А. Пермяку; 1941; НВФ 6973 Л.1–2]

Хотя, пожалуй, самым распространенным явлением нужно считать ситуации, когда введенный в исследовательское рассуждение эпистолярный материал если и «срабатывает», выглядит убедительно, то только для тех, кто не знаком с его подлинным «изводом». Стоит признать, что таких читателей подавляющее большинство, но суть от этого не меняется: практически любое использование размышлений Бажова посредством его писем становится, в худшем случае, совершенным искажением взглядов писателя, однако и в более удачных случаях – существенным упрощением, неоправданным обобщением, безосновательной редукцией многих других смыслов и нюансов.

Присутствие в научном обороте, по сути, набора отдельных цитат, но не цельного образа эпистолярия (который, с одной стороны, очерчивает широту его проблемно-тематического диапазона, а с другой – обозначает и его границы) не позволяет сделать обращение к суждениям писателя действительно научной процедурой.

Так, обращение В. В. Эйдиновой к эпистолярным высказываниям Бажова по поводу собственного стиля логично и действительно показательно: мы видим, что для самого писателя категория стиля была так же значима. Но далее опора на письма помогает автору выйти лишь на понятие простоты, безыскусности, естественности, являющейся неким фундаментальным концептом бажовского мировидения, отраженным в авторском стиле¹²⁷. Вместе с тем, именно эпистолярный писателя подсказывает нам, что понятие литературного стиля, манеры для Бажова столь же неизбежно связано и с эпохой, этапом исторического и литературного процесса, в котором находится пишущий¹²⁸. Остался без внимания и другой, в том

¹²⁷ «В результате возникает ощущение простоты с ее пафосом натуральности и неподдельности, живо передаваемых читателю и включающих его в особое стилевое поле, чьи приметы не раз “набрасываются” в тех или иных внесказовых текстах художника». Указ. соч., с. 393.

¹²⁸ Ср. : «Писать теперь что-нибудь в манере “Аси” или “Первой любви”, конечно, было бы дико. Цвет времени не тот. Но ведь Тургенев тоже не писал своих вещей в манере своих предшественников. В этом, на мой взгляд, и вопроса нет. То, что у нувеллистов библейских времен рассказывалось, как “хождение Иакова”, то в средние века передавалось, как “Дафнис и Хлоя”, у Тургенева, как “Первая любовь”, а вот как у нас этот же мотив? Наше горе как раз в том, что мы не можем вырваться из плена старых заголовков, противопоставить им что-нибудь более выразительное и “созвучное”. “Большой конвейер”, “Скважина бис-2”, “Штурм”, “Разбег”, “Наступление” кажутся примитивными, грубыми, а для “Первой любви” и “Гранатового браслета” время прошло. И не стоит на них огля-

числе и стилистический, фактор становления, созидания художественного текста, не менее обязательный в творческом мышлении Бажова – фактор некоего сопротивления языкового материала, с которым работает художник («Уж очень огромен наш язык, и каждый из нас перед ним козявка козявкой» [Л. И. Скорино; 20.09.1944; КП 21322 Л.9]).

Бесспорной представляется правомерность и продуктивность использования Н. А. Швабауэр приведенной выше цитаты. К сожалению, автор статьи этим и ограничивается в обращении к эпистолярным источникам. Но помимо фольклорного «корня», сам писатель осознает и проговаривает и другие условия формирования художественного образа. Тщательно продуманный психологизм¹²⁹, эстетическая составляющая персонажа, органично вписанная в эстетическое целое произведения¹³⁰, соотнесенность образа с идейным комплексом текста¹³¹ – все эти проблемы, судя по письмам, писатель ставил перед собой совершенно сознательно, более того, вероятно, считал решение этих проблем необходимым минимумом для художественной состоятельности написанного. Думается, что без учета этой многомерности авторской рефлексии анализ женских демонологических персонажей в творчестве П. П. Бажова и сам теряет существенную долю глубины, сложности, многоплановости, столь необходимых для выявления подлинной специфики бажовского художественного мира.

И все же, несмотря на сказанное выше, третьей, на наш взгляд, важной чертой функционирования эпистолярия в исследовательском дискурсе является именно продуктивность. Уже названные выше работы – монография Л. И. Скори-

дываться с таким вздохом: “А напиши теперь так”. Надо наоборот, выпрыгнуть из плена прошлого, не попав однако в “Скважину бис-2”» [Е. А. Пермяку; 27.10.1945; НВФ 5108 Л.73]

¹²⁹ «Вообще выдумка в литературе – дело очень ответственное, ко многому обязывающее автора. Вам вот потребовалось ввести какого-то титулованного жулика. Болван или лентяй для данного случая не годиться. Нужен подлец из таких, которые могут выпутаться из самого сложного положения, если преступление не удастся. А если вводите такого, то должны считаться со всеми его качествами, нужны или не нужны они Вам» [Георгию Георгиевичу; 15.06.1946; НВФ 6950 Л.9].

¹³⁰ «Может статься, в моем жанре детали больше сбивают. Назовешь, скажем, проходящий персонаж Михай Кончина – это тебя обязывает к одному, назови его Яша Кочеток – надо представить дело совсем по-другому» [Е. А. Пермяку; 5.12.1946; НВФ 5108 Л.81].

¹³¹ «...действую по правилу, сформулированному Д. И. Писаревым, - идея прежде всего. Но должен сознаться, что иной раз сказочный образ вызывает аналогии, антитезы, параллели и тянет за собой, конечно, в пределах занимающих тебя идей» [Л. И. Скорино; 18.09.1945; КП 21327 Л.1].

но, статья В. П. Лукьянина, ряд работ М. А. Литовской – имеют статус действительно значительных сдвигов, свежих взглядов в бажоведении. Но при всей разности подходов их объединяет то, что опираются они во многом на материалы именно эпистолярного наследия писателя. Очевидно, играют роль здесь несколько факторов. И редкость ситуации, когда писатель практически вынужден неоднократно самоопределяться, формулировать свои эстетические и творческие позиции, притом в письменном виде (хотя зачастую легко заметить, что Бажов делает это без особого внутреннего сопротивления, а то и довольно охотно). И совершенно убедительная его компетентность, интеллектуальная и теоретическая состоятельность в вопросах такого порядка. И, наконец, тот факт, что значительная часть этих «откровений» сохранилась. Так или иначе, но необходимо признать: при всех искажениях и сокращениях, при всей неполноте, которая демонстрировалась выше, письма П. П. Бажова уже сыграли весьма значительную конструктивную роль в изучении жизни и творчества писателя.

Таким образом, завершая историографический обзор, мы логически подходим к несколько парадоксальному заключению. Эдиционная практика относительно писем П. П. Бажова была настолько своеобразной и лишенной большинства научных принципов, что ожидать от такого введенного в научный оборот материала многого было бы несправедливо. Однако, как показывает уже исследовательская практика и история становления бажоведения, ценность этих материалов (а значит и усилий издателей) оказалась высока – они заняли прочное место и до сих пор играют весьма продуктивную роль в исследовательском дискурсе, посвященном творческому наследию писателя. Но именно эта продуктивность и является важнейшей причиной для пересмотра всех результатов, критическому переосмыслению научного вклада, сделанного и издателями, и исследователями.

1.2 Классификация эпистолярного наследия П. П. Бажова

Как уже говорилось, важным пунктом стратегии данного исследования является опора на материалы, достоверность которых подтверждается документально. В результате поисков в различных государственных архивах России можно сделать вывод, что коллекция писем П. П. Бажова, которая находится в фондах Объединенного музея писателей Урала в Екатеринбурге является максимально репрезентативным на данный момент собранием эпистолярия писателя. Письма, обнаруженные в хранилищах других учреждений, отложились в личном архиве Бажова (перешедшем в архив ОМПУ) в виде авторизованных копий. А работа сотрудников ОМПУ с частными лицами, у которых могли сохраниться иные эпистолярные документы, позволяет предполагать, что основным массивом писем мы уже располагаем.

Упомянутая коллекция ОМПУ насчитывает порядка 1300 писем, написанных самим писателем. Однако значительную часть из этого числа составляют ответы писателя на депутатские запросы (около 900 единиц)¹³². Кажется целесообразным оставить за рамками данного исследования эту наиболее формализованную и наименее выразительную с точки зрения личностного начала пишущего часть эпистолярного наследия, к тому же слабо связанную с кругом проблем, поднимающихся в остальных письмах и имеющих непосредственное отношение к жизни и творчеству писателя. В связи с этим материалом для исследования стали 357 эпистолярных документов общим объемом около 850 000 знаков.

Приведенная ниже классификация является разбиением оговоренного корпуса сохранившихся в архиве ОМПУ эпистолярных документов авторства П. П. Бажова на группы писем, выделяемых нами на основе дифференцирующего признака – характера связи автора и адресата. Такая связь естественно реализована в любом письме, как и в любом другом коммуникативном акте, но именно характер

¹³² Подробнее о тематическом составе этой группы писем см. Григорьев Г. А. Депутатская переписка П. П. Бажова (на материале фондов Объединенного музея писателей Урала) // Дергачевские чтения - 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф. — Екатеринбург, 2012. — Т. 3. — С. 51-56.

связи, обусловленный реальными, биографическими отношениями корреспондентов, определяет существенные содержательные и стилевые установки того или иного эпистолярного текста. Иначе говоря, письма к близкому другу, дальнему родственнику или представителю власти могут быть совершенно несходными, даже если принадлежат перу одного и того же автора. То есть установка на самовыражение, самораскрытие может существенно уступать ориентации на интересы и характеристики адресата.

Однако, стоит заметить, что в случае с письмами Бажова ситуация несколько иная. В подавляющем большинстве его писем можно говорить о практически равноправном сосуществовании интенций, обращенных на выражение себя, своей позиции или мнения, и интенций к диалогичности письменной речи, к стремлению услышать, понять и учесть мнение собеседника-корреспондента. Таким образом, классификация писем на основании характера связи корреспондентов опирается прежде всего на содержательный аспект эпистолярия. А соотнесение конкретного письма с той или иной группой этой классификации будет само по себе информативным в аспекте эпистолярия писателя как целостного феномена.

Согласно указанному принципу все эпистолярное наследие П. П. Бажова можно разделить на три основные группы: письма, обусловленные **родственной, дружеской и деловой связью**.

1.2.1 Письма родственникам

Первая группа, **письма к родственникам**, характеризуется самым большим временным диапазоном. В нее входят такие документы, как поздравительные открытки, подписанные рукой П. П. Бажова, которые датируются автором декабрем 1913 года. А также записки, написанные П. П. Бажовым в Москве жене, Валентине Александровне, из Кремлевской больницы в ноябре 1950 года, которые с большой долей вероятности можно считать последними автографами писателя. В виде документов (подлинников и копий) сохранилось 27 писем (в том числе, по-

здравительные надписи и записки). Из них 13 адресовано жене ([1919; КП 23216 Л.1–4], [1930; НВФ 6947 Л. 1–2], [21.04.1930; НВФ 6947 Л. 3], [ноябрь 1950; КП 23217 Л. 1–10]), 5 – родственникам по линии жены ([Сикорской А. В.; декабрь 1912; КП 23219 Л.1], [Иваницкой А. А.; 1913–1915; КП 23219 Л.2–4], [Карпову С. В.; 26.04.1919; КП 23218 Л.1–2]), 1 – младшей дочери Ариадне [18.10.1946; КП 23221 Л.1], 6 – Владимиру Евгеньевичу Присадскому (внуку по линии старшей дочери Ольги) [1946; КП 23220 Л. 1–6, НВФ 6948 Л.1], 2 – Александру Семеновичу Оглоблину (внуку по линии средней дочери Елены) [1946; НВФ 6948 Л.1].

Переписка с родными на протяжении всей жизни была внутренней необходимостью писателя. В периоды не столь частых и длительных разлук (связанных, например, с рабочими командировками 20-30-х гг.) он всеми средствами налаживал связь с домом, притом не ограничивался письмами к жене, отдельно писал и детям. Семья, дом были для Бажова неким краеугольным камнем в фундаменте человеческого самостояния. И, находясь вдали от них, писатель находил в письмах домой некую эмоциональную подпитку («Все дело за вами там всеми: если будет гладко, так и у меня все будет хорошо» [В. А. Бажовой; 1930; НВФ 6947 Л.1]).

Интереснейшими документами являются письмо-шифровка к свояку С. В. Карпову (в письме именуется братом Серапионом), датированное 26 апреля 1919г., и письмо к жене того же периода. Особенно примечательно второе письмо, написанное в первой половине 1919 года скрывающимся от колчаковцев Бажовым в занятый белыми же Камышлов. В письме зашифрован адрес, на который ему можно посылать письма (послание складывалось из вторых букв каждой строчки), однако и само письмо представляет собой завуалированное описание впечатлений Бажова от скитаний по колчаковской Сибири, которое можно рассматривать как предварительные наброски к повести 1926 года «За советскую правду. Из жизни Урмана».

Письма начала 30-х годов фиксируют процесс работы Бажова-очеркиста, много ездившего по деревням и селам. Привлекает здесь его неподдельный энту-

зиазм, увлеченность своей работой: «Словом, меня начинает захватывать деревенская вешняя сумятица и неопределенность, а это облегчает и ускоряет счет пройденных пятидневок» [В. А. Бажовой; 1930; НВФ 6947 Л.1].

Письма к жене отражают ту атмосферу полной гармонии и взаимопонимания, царившую в отношениях П. П. и В. А. Бажовых, которую вспоминают все близко знавшие их. Бажов, прекрасно понимая главные естественные тревоги и вопросы Валентины Александровны о своем здоровье и условиях жизни, всегда спешит ее успокоить («О моем питании не заботься и о житье не беспокойся: сыт и спать не холодно» [там же]). Даже в поистине экстремальных условиях Гражданской войны он находит возможность сообщить, что беспокоиться не о чем. В зашифрованном письме 1919 года им сообщается, что «Николка Бахтеев»¹³³ хоть и «так простудился, что когда попытался проездом остановиться в Татарске, то его не пустили ни в гостиницу, ни на постоялый – показался умирающим. Теперь, однако, он уж не производит такого впечатления, поправился, служит где-то на севере Каинского уезда в глухом урмане учителем». С не меньшей обязательностью сообщается и о внутреннем состоянии. Бажов, уверенный в том, что будет полностью понят и поддержан, доверяет собеседнику самые важные для него мысли и планы: тот же Николка Бахтеев «поминутно протирает свои синие очки и... фантазирует. Носится теперь с устройством мастерской учебных пособий и классной мебели в своем необыкновенном селе» [1919; КП 23216 Л.1].

Остается только сожалеть о крайне малом количестве сохранившейся супружеской переписки. Вероятно, Валентина Александровна была действительно уникальным адресатом: в письмах к ней установка на интересы собеседника чрезвычайно гармонировала с истинными внутренними приоритетами писателя. В этих письмах мы ярче всего видим П. П. Бажова «в полный рост», с его повседневной увлеченной погруженностью в окружающую действительность – с одной стороны, и оптимистичной заряженностью видеть в настоящем намного более широкую перспективу – с другой («Жаль вот только, что <...> приходится кру-

¹³³ Бахтеев – подпольная фамилия Бажова, Валентине Александровне было легко понять намек.

житься около одного Зайкова, нельзя съездить подальше. А дороги теперь! Красота... только бы по ним ездить» [В. А. Бажовой; 1930; НВФ 6947 Л.1]). Бесспорно, масштаб мышления писателя находит выражение во множестве писем другим адресатам¹³⁴, но такой очевидной, не допускающей сомнений искренности, пожалуй, нет нигде.

8 писем к внукам – наглядные примеры некой эпистолярной саморедактуры Бажова. В этих письмах 6-летнему Александру и 9-летнему Владимиру писатель естественно переходит в совершенно иной режим отражения, описания жизни: «У нас в доме все здоровы. Вместо мальчика Валерика теперь с тетей Анютой живет девочка Тома. Во дворе тоже по-старому. Петух орет, куры кудахчут, Зона бока на солнышке греет, Ральф скачет. Даже Слива перед весной повеселее бродит» [26.3.1946; КП 23220 Л. 2].

Однако простыми и понятными ребенку словами фиксируется «взрослое» упорядочивание жизни: «Не забудь написать и о таблице умножения. Она ведь в твои годы самая главная крепость, которую нужно взять». Не сдерживает себя и Бажов-писатель. Реагируя на новости из письма «милого Вовика», он пишет: «Хорошо, что у вас переложили печь, и стало тепло, еще лучше, что перестал болеть гриппом, приятно, что растет передний зуб». О всеобщем любимце Ральфе рассказывает: «Очень сильная собака, но котят в доме не трогает, только фыркнет: какая, дескать, пакость! А котята тоже веселые растут» [22.11.1946; КП 23220 Л. 6].

Все эти письма могут послужить любопытным дополнением к материалам о проблеме осмысления Бажовым детства как весьма специфичном (но оттого еще

¹³⁴ Ср. пассаж Бажова из письма к дочери Ариадне по поводу имени ее недавно родившегося сына Никиты, на котором он сам настоял: «Хорошее имя, полнозвучное и не такое затасканное, как многие другие. Как будут называться его дочери, думать рано <...> Они в случае надобности найдут выход! Да, может быть, к тому времени у нас будет принят общеевропейский способ имен без отчеств, а мы из-за пустяковых представлений о неподвижности быта отвергнем такое занятное имя» [18.10.1946; КП 23221 Л.1].

более ценном) этапе становления человека. К этому вопросу он обращается неоднократно, не обходя вниманием и в своей писательской практике¹³⁵.

1.2.2 Дружеские письма

В существенно большем объеме сохранилась **дружеская переписка П. П. Бажова**. Но прежде чем рассматривать ее состав и особенности содержания, необходимо остановиться на принципах отбора писем в эту группу. Дело в том, что доброжелательность, живой интерес к собеседнику, готовность проявить участие в разрешении его проблем и забот присущи практически всем письмам Бажова. Тогда как сухость, отстраненность, деловой стиль в принципе нехарактерны для бажовского эпистолярия. К тому же нет оснований предполагать, что все перечисленные качества – всего лишь формальность, дань этикету. Довольно часто за такими письменными выражениями писателя даже малознакомым людям стоят реальные действия, помощь, поддержка.

Однако не представляется продуктивным и такой путь, при котором выявление «настоящих» друзей и писем к ним опирается на биографические сведения. Во-первых, сведений такого порядка в случае с П. П. Бажовым и его окружением на данный момент не достаточно, во-вторых же, сведения внешнего порядка, свидетельства и воспоминания участников событий довольно сложно однозначно интерпретировать в аспекте таких вопросов как реальные (тем более, близкие) человеческие отношения. Не упрощает задачу и такое свойство отношений, как их изменчивость на протяжении определенного отрезка времени, когда искренняя дружба по тем или иным причинам охладевает, если не переходит в прямую противоположность.

Вместе с тем, письма к друзьям – безусловно, ценнейшая часть любого эпистолярия. Душевная предрасположенность автора писем к адресату-другу обеспечивает некую интимность, доступность к его обычно не демонстрируемым уров-

¹³⁵ Достаточно вспомнить написанные автобиографические повести «Зеленая кобылка» и «Дальнее–близкое», не реализованный замысел повести «Крашенный панок» и уже менее известные небольшие зарисовки «Никиткины дни» (см.: Бажова-Гайдар А. П. Глазами дочери. М. : Советская Россия, 1978. С. 118–120).

ням мыслей, переживаний. Что, в свою очередь, делает такие письма практически уникальным источником, в котором автор отражается с максимально возможной глубиной. Подобная ситуация может быть характерна лишь для переписки с близкими родственниками. Но стоит заметить, что совпадение интересов собеседников (в том числе и профессиональных), определяющее наибольшую ценность переписки для исследователя, в случае с родственниками наблюдается, по понятным причинам, существенно реже, чем в переписке с друзьями.

Немаловажным видится и такой фактор, как доверительность дружеских отношений, который позволяет говорить не только о некоем наборе интересов, ипостасей личности автора писем, но и об их внутренней расстановке, системе приоритетов.

В эпистолярном наследии П. П. Бажова на фоне преобладающего спокойного, нейтрально-доброжелательного, взвешенного тона (характерного для деловой переписки писателя) довольно ярко выделяются письма, в которых эмоциональный диапазон значительно шире.

В таких письмах существенно повышается доля юмора, иронии. Притом шуточные пассажи Бажова могут приобретать как веселый, озорной окрас, так и довольно мрачные тона.

Обращаясь к профессору В. В. Данилевскому и оправдывая свое длительное молчание, П. П. Бажов пишет: «Мысль побывать в Ленинграде, однако, жива. Может быть, на этот раз ее осуществим, и тогда уж отговорюсь от всех своих вин перед Вами и получу в награду “Русское золото”, которое, вероятно, к тому времени выйдет. С своей стороны надеюсь вручить Гихловское издание своей книжки. Имейте в виду – с картинками! Поэтому будьте сговорчивее» [29.12.1947; КП 23228 Л.6]. В письме к Е. А. Пермяку писатель благодарит его за хлопоты по поводу гонорара от журнала «Мурзилка»: «Большое спасибо, что исправили ошибку мурзилочной бухгалтерии. У них, как видно, и в счетном деле мурзилки сидят» [8.10.1946; НВФ 5108 Л.69–70].

Но уже в другом письме к Пермяку шутовское сопоставление предназначено для совсем другого эффекта. Приступая к рассказу о новостях свердловского отделения ССП (до этого были хозяйственные советы по поводу устройства выгребной ямы) автор делает такой переход: «На этом строительные разговоры кончаются, перейдем к выгребам другого порядка, где ни вентиляция, ни дезодорация никому, в сущности, не известны. Имею в виду те писательские склейки, в которых главным идет авторское самолюбие, зависть, грубое, а подчас и неумное руководство и больше всего боковые факторы взаимных отношений, попросту говоря, сплетни в так называемом “своем кругу”. У нас таки порядком засмердило»¹³⁶ [8.10.1946; НВФ 5108 Л.105–106].

Кроме того, ироничные замечания (чаще всего в собственный адрес: «Все-таки ведь с 48-м на меня надвигается 70-й. По старому русскому обычаю этот возраст относится к разряду тех, главная забота которых подогревание седалищного нерва» [В. В. Данилевскому; 29.12.1947 ; КП 23228 Л.6]); остроты («...гостиничный коммутатор. Между прочим, неправильное слово. Надо говорить хомутатор. Телефонистки, конечно, люди тяжелого труда, но иметь с ними дело могут лишь очень настойчивые, либо большие любители перекогов и перебранок» [В. В. Данилевскому; 1946; КП 23228 Л.4]; «Дали, как полагается, рецепт: дионин в глаза, рыбий жир в мышцы и глюкозу с какой-то стервозой в вены» [В. В. Данилевскому; декабрь 1944 ; КП 23228 Л.1]); обильная словесная игра, аллюзии, образность («Ваши гороблагодатские письма читаю с нарастающим удовольствием: чувствуется, что гора захватывает по-серьезному, как и следует по положению магнитной горы. Штука, что говорить, большая. Мотив “денежки-погонялочки” еще звучит, но уже его заметно приглушили мелодии из Генина, Белова, Струмилина»¹³⁷ [Е. А. Пермяку; 9.01.1946; НВФ 5108 Л.79–80]) – все это создает совершенно **особую речевую манеру дружеских писем П. П. Бажова.**

¹³⁶ Речь идет об обсуждении повести Н. Поповой «Встреча» на общем писательском собрании, которое переросло в серию серьезных конфликтов.

¹³⁷ Письмо написано в связи с работой Е. А. Пермяка над книгой «Слово о горе Благодати»; Генин, Белов, Струмилин – авторы исторических работ по этой теме.

Вторым дифференцирующим признаком бажовского дружеского послания является **интенсивная включенность тем бытового, семейного характера**. «Домашняя жизнь» и «домашние дела»¹³⁸ в таких письмах становятся неотъемлемой рубрикой. Бажову важно, что собеседник включен в домашний круг «своих», важно и самому быть таковым. В отличие от деловой переписки, где актуализируется, прежде всего, профессиональная деятельность адресата, дружеская – обращена в первую очередь к человеку, что, по Бажову, предполагает обязательное внимание к его семейной ипостаси. Неслучайно привет супругам передается в большинстве случаев даже в деловых письмах (если Бажов знает их), притом привет – от «семейства Бажовых»¹³⁹. И если такие приветствия можно признать отчасти формальными (чаще всего, информации об отношениях писателя с супругой или супругом собеседника по деловой переписке крайне мало), то семья друга прекрасно знакома с семьей Бажовых¹⁴⁰. Об этом красноречиво свидетельствуют, например, сохранившиеся письма к детям друзей¹⁴¹. Но прежде всего, сами письма: «Вся наша семья остро ощущает отсутствие не только Вас (не гордитесь своей обаятельностью!), но в такой же степени Марьи Степановны, Ксаночки и Риты. Пусть тоже не забывают уральцев на улице Чапаева» [Е. А. Пермяку; 8.03.1944; НВФ 5108 Л.5]; «...мы с Валентиной Александровной вскоре опять будем в Москве и надеемся повидаться не один раз с вами. <...> слышали, что Мария Михайловна (жена И. С. Пустовалова – Г. Г.) вернулась после лечения окрепшей, как всегда, веселой. Значит, встреча будет более радостной, чем предыдущая» [И. С. Пустовалову; 12.11.1949; КП 23222 Л.2] и т.д.

¹³⁸ Из писем к В. В. Данилевскому [1946 ; КП 23228 Л.4–5].

¹³⁹ Ср. Телеграмма к А. П. Тернову: «Дорогого Александра Порфирыча поздравляем высокой правительственной наградой, желаем ему, Марии Гавриловне всего лучшего. Семейство Бажовых» [1940–е; НВФ 7014 Л.1].

¹⁴⁰ О проблеме писем к Л. И. Скорино, которые являются ярким образцом дружеской речевой манеры П. П. Бажова, но, как кажется, не входят в категорию дружеской переписки именно в связи со вторым признаком, см. ниже.

¹⁴¹ К Оксане Пермяк: «...У нас в доме появился новый человек. Зовут его Никитой. Он пока умеет есть да спать, а в промежутках покрикивает да ножонками дрыгает. Молодые родители, да и бабушка тоже, уже видят, что он улыбается. Ну, дедушка – слепой – он этого еще не видит» [2.8.1946; КП 23234 Л.1], Татьяне Шаумян: «...Посылаю тебе опять малюсенькую книжечку, а условие то же самое, как и в прошлый раз: поцеловать маму и папу не менее трех раз, передать им привет от жителей улицы Чапаева, 11, книжечку прочитать, вспомнить Урал, своих уральских подруг и друзей и написать мне письмо, такое же подробное и большое» [2.8.1946; НВФ 6955 Л.1].

Таким образом, группу дружеских писем П. П. Бажова, реализующих дружескую (но не деловую¹⁴²) связь с адресатом, составляют 46 писем, написанных в период с 1940 по 1949 гг.: Е. А. Пермяку (35 писем с 1940 по 1946 гг. [НВФ 5108 Л.1–76, 79–90, 93–96, 99–123], [НВФ 6973 Л. 1–8],[КП 23233 Л.1–2], [КП 23093, Л.1–2]), В. В. Данилевскому (4 письма [В. В. Данилевскому; 1944–1947; КП 23228 Л.1–6]), Н. Я. Гущину [14.02.1946; КП 23851 Л.1], А. К. Шарцу [20.02.1948; КП 23237 Л.1–2], О. Е. Пермяк [2.8.1946; КП 23234 Л.1], Т. Л. Шаумян [2.8.1946; НВФ 6955 Л.1], другу детства Николаю Евгеньевичу [31.05.1949; КП 23222 Л.1], И. С. Пустовалову [12.11.1949; КП 23222 Л.2], телеграмма А. П. Тернову [1940–е; НВФ 7014 Л.1].

Тематический диапазон этих писем крайне широк, поэтому остановимся лишь на основных вопросах, переходящих из документа в документ.

Как уже указывалось, вопросы бытового порядка – характерная черта данной группы. Дела семейные («Желаю твердого фундамента и хорошего выгребца. Марии Степановне, Ксаночке, Рите привет от меня и всех наших. У Риды все еще загадка не разгадана: мальчик или девочка?» [Е. А. Пермяку; 7.07.1946; НВФ 5108 Л.106]); хозяйственные («Мы вон замучились с таким простым делом, как передать какой-нибудь хозяйственной организации племенную телку. У одних дома надо управиться, у других – руководитель в командировке, у третьих – машины нет. Так и тянется день за днем, а ведь это не только хлопотливо и убыточно, а порой непереносно, так как маленький двор ведь не приспособлен к телячьему воспитанию. Корова ревет, теленок ревет, а тебе великодушно предоставляется право “не обращать внимания”» [Е. А. Пермяку; 6.08.1945; НВФ 6973 Л.6]); связанные со здоровьем («Сегодня как раз у меня итоговый день. Результат неважный: правая рука не поднимается выше плеча, в ноге тоже какая-то неувязка, о глазах Вы знаете» [Е. А. Пермяку; 28.01.1945; НВФ 5108 Л.57]) – в основном, ин-

¹⁴² Некоторым адресатам (Е. А. Пермяку, А. К. Шарцу) сохранились как дружеские, так и деловые послания.

тересны только в плане более подробного, объемного представления условий жизни писателя¹⁴³.

Однако, если учесть специфическую экспрессивность и дружескую доверительность П. П. Бажова в рамках данных писем, можно прийти к выводам, выявляющим существенные черты личности писателя. Так, очевидно, что на протяжении большей части 40-х гг. Бажова преследовали серьезные проблемы со здоровьем: («Здоровьем вообще похвалиться не могу. Какие-то тромпики-бромбики, или еще как, начали обрываться без всякой уважительной причины. Спишь, например, спокойно, никого не задеваешь, а этот самый тромпик вдруг оборвется и куда-то сиганет, а ты просыпаешься от нестерпимого приступа судорог. Да еще окажешься весь в холодном поту. Между прочим, это не метафора, а настоящий холодный пот, и впечатление получается, как от поверхностного обмерзания» [Е. А. Пермяку; 6.08.1945; НВФ 6973 Л. 7]; «Я делаю вид, что могу еще работать, но, говоря по совести, стал так уставать к концу дня, как не бывало раньше» [В. В. Данилевскому; 1946; КП 23228 Л.5]). И, вероятно, только та самая поразительно деятельная, энергичная натура, о которой так часто говорится в воспоминаниях о нем, была залогом столь масштабной и разнообразной деятельности П. П. Бажова.

Не менее интересны и фрагменты (порой достаточно объемные), посвященные хозяйственным вопросам. Писатель со вкусом рассуждает о бытовых мелочах¹⁴⁴, с любовью – о садово-огородных делах¹⁴⁵, со знанием – о строительной де-

¹⁴³ За редким исключением факты, отраженные в письмах, представлены и во многих других биографических и документальных источниках.

¹⁴⁴ «Нынешняя моя зажигалка тоже с лицом. Из цельного медного штока (Урал медный!) высверлена. Погнуть искродобывающую часть невозможно, т.к. она не припаяна, а утверждена в основном куске металла. Также будет действовать, как и «система Пермьяк» до изношенности колеска. А что отвинчивать да завинчивать, то это пустяк, рассказ для малышей. Не возражайте, пожалуйста, по части одноручия и быстроты. Мы сами, поди-ка, еще в юношеские годы «Труд» Смайлса читывали, а там сказано: «Курильщик есть растратчик своего времени и здоровья». Поэтому нечего хвалиться, что растрачиваешь одной рукой и быстро. Это не качество! Может быть, двумя-то руками да с прохладцей гармоничнее выходит. Растрачивать, так растрачивать, с чувством!» [Е. А. Пермяку; 27.10.1945; НВФ 5108 Л.73].

¹⁴⁵ «Общий взгляд на огород Вам уже известен. В коротких словах – люблю веселый огород, где бестолково перемежаются малина с хреном, капуста с маком и т.д. Все это пускается погуще. Зелень получается буйная, кудрявая <...> Из огородных работ больше всего люблю копать землю. Копаю весной, копаю осенью (зяблевая вспашка). Иногда даже копаю в перевал, когда первый паст окажется внизу, а второй сверху. Мне это просто доставляет удовольствие: работаешь, потеешь на солнышке, а всегда ли это надо, не задумывался» [Е. А. Пермяку; 19.04.1945; НВФ 5108 Л.64–65].

тельности¹⁴⁶. Примеры можно множить, но главное очевидно: для Бажова житейское, бытовое не просто не было какой-то отягчающей неизбежностью, а составляло необходимую часть полноценной жизни («Что-то, видимо, возрастное, – пишет 67-летний писатель, – изменило мое отношение к огородным делам: не тянет, и это кажется скверным признаком» [Е. А. Пермяку; 12.05.1946; НВФ 5108 Л.104]). Пушкинское «Быть можно дельным человеком / И думать о красе ногтей», как кажется, находит развитие в факте возможности быть гордостью русской словесности и разбираться в устройстве выгребных ям¹⁴⁷.

Но, конечно, наиболее объемную часть дружеских писем составляют размышления писателя на темы литературы, искусства, науки. В формировании набора тем, характерных для писем конкретному адресату, значительную роль играют, прежде всего, интересы собеседника. С историком В. В. Данилевским литературные проблемы Бажов если и поднимает, то в близком историку разрезе, например, в аспекте документальных источников литературной биографии («За книгу “А.С. Попов” большое спасибо. Очень хорошо, что такой сборник документов издали. Это устраняет всякие литературные кривотолки в роде тех, какие, например, имеются в отношении Мамина-Сибиряка. Здесь уж не распустишь фантазию вплоть до спора, кто имеется в виду под инициалом К. : Кибальчич или Комаров (издатель “Света”»)» [В. В. Данилевскому; 1946; КП 23228 Л.5]). Тогда как в письмах к Е. А. Пермяку литература – безусловно, центральный объект размышлений («Поговорим лучше о Бальзаке, Флобере и прочих не членах Союза. Мне кажется, они вовсе и теперь не снимаются с повестки дня» [Е. А. Пермяку; 30.09.1946; НВФ 5108 Л.111]). Вместе с тем, в случае, когда Пермяк делится своим замыслом уже упомянутой книги о Гороблагодатском руднике, Бажов обосно-

¹⁴⁶ «Между прочим, сделайте отсюда вывод для себя. Теперь легко (повсеместно) с цементом, труднее с деревом и вовсе трудно со стеклом и алебастром. Поэтому лучше в строительстве правиться на шлакобетон, если место достаточно сухое» [Е. А. Пермяку; 15.08.1944; НВФ 5108 Л.30].

¹⁴⁷ «Выгребную ройте пообъемистее и никакой выкладки дна камнем не делайте. Почвенные условия Вам позволяют сделать и отсос, т.е. в любом направлении от выгребя прокопать канаву глубиной ниже дна выгребя, уложить в канаве простейшего вида фашинник и снова зарыть землей намертво. Если предполагаете пользоваться выгребом для компостирования, тогда нужно и дно выкладывать и приямок делать». [Е. А. Пермяку; 7.07.1946; НВФ 5108 Л.105].

ванно (по крайней мере, для себя) большую часть своих советов посвящает проблемам именно исторического порядка, руководствуясь важной для него и многократно высказанной мыслью о том, что литература исторического толка должна иметь прочный научный фундамент¹⁴⁸. Что, в частности, иллюстрирует внутреннюю установку писателя на конструктивное совмещение попыток понять, осмыслить позицию собеседника и аргументированно выразить свою позицию по тому или иному вопросу. Кроме того, в таких фрагментах четко прослеживается, как кажется, коренное – искреннее желание помочь, поддержать, так или иначе способствовать деятельности адресата, которая близка и важна самому писателю.

Писатель не замыкается на литературе – в письмах его интерес привлекает театр, кино, скульптура, живопись, балет. Реагируя на замечания собеседника, П. П. Бажов может достаточно пространно высказаться по поводу того или иного произведения искусства. Письмо к Пермяку по поводу постановки свердловского Театра юного зрителя «Василий Иванович»¹⁴⁹ – подробный анализ спектакля (игры актеров, режиссерской работы, декораций). Характерна склонность Бажова видеть и анализировать в произведении не только собственно творческую составляющую, но и так называемое «закулирье», и зрительскую реакцию: «Наглядно выступает и другая трудность. Хотят показать злободневное, а способ прохождения пьесы такой, что сам успеешь состариться. Год назад как бы звучал “Василий Иванович”! Теперь же он осенними листочками засыпаться стал: идут разговоры о возвращении ребят с производства в школы. <...> Слишком длинна предварительная стадия обсуждения со всех сторон и особенно в такой страшной, как педагогическая. <...> В лучшем случае, после длительной волынки ребята получают залакированную старую игрушку, которой уже перестали играть» [Е. А. Пермяку; 6.12.1945; НВФ 5108 Л.84].

Примерно в тех же координатах Бажов оценивает кинокартину «Каменный цветок». С одной стороны, писатель прекрасно отзывается о работе режиссера А.

¹⁴⁸ Более подробный анализ воззрений П. П. Бажова, высказанных в письмах к Е. А. Пермяку, см. в последующих разделах.

¹⁴⁹ Е. А. Пермяк является автором пьесы.

Птушко: «Все-таки ведь это только трехцветка, и немало творческих усилий, изобретательности и вновь придуманного потребовалось, чтоб даже искушенный зритель сказал: “Это лучше американского”» [Е. А. Пермяку; 12.05.1946; НВФ 5108 Л.102]. С другой же стороны, не без раздражения размышляет о картине: «...ее появление могло бы оказать большую помощь для постановки новых картин, если рецензенты разобрали бы ее, как опыт работы нового коллектива. Как это вышло, что несмотря на... все-таки что-то получилось, не очень скучное на серьезную тему. Но ведь так не будут. Это требует работы. Гораздо легче пройтись по линии расхождения против словесного материала <...> Может быть, впрочем, недооцениваю силы закулисных влияний в кинематографии. Поживем – увидим» [Е. А. Пермяку; 12.05.1946; НВФ 5108 Л.104].

Впрочем, не теряет Бажов и способности к непосредственному восприятию, не анализирующему, а просто восхищенному силой искусства взгляду. Пример тому – письмо о картине «этого сумасшедшего голландца Ван-Гога»: «В комнате со щелявым полом, на расшатанном стуле, около пустого стола сидит человек с закрытым руками лицом. На первом плане прекрасные линии лба и облысевшего черепа с жалкими остатками пухлявых волосиков на висках. Видно, что старик когда-то был кудряв, имел многообещающую голову, рослую и стройную фигуру. Теперь он обветшал до предела. Это видишь не только по сгорбленной фигуре, но и по любой складке одежды, тоже ветхой и какой-то сугубо старомодной. (Не могу понять, чем это достигается, но впечатление вполне определенное и неотразимое). Под картиной издевательски-проникновенная надпись: “На пороге вечности”. Чувствуете? На такую штуку способны лишь подлинно одержимые от искусства» [Е. А. Пермяку; 1945; НВФ 5108 Л.48].

Немало внимания в бажовских письмах уделяется тому, что принято называть литературным бытом. Будучи членом ССП, притом председателем его Свердловского отделения, редактором альманаха «Уральский современник», и попросту авторитетнейшим уральским писателем, П. П. Бажов был активным участником литературного процесса своего времени. Многочисленные упомина-

ния в письмах лиц и событий, связанных с этим процессом, – богатый источник для историков литературы. Однако именно в дружеской переписке Бажов делится не только фактами и сдержанными суждениями организационного порядка (что преобладает в его деловых письмах). Другим, которые сами прекрасно знакомы с литературно-общественной жизнью Урала, писатель доверяет собственные оценки происходящего в этой жизни. Эти оценки могут быть как крайне саркастического характера¹⁵⁰, так и наполненными искренним стремлением к объективности, внимательным отношением и к сути, и к глубине вопроса¹⁵¹. Обладающие спорной для литературоведения ценностью, такие «кулуарные» высказывания П. П. Бажова в подавляющем большинстве достаточно аргументированы, что делает их интересным материалом для выявления эстетических позиций писателя.

Весьма скромное место отведено в письмах данной группы соображениям Бажова по поводу собственного творчества. Знаковым представляется такое суждение: «О сказах, вероятно, знаете. У них ход оказался выше того, о каком думалось, когда Вы налаживали первое их издание. В них, по-моему, нашли больше, чем следует. Известно, образованные! Глаз с мелкоскопом! То увидит, о чем ты и не подумал. Их дело» [Н. Я. Гущину; 14.02.1946; КП 23851 Л.1].

Отдавая предпочтение тем мыслям, знаниям и опыту, которые, по его мнению, могут в какой-то мере помочь собеседнику, писатель не видит большой пользы от рассуждений о своих произведениях. Поэтому, как правило, ограничивается сообщениями об общей результативности литературной практики, чаще всего не вызывающими у него удовлетворения: «...мне стыдно стало за “Веселухин ложок”. Поторопился и испортил хорошую тему, которая даже в таком виде

¹⁵⁰ В письме к Пермяку Бажов рассказывает о поездке в Челябинск: «Повидал и подоплеку литературы: там это с особой отчетливостью показал Гольдберг с Кировского завода (помните тот, что справлялся о стоимости подмосковных дач). Он, - этот Гольдберг, - разгорячившись по какому-то случаю, козырнул цифрой, что за годы войны он написал 37 с половиной тысяч строк стихов. Попробуйте перевести это на язык бухгалтерии! Стало понятно, что стоимость дачи в шестикратном выражении такого многострочного поэта не удивляет» [6.08.1945; НВФ 6973 Л. 7].

¹⁵¹ Фрагмент о молодом поэте К. Мурзиди: «Костя – работающий парень, но в нем все-таки держится какая-то отрыжка ударничества в литературу со ставкой на талант, “внутреннюю теплоту”, “глубокую взволнованность” и прочие туманности. Кроме того, он уже maître à danser [наставник - иронически] среди тех простодушных людей, которые поверили, что свойственная каждому в известном возрасте склонность к созвучиям является чуть ли не основным фактором поэзии. Это, разумеется, мешает Косте, толкает его на обычную дорогу «отбирания строчек», когда для растущего поэта нужно проникновение в эпоху и высшая форма стиховой культуры, которая достигается лишь путем длительной и систематической работы» [Е. А. Пермяку; 2.05.1944; НВФ 5108 Л.18].

может задеть читателя. А ведь могла стать совсем ладной, если бы раз-два ее перепечатать» [Е. А. Пермяку; 14.11.1946; НВФ 5108 Л.118]. Чаще всего жалуется на физическую невозможность работать: «Здесь же у меня не очень много возможностей для литературной работы. Донимают разные дела-делишки, которые бывают на каждый день. Не мало берет времени и депутатская переписка, а также всякого рода посещения, иногда по крайне трудным делам» [Там же, Л.117]. Крайне редко пускает в свою творческую лабораторию, делится собственными приемами, демонстрирует ход творческой мысли: «...себя постоянно ловлю на том, что даже основная мысль не укладывается так, как вначале предполагаешь. Может статься, в моем жанре детали больше сбивают» [Е. А. Пермяку; 5.12.1946; НВФ 5108 Л.81].

Подытоживая разговор о дружеских письмах П. П. Бажова, стоит сказать, что именно эта часть эпистолярного наследия писателя, как кажется, более всего нуждается в самом критическом и многоплановом исследовании. Притом в исследовании как в историко-культурном и биографическом аспектах, так и в анализе чисто художественном, способном учесть очевидный литературный градус этих писем, вскрывающем «индивидуальное оформление действительности»¹⁵² автора писем.

1.2.3 Деловые письма

Письма П. П. Бажова, написанные по деловому поводу, являются самой большой группой, как по количеству документов (1200), так и по общему объему (более 500000 знаков). Все подобные письма актуализируют в первую очередь деловой характер связи автора и адресата, обусловленный сходной (письма коллегам-писателям) или смежной (письма издателям, читателям) деятельностью корреспондентов. Необходимо заметить, что связь собеседников определяется нами непосредственно из конкретного письма и тем, в нем затронутых, тогда как реальная, биографическая, связь может быть более тесной (случай с деловыми

¹⁵² Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л. : Художественная литература, 1977. С. 12.

письмами к Е. А. Пермяку, в которых Пермяк выступает как автор, например, работы «для ансамбля песни и пляски “Тебе, поколение”», а Бажов – как рецензент и консультант¹⁵³) или же, наоборот, отсутствовать (как в случае, например, с письмами начинающим писателям, с большинством из которых Бажов не был знаком лично).

Такого рода письма, несмотря на, чаще всего, общую неформальную тональность, аналогичную письмам к родственникам и друзьям, существенно отличаются как по стилистике, так и по содержанию. Экспрессивность, реализующая близость родственных и дружеских отношений собеседников, ироничность и шутливость дружеского послания заменяются сдержанным дружелюбием и относительно небольшой стилистической свободой (основной стиль – книжный с элементами разговорного). Содержание же достаточно строго определяется поводом (заданными адресатом вопросами или просьбами автора), темы и мотивы бытового или личного порядка включаются довольно редко и носят либо формальный характер (передаются приветы родственникам адресата), либо играют роль в обсуждаемом деле (в письмах к издателям, редакторам Бажов может ссылаться на состояние здоровья, объясняя свои опасения нарушить те или иные договоренности).

Отклонения по тому или иному параметру хоть и немногочисленны, но все же присутствуют. Но такие отклонения, по нашему мнению, весьма знаменательны и лишь добавляют поводы для размышлений. Так, письма к исследовательнице Л. И. Скорино 1944-46 гг., точнее их чрезвычайно живая, зачастую искрометная манера, заставляют предполагать зарождавшуюся искреннюю дружескую симпатию писателя к адресату. Однако, характерно в них и отсутствие тем «домашнего» порядка – признак, в рамках бажовского эпистолярия, явной неполноты доверия. Что, собственно, в дальнейшем и подтвердилось фактическим обрывом переписки (об этом свидетельствуют и письменные высказывания самого Бажова: «Вы совершенно забыли свой объект исследования» [Л. И. Скорино; 21.11.1947;

¹⁵³ [Е. А. Пермяку; 7.02.1947; НВФ 5108 Л.124–127]

КП 21339 Л.1]), который, между прочим, вполне соотносится со временем выхода книги Скорино «Павел Петрович Бажов»¹⁵⁴. Как кажется, такие наблюдения могут послужить ценным материалом для критического осмысления размышлений писателя в рамках данной переписки.

Несмотря на относительную однородность по указанным содержательным и стилистическим параметрам, письма делового характера составляют столь обширную группу, что очевидна необходимость в ее дополнительном упорядочивании, разбиении на подгруппы. Впрочем, необходимость дополнительного разграничения обусловлена и самим материалом. Дело в том, что П. П. Бажов, известный своей чрезвычайной энергичностью и подлинной многогранностью натуры, оставил после себя не менее разнонаправленную переписку. При этом сам писатель как осознанно разделял различные виды своей деятельности (писательскую, журналистскую, редакторскую, исследовательскую, депутатскую, организаторскую), так и, наоборот, видел в них важные для себя пересечения¹⁵⁵.

В связи с этим представляется обоснованным в рамках писем одной группы выделить подгруппы, связанные с разными направлениями деятельности автора (в случае с Бажовым такое разбиение будет содержательным, так как письма, к примеру, Бажова-журналиста и Бажова-писателя имеют существенные проблемно-тематические различия), одновременно подчеркивая их принципиальную смежность, не менее характерную для личности писателя.

Таким образом, деловые письма П. П. Бажова распадаются на следующие подгруппы:

- письма, связанные с журналистской деятельностью;
- письма, связанные с редакторской деятельностью;
- письма, связанные с исследовательской деятельностью;

¹⁵⁴ Скорино Л. И. Павел Петрович Бажов. М., 1947. 275 с.

¹⁵⁵ Ср. характерные размышления: «Писательски теперь почти не работаю, если не считать, что иной раз к какому-нибудь случаю сказ для газеты напишешь, он ведь газетный и останется. Переделать его в более ценный не можешь, так как нет достаточно свободного времени» [Б. Н. Михайлову; 24.05.1946; НВФ 6970 Л.4]; «Не менее правильным мне показалось и другое Ваше высказывание: “Вы ведь во-первых писатель и, во-вторых, депутат. Вы потому депутат, потому что писатель”» [Е. А. Пермяку; 12.12.1946; НВФ 5108 Л.87].

- письма, связанные с литературной деятельностью, которые в свою очередь подразделяются на направления, обусловленные положением П. П. Бажова:

- в качестве члена Союза Советских писателей (официальные письма в связи с организационной деятельностью в свердловском отделении ССП; письма-рекомендации к начинающим писателям);

- в качестве автора художественных произведений (письма в редакции издательств, письма к читателям, письма к деятелям искусства, культуры и образования в связи с их работой «по мотивам» бажовских произведений);

- в качестве члена профессионального литературного сообщества (письма к писателям, письма к исследователям собственного творчества).

1.2.3.1 Письма П. П. Бажова-журналиста

Письма, связанные с журналистской деятельностью П. П. Бажова, написаны им к лицам (либо группам лиц), так или иначе связанных с работой писателя в «Крестьянской газете» в период с 1923 по 1930гг. и дальнейшим сотрудничеством с различными газетами и журналами в качестве автора-публициста.

Из 16 документов, составляющих данную категорию, 3 письма¹⁵⁶ обращены к так называемым «селькорам», сельским корреспондентам, с которыми тесно сотрудничала редакция «Крестьянской газеты» в лице заведующего отдела массовой работы П. П. Бажова. 3 письма¹⁵⁷ отправлены Бажовым в различные организации по поводу событий, описанных в селькоровских заметках (например: «Направляя Вам два селькоровских письма о белобандите, члене сельсовета, и об отъездчике-взяточнике, просим расследовать дело и вместе с письмами дать ответ для газеты» [Председателю Верх-Камского окрисполкома; 9.03.1925; КП 23698/1 Л.1]).

¹⁵⁶ [Хроленко; 14.05.1929; КП 23690/6 Л.1], [неизвестному; 1925; КП 23690/3 Л.1], [неизвестному; 1929; КП 23690/4 Л.1].

¹⁵⁷ [Председателю Верх-камского окрисполкома; 9.03.1925; КП 23698/1 Л.1], [Сарапульский окрисполком; 9.03.1925; КП 23698/3 Л.1], [Секретарю Тавдинского района ВКП(б); 4.11.1929; КП 23698/4 Л.1],

В письмах к селькорам Бажов, помимо деловой информации («Заметку “Отроду не слышали” не пришлось использовать. Поздно поступила» [Хроленко; 14.05.1929; КП 23690/6 Л.1]), дает замечания и советы по поводу присылаемого материала, касаясь как характера подачи информации («При описании в стихах всегда невольно получается много недомолвок и неточностей. Поместить серьезные обвинения в газете без документального материала, по одним складным словам всегда рискованно. Поэтому рекомендуем к обличительным стихам, если такая форма вам кажется необходимой, давать точные данные с указанием кто, когда и т.д.» [неизвестному; 1929; КП 23690/4 Л.1].), так и сути самой информации («Всякий хороший наблюдающий жизнь может быть селькором. Грамотности особой не требуется. Выбирать нужно лишь факты общественного значения. Если, например, пьяный секретарь себе руки отморозил, так это, конечно, случай частный, он может пойти лишь разве для характеристики, кто у нас секретарь. А вот если он из-за пьянства крестьян ставит в тяжелое положение – это уж другое дело» [неизвестному; 1925; КП 23690/3 Л.1]).

5 писем обращены к людям, с которыми автор был знаком как с селькорами (4¹⁵⁸), либо как с коллегой по работе в «Крестьянской газете» [П. Л. Велину; август 1930; КП 20026 Л.1–5]. Однако письма написаны спустя определенное время с момента ухода из этой газеты¹⁵⁹: довольно небольшое в случае с письмом П. Л. Велину (август 1930), и более 20 лет в случае с письмами бывшим селькорам. Письма не очень богаты деловым содержанием, однако являются ценными источниками материалов о деятельности Бажова 20-х годов.

Кроме того, сохранилось 5 писем¹⁶⁰, написанных в связи с деятельностью Бажова как собственно журналиста на протяжении 30-х и начала 40-х гг. В них сообщается о планируемой работе («В июне думаю поехать по области, и надеюсь, что в результате этой поездки удастся подать два очерка о людях золоти-

¹⁵⁸ [С. Я. Звереву; 29.02.1948; НВФ 6959 Л.3], [Бороздину Ф. Л.; 18.05.1946; КП 23849 Л.1], [Федору Васильевичу; 2.04.1947; НВФ 6958 Л.2], [А. Ф. Власову; 22.06.1946; НВФ 7579 Л.1].

¹⁵⁹ Уходит в 1930 на другую должность в УралОбллит.

¹⁶⁰ [В. Я. Ильичеву; 29.05.1941; КП 23089 Л.1], [И. Шкапе; 10.01.1930; КП 23248 Л.1], [И. Шкапе; 3.11.1930; КП 23248 Л.2], [А. Г. Богачеву; 22.03.1950; НВФ 6992 Л.1–3], [И. И. Белоногову; конец 1920–х; КП 23692/2 Л.1].

платиновой и медно-рудной промышленности» [В. Я. Ильичеву; 29.05.1941; КП 23089 Л.1]), а также об уже проделанной («Старался сделать очерк нескучный, но неизбежно для меня ударился в мелочи и быт» [И. Шкапе; 3.11.1930; КП 23248 Л.2]). Чрезвычайно интересно письмо А. Г. Богачеву, главному редактору Свердловска, от 3 марта 1950 года, написанное в связи с намеченной Свердловским книжным издательством книги «Уральские были» (1951), в котором Бажов осмысляет собственное журналистское прошлое, вкратце описывает его биографический контекст.

В целом, письма данной категории представляют большую ценность в качестве материала к анализу творческих принципов Бажова-публициста. Кроме того, важным кажется тщательное сопоставление их с воззрениями на творчество художественного порядка.

1.2.3.2 Письма П. П. Бажова-редактора

Письма, обусловленные редакторской деятельностью П. П. Бажова, адресованы лицам так или иначе связанным с теми организациями, в которых Бажов занимал пост редактора (редактор Гослестехиздата с 1934 по 1936 гг., редактор Свердловского госиздата с 1940 по 1950 гг., в том числе, ответственный редактор серии «Уральская библиотека занимательного краеведения», ответственный редактор альманаха «Уральский современник» с 1941 по 1950 гг.).

Из 28 документов, составляющих эту категорию, примерно половина (16) – письма, обращенные к авторам произведений, претендующих на публикацию в том или ином издании под редакцией П. П. Бажова¹⁶¹. В некоторых случаях автор знакомит адресата с техническими и организационными моментами (например, «Ваша рукопись “Уральский император”, как уже Вам сообщалось, была принята

¹⁶¹ [М. Ф. Чурко; 11.11.1938; КП 23688/4 Л.1], [Д. П. Бор-Раменскому; 14.07.1934; НВФ 7489 Л.1], [Г. А. Булычеву; 26.08.1938; КП 23688/1 Л.1], [тов. Соколову; 5.09.1938; НВФ 7495/7 Л.1], [Александрю Александровичу; 31.05.1949; НВФ 7495/1 Л.1], [В. Блоку; 1934; КП 23684 Л. 4–6], [В. Блоку, Окулову; 1934; КП 23684 Л.8-11], [В. Блоку (черновик); 1934; КП 23684 Л. 2], [В. Блоку; 1934; КП 13631 Л.1], [М. Я. Балухеву; 12.11.1947; НВФ 6958 Л.3], [В. И. Уповову; 1950; НВФ 6957 Л.14–19], [В. И. Уповову; 1950; КП 23224 Л.3], [В. Жильцову; 29.02.1948; НВФ 6959 Л.2], [В. А. Тумашеву; 25.01.1948; НВФ 6959 Л.1], [Александрю Александровичу; 8.08.1946; НВФ 7022 Л.1], [Александрю Владимировичу; 2.08.1950; НВФ 6953 Л.6–7].

для сборника “Уральская старина”. Сборник этот, в виду сокращения за недостатком бумаги издательского плана, в текущем году не вышел» [М. Ф. Чурко; 11.11.1938; КП 23688/4 Л.1]; «До последнего времени рассчитывал иметь в плане изданий на 1939-й год книжку об Алапаевском районе [имеется ввиду книжка адресата – Г. Г.]. Но теперь окончательно выяснилось, что сделать этого не удастся» [Г. А. Булычеву; 26.08.1938; КП 23688/1 Л.1]), которые стали единственной причиной того, что работа не была опубликована. Однако чаще всего Бажов не ограничивается кратким отказом, а более или менее пространно разъясняет автору свое мнение.

Так, произведение может не удовлетворять читательским ожиданиям по причине банальности и предсказуемости («Прочитав такое заглавие [«Ванька Жуков»] и первые абзацы, любой читатель уже знает точно, о чем будет речь: чеховский вихрастый мальчонка окажется бойцом героем, то есть миллионное повторение темы, что по внешним случайным признакам нельзя судить о качествах человека. Кто же будет читать, если вперед знает развитие темы?» [Александру Александровичу; 8.08.1946; НВФ 7022 Л.1]). Интересный по содержанию текст может требовать существенных доработок со стилистической стороны («Прежде всего, будет мешать разноречивой подачей материала: смешение чистой публицистики (“Наша ненависть”) с зарисовками с натуры» [В. И. Уповову; 1950; НВФ 6957 Л.19]; «Наряду с изыском, который, по моему, граничит с манерностью у Вас идет самая затасканная газетная трафаретка» [В. Блоку; 1934; КП 23684 Л. 4]). Вызывают неодобрение Бажова и те произведения, в которых, по его мнению, основная задача литературы – отображение действительности – просто не была выполнена («Ваши воспоминания “В колчаковском подпольи” редколлегия альманаха отказывается помещать, считая неправильным изображение колчаковцев такими беспечными, как это получилось у Вас. Действительно, во всех пяти случаях обращает внимание простота, с которой происходит освобождение из тюрьмы <...> Если даже такие случаи бывали, то их нельзя считать типическими для колчаковской тюрьмы» [Александру Александровичу; 31.05.1949; НВФ 7495/1 Л.1]; «Все

остальное так сжато, что настоящего представления о предмете не дает» [Г. А. Булычеву; 26.08.1938; КП 23688/1 Л.1]).

В остальных 12 письмах¹⁶² П. П. Бажов выступает скорее в организаторской роли: выполняет предварительный отбор материала для дальнейшего рассмотрения («Вот эта селянка <...> С 60-й так и не успел прочесть. Не посетуйте. Все это скорей материал, о котором надо говорить» [К. В. Рождественской; 12.05.1945; КП 3502 Л.1]); оценивает «проходимость» текста («Думаю, что очерки Иды Поль поместить можно, но требуется серьезная правка, т.к. перевод местами дубовый: “фараоны”, “яко наг, яко благ” и т.д. Главу о работе ЦК едва ли надо помещать по соображениям другого порядка» [неизвестному; 21.04. 1932; КП 23688/5 Л. 1]); лично выезжает на проверку работы корреспондента («Объявленный стахановцем т. Юдин, оказывается, добился повышения выработки гравия таким путем, что производителя работ отдали под суд» [И. Д. Напалкову (черновик); 1934; КП 23694/1 Л.10]); вынужден искать обходные существующим пути издания материалов «определенной ценности» («Не так давно заходил ко мне тов. Штурм-Егоров из Ревды. Рассказывал, что у них в Ревде собран материал по истории города, листов на 5-6. Спрашивал: как быть? Зная большое количество порогов и порожков на пути прохождения книги через Свердловгиз, я посоветовал: – Да издайте на месте.хлопот меньше, и книжечка выйдет гораздо скорее» [В. К. Ковалевичу; 29.09.1946; КП 23246 Л. 1]).

Вероятно, наибольшую ценность такого рода документы представляют в вопросах становления уральской советской литературы, условий литературного быта той эпохи. Вместе с тем, необходимо признать уникальную ценность этих писем в постановке проблемы деятельности П. П. Бажова в качестве участника «литературного поля», меньше всего связанного с непосредственно писательской

¹⁶² [Михаилу Сергеевичу; 9.11.1935; КП 23694/1 Л.1], [неизвестному; 1934; КП 23694/1 Л.3-5], [К. В. Рождественской; 12.05.1945; КП 3502 Л.1–2], [неизвестному; 21.04. 1932; КП 23688/5 Л. 1], [И. Д. Напалкову (черновик); 1934; КП 23694/1 Л.3–5], [И. Д. Напалкову (черновик); 1934; КП 23694/1 Л.6–12], [В. К. Ковалевичу; 29.09.1946; КП 23246 Л. 1], [В. Блоку (черновик); 1934; КП 23684 Л.3], [А. К. Шарцу; 10.10.1949; КП 23237 Л.3], [для представления в Областной суд; 12.04.1948; НВФ 7581/3 Л.1], [И. С. Мартыанову; 26.08.1946; КП 23852 Л.1], [И. С. Мартыанову; 27.08.1946; КП 23852 Л.2], [М. Горькому (черновик); 1934; КП 23227 Л.1].

деятельностью. В письмах редактора Бажов, в сущности, равноудален и от «заводного цеха» литераторов, и читательской аудитории, и позиций представителей власти и производства (типографий), проявляя, однако, немалую осведомленность о приоритетах любой из этих позиций. Высказываемые исследователями гипотезы о «компромиссности» бажовской литературной стратегии¹⁶³, или же, наоборот, имплицитной оппозиционности¹⁶⁴ заключаются в попытке реконструировать ход «стратегических» мыслей (в первом случае – осознанный, во втором – преимущественно бессознательный) писателя, требующий как раз такого равноудаленного взгляда на современное ему поле литературы. Не столь многочисленные, но все же свидетельства документального порядка, редакторские письма Бажова, как кажется, могут сыграть весьма конструктивную роль в поставленных исследователями вопросах.

1.2.3.3 Письма П. П. Бажова-исследователя

Письма, связанные с исследовательской деятельностью П. П. Бажова, реализуют еще одну важную ипостась личности писателя. На страницах этих писем фиксируются либо результаты собственных изысканий автора, либо чрезвычайная заинтересованность в исследовательских поисках адресата (хотя и в этих письмах Бажов обнаруживает чаще всего незаурядную осведомленность о предмете разговора).

Данную категорию составляют 36 писем. Исследовательские интересы П. П. Бажова, опираясь на современную терминологию, можно заключить в рамки комплексного краеведения¹⁶⁵. Однако при всей действительной широте таких интере-

¹⁶³ Например, см.: Литовская М. А. Жанровопорождающее значение образа в творчестве П. П. Бажова // Кормановские чтения. Удмуртский государственный университет. Ижевск, 2009. Вып. 8. С. 216–224.

¹⁶⁴ См.: Липовецкий М. Зловещее в сказах Бажова // *Quaestio Rossica*. 2014. №2. С. 212–230; Куликов А. Сказ П. П. Бажова «Медной горы хозяйка» как инцестуозно-симбиотическая фантазия // *Russian Imago 2000*: исследования по психоанализу культуры. Санкт-Петербург, 2001. С. 117–129.

¹⁶⁵ «Комплексное краеведение объединяет знания таких дисциплин, как география и экология, история и археология, топонимика и топография, генеалогия и геральдика, этнография, литературоведение, искусствоведение и т.п.» (Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: 2012. С. 43–44)

сов, все же с достаточной очевидностью выделяются два основных направления в изыскательской деятельности писателя – это история и фольклор Урала.

Сразу стоит сказать, что для Бажова и фольклор – богатейший *исторический* источник, и совершенное разведение этих двух направлений чаще всего невозможно. В случае с его письмами обоснованным представляется группировка лишь по преимущественному наличию той или иной проблематики в конкретном письме. Немаловажным фактором, формирующим проблемный диапазон письма, опять же выступает круг интересов собеседника-адресата, послуживший основным поводом для письма.

Таким образом, преимущественно вопросам истории посвящены письма, связанные с работой А. В. Астафьева по истории города Златоуста (5) [А. В. Астафьеву; 1946–1949; НВФ 6963 Л.1–5, НВФ 6964 Л.1, КП 18847 Л.1], [Н. Кузнецовой; 20.04.1950; НВФ 6994 Л.1-3] ; письмо А. А. Суркову по поводу романа Е. Федорова «Демидовы» [1945; НВФ 7491 Л.1–15]; письмо-ответ в редакцию «Истории деревни» [Березину; 1935; НВФ 6957 Л.1-8] о возможных направлениях работы по изучению истории наиболее своеобразных уральских деревень¹⁶⁶; письмо к исследователям И. К. Устинову [31.04.1947; НВФ 6957 Л.11–12] («Меня по склонности к темам истории Урала больше заинтересовала Ваша работа “Кыштым в его прошлом, настоящем и будущем”»)[31.04.1947; НВФ 6957 Л.11] и П. М. Новлянскому [П. М. Новлянскому; 28.10.1946; НВФ 6958 Л.1]; письмо, связанное с работой Бажова по истории Гражданской войны [Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б); 27.05.1927; КП 23239 Л.1-3]; а также письмо Е. А. Пермяку, которое может являться образцом характерных для Бажова размышлений историографического порядка [Е. А. Пермяку; 18.04.1946; НВФ 5108 Л.97–98] (в связи с работой Пермяка по теме горы Благодати Бажов старается сорие-

¹⁶⁶ И здесь для Бажова наряду с историческими особенностями той или иной территории (так, о Туринском районе «в его старых границах» он пишет: «Это древнейший путь на Сибирь, государственные мельницы времен царя Алексея, ужасы колонизационной политики» [Березину; 1935; НВФ 6957 Л.5] и т.д.), не менее привлекательно фольклорное своеобразие населенного пункта (о населении Нагайбакского района он пишет: «Усвоив частично русский быт в жилищах, одежде, церковных обрядах, песне, нагайбаки в то же время удерживали речь и другие бытовые навыки (пляски, игры) своей национальности» [Березину; 1935; НВФ 6957 Л.4]).

тировать друга в материалах для книги: «Промелькнуло предисловие Павлова (того самого!), напился от Злотникова, полистовал Генина – и готов вывод – Библия металлургии. Слова, что и говорить, звонкие, на эстраде хоть под занавес, но ведь книга-то у Вас делается всерьез. Такие наспех сделанные на гвозде завитки никакое лицо не украшают, а здоровое даже портят. И хуже всего, что редактор-металлург этого не заметит, т.к. он не историк и не литератор» [Е. А. Пермяку; 18.04.1946; НВФ 5108 Л.98]).

Если автор письма не ограничен методологическими рамками адресата (не реагирует на уже сложившуюся или завершенную работу), фольклор становится почти обязательным источником сведений, в котором своеобразие того или иного объекта исследования отражается не менее ярко, чем в архивных документах или исторических трудах предшественников. Такой взгляд Бажова демонстрируется в письме по поводу поездки в Висим [Дудину; начало 1940-ых; КП 23244 Л.1] («Как историк и сказочник интересуюсь заводскими архивами и рассказами старых горняков и горщиков»); в письме на фронт к И. А. Лунегову, бывшему заведующему Чердынским краеведческим музеем [4.09.1944; КП 23223 Л.1] («Будем надеяться, что по окончании войны еще встретимся, если не в Чердыни, то хотя бы в Свердловске и в присест поговорим об очередных задачах краеведов и фольклористов»); в письме-«рецензии» к Е. А. Пермяку по поводу работы для ансамбля песни и пляски «Тебе, поколение» [7.02.1947; НВФ 5108 Л.124–127], в которой фольклорный песенный и танцевальный материал рассматривается Бажовым как своеобразные иллюстрации к «истории горнозаводского дела»; в письме к старосте исторического кружка средней школы г. Полевского Ю. Чистякову [2.06.1944; НВФ 6960 Л.1–3] о возможных источниках для изучения прошлого Полевского района (перечисляя книжные и архивные источники, указывает, что «самое же главное заключается в том, что еще до сих пор хранится в заводских преданиях» [Ю. Чистякову; 2.06.1944; НВФ 6960 Л.2]).

Как специалист по фольклору, увлеченный собиратель даже единичных фактов, «занятных крупинки» [В. П. Бирюкову; 27.07.1946; НВФ 7488 Л. 2] в ра-

боте других исследователей и специалистов предстает Бажов в письмах с преимущественно фольклорной проблематикой. Такими внутренними установками продиктованы письма к известному краеведу В. П. Бирюкову и обращениях Бажова по поводу условий его работы в другие учреждения (9) [В. П. Бирюкову; 1946–1948; НВФ 7488 Л.1–8, КП 23225 Л.1, КП 23850Л.1]; письма, связанные с судьбой поэта-самородка В. С. Анфалова [Бакунину; 20.10.1946; КП 23695/2 Л.3], [К. В. Рождественской; 25.09.1946; НВФ 7490 Л.1], [Чернаковой; 25.09.1946; КП 23695/2 Л.1], [Федору Петровичу; 27.09.1946 КП 23695/2 Л.2] («В творчестве Анфалова надо тоже сделать поправку, – надо направлять его на воспроизведение не только своего, но и той части народного, которую он помнит» [Там же]); письмо к Ильину В. А. о марийском фольклоре [В. А. Ильину; 25.09.1946; НВФ 7495/3 Л.2]; письмах к Е. А. Пермяку [20.01.1946; НВФ 5108 Л.91–92] и Х. Д. Ракитскому [30.05.1946; НВФ 6957 Л.9–10] о проблемах фольклорных записей; письмо к М. Усманову о «вопросах <...> по разделу взаимовлияния русского и башкирского народов» [25.07.1947; НВФ 6957 Л.13].

В небольшой группе писем сам П. П. Бажов предстает как источник сведений для изысканий адресата. Таковы письма к вдове академика А. Е. Ферсмана [Е. М. Ферсман; 14.09.1945; КП 23223 Л.3], дочери однополчанина писателя во времена Гражданской войны В. Д. Жукова [К. В. Кузнецовой; 1.04.1946; КП 23223 Л.4] и В. П. Тимофееву о журналистах, с которыми Бажову приходилось сталкиваться в период 20-х и 30-х годов [21.04.1950; НВФ 6959 Л.7]. Личные воспоминания Бажова как представителя достаточно отдаленной эпохи являются как объектом интереса адресата, так и основным поводом для письма.

В целом, о данной части эпистолярного наследия писателя можно сделать следующие предварительные выводы. Перечисленные письма не позволяют говорить о некой законченной научной концепции П. П. Бажова по поводу истории или фольклора Урала, однако, как кажется, доказывают необходимость анализа достаточно оригинальных установок писателя, проявившихся как в его публицистическом наследии, так и в художественном творчестве.

1.2.3.4 Письма П. П. Бажова-литератора

Закономерно, что все же одна из наиболее интенсивных переписок ведется П. П. Бажовым в связи с его писательской деятельностью. Как уже указывалось, весь корпус писем, связанных с этой деятельностью, можно разбить на подразделы, обусловленные деятельностью П. П. Бажова не только как собственно **автора тех или иных художественных произведений**, но и как **члена профессионального литературного сообщества**, а также как **ответственного секретаря Свердловского отделения Союза Советских писателей**. В целом, данные подразделы не имеют кардинальных отличий в стилистическом или тематическом планах, но обладают определенной спецификой, обусловленной прагматическим контекстом написания этих писем.

Так, в письмах П. П. Бажова в качестве ответственного секретаря (всего 56 документов) Свердловского отделения ССП преобладают обращения в различные инстанции с просьбами по поводу отдельных личностей, причастных к работе писательской организации (среди них письма о писателях О. И. Марковой [Л. И. Скорино; 1.02.1945; КП 21323 Л.1], Б. С. Рябинине ([Директору «Профиздата»; 24.04.1947; НВФ 7498 Л.1-2], [В областную комиссию ССП; 1946 (?); НВФ 6996 Л.2]), Н. А. Куштуме, Б. Е. Сокурове, В. А. Старикове, С. А. Тельканове [А. А. Фадееву; 12.12.1946; НВФ 7493 Л.1-3], А. Д. Салынском [А. В. Софронову; 18.05.1948 ; НВФ 6996 Л.3], В. А. Тумашеве [Г. И. Косых; 9.08.1947; НВФ 7003 Л.1], И. В. Воробьеве [К. М. Воробьевой; 18.04.1948 ; НВФ 6959 Л.4]; исследователях Б. Д. Удинцеве [Зуевой; 1947; НВФ 7007 Л.1] и В. П. Бирюкове [Багрово; 11.01.1947; КП 23223 Л.6]; художнике А. Н. Парамонове [А. Н. Парамонову; 31.04.1946; НВФ 6972 Л.1-2]; «молодом специалисте издательского дела» М. Добрушкиной [Л. И. Скорино; 21.11.1947; КП 21339 Л.1]). Просьбы заключаются в том, чтобы так или иначе помочь этим людям (в бытовом или профессиональном плане), обязательна в таком письме часть, где приводится мотивировка просьбы, которая заключается, как правило, в большой ценности работы указанного человека.

Помимо просьб, связанных с благополучием отдельной личности, сохранились письма, фиксирующие «заботы» Бажова о таких вещах, как увековечивание памяти о писателе А. П. Бондине [А. П. Пчелякову; 30.08.1946; КП 23698/2 Л.1], [К. Н. Сазонову; 29.09.1947; НВФ 7497/5 Л.1]; проведение мероприятий, посвященных 100-летию со дня гибели М.Ю. Лермонтова [В. М. Добаткину; 5.03.1941; КП 23695/4 Л.1]; организация издания в Свердловске журнала как печатного органа Свердловского отделения Союза Советских Писателей [В. М. Андрианову; 1945; НВФ 7581/2 Л.1].

Наряду с перечисленными документами, в данный подраздел входят письма Бажова, отражающие текущую деятельность писательской организации. Такие письма являются либо формой отчета перед той или иной вышестоящей организацией ([в Правление ССП; март 1948; КП 23696 Л.1–4], [в Правление ССП; февраль 1939; НВФ 6996 Л.1], [В. В. Косову; 3.01.1943; КП 23449 Л.1], [Горбатову; 1940–е; НВФ 7500/1 Л.1]), либо сообщениями с целью обмена информацией с коллегами по организационной работе ([А. Белоносову; 1949–1950; НВФ 7021 Л.1], [О. И. Марковой; 2.04.1949; КП 23231 Л.1], [Федору Марковичу; 5.06.1941; КП 23088 Л.1–2]).

Характер отдельной подгруппы (все же логично примыкающей к «организаторскому» подразделу) имеет корпус писем, обусловленных деятельностью Бажова в качестве консультанта по литературным работам начинающих авторов (всего 33 документа). И количество, и объем этих писем свидетельствуют о существенной роли такого рода деятельности в последнее десятилетие жизни писателя, притом связанной как с внешними факторами (работа с начинающими литераторами входила в обязанности ССП как организации), так и некими внутренними установками самого Бажова¹⁶⁷.

¹⁶⁷ Всего одно письмо датируется началом 30-х гг. [Булатову; 1931; КП 23122 Л.1–4], однако организационная подоплека аналогична: Бажов является представителем Уралобллиты и ОПКП (отдел пролетарско-колхозных писателей), занимающихся, помимо прочего, оценкой и поддержкой работы начинающих писателей.

11 писем¹⁶⁸ не содержат практически никаких высказываний эстетического, литературного порядка – в них Бажов ориентирует адресата, куда и с какой целью можно направить свои произведения (например, «Можно послать пьесу и непосредственно в Драмтеатр на имя Я. С. Фельдмана, который ведаёт литотделом театра. Разница в том, что наша рецензия никого ни к чему не обязывает и представляет лишь мнение рецензента. Рецензия театра, если она окажется положительной, весит гораздо больше, обеспечивая пьесе более легкую возможность прохождения в театр» [А. Коровко; 29.02.1948; НВФ 6952 Л.4]). При этом нужно отметить, что даже в таких письмах Бажов обнаруживает характерную благожелательность, готовность оказать максимально возможную поддержку («Надо послать рукопись в один из журналов или в какое-нибудь другое издательство и не складывать рук, получивши неблагоприятный ответ, если он Вас не убедит. Можно вторично проконсультировать рукопись и в Свердловском отделении ССП» [Евдокимову; 20.04.1948; НВФ 6952 Л.7]). Впрочем, заочная расположенность к автору не отменяет, конечно, необходимой строгости оценки. Особенно отчетливо это проявляется в тех случаях, когда адресат письма явно не претендует в глазах Бажова на статус перспективного литератора по причинам отсутствия простейшей грамотности («Судя по Вашему письму, Вам в первую очередь надо овладеть технической грамотой. В Советской стране, где вводится обязательное семилетнее обучение, нельзя рассчитывать стать писателем, если сам не умеешь правильно построить фразу и не знаешь даже пунктуации» [В. П. Михалеву; 21.04.1950; НВФ 6954 Л.5]); владения даже начальным уровнем стихосложения («...стихи мне не понравились. В них чувствуется и ум, и свежесть, но все это становится прямо смешным из-за нескладной и неумелой формы» [В. И. Пузанкову; 3.06.1946; НВФ 7495/6 Л.1]); природной склонности и чуткости к поэзии и литературе («...стихи мне не показались такими, чтобы по ним можно было предугадать будущую по-

¹⁶⁸ [Никроку; 21.05.1949; НВФ 6954 Л.1], [Котляревской; 31.05.1949; НВФ 6954 Л.2], [Ф. А. Ябурову; 21.04.1950; НВФ 6954 Л.4], [Василию Павловичу; 10.01.1948; НВФ 6952 Л.1], [Л. Шостаку; 14.01.1948; НВФ 6952 Л.2], [Георгию Александровичу; 18.01.1948; НВФ 6952 Л.3], [А. Коровко; 29.02.1948; НВФ 6952 Л.4], [Савицкому; 11.03.1948; НВФ 6952 Л.5], [В. А. Табачникову; 11.03.1948; НВФ 6952 Л.6], [Моисееву; 12.05.1949; КП 23688/2 Л.1].

этессу. В них не видно склонности мыслить образами, т.е., того признака, который в первую очередь является особенностью поэта. Не заметно и природной склонности к скандированию. Рифма, видимо, Вам дается с трудом» [неизвестному; 12.05.1946; НВФ 7495/2 Л.1]). Но Бажов никогда не отказывает адресату в возможности продолжать писательский путь. В одних письмах он, ссылаясь на собственную субъективность, воздерживается от окончательных выводов, переправляет автора к другим рецензентам («Недостатком работы надо считать то, что в ней нет ни фабульной занимательности, ни свежего сказочного образа, повторение же общеизвестного хотя бы другими словами не представляет интереса для печати. Чтоб не ошибиться в оценке, пошлю все-таки эту сказочку в отдел детской книги Свердлгиза»¹⁶⁹). В других – сглаживает отрицательный отзыв, рисуя возможные перспективы при условии, если автор начнет «в первую очередь, учиться, изучать работы предшественников»¹⁷⁰. При этом подлинная учеба, по Бажову, это систематическое образование: «Будет ли из Вас поэтесса, судить не берусь, но чем полней и шире будет Ваше образование, тем больше шансов. Поверьте, что большинство современных поэтов, которым приходилось одолевать науку через рабфаки, риины и пр. учреждения межеумочного порядка, были несравнимо более сильными, если бы им пришлось пройти нормальный путь учебы, - через Университет» [неизвестному; 12.05.1946; НВФ 7495/2 Л.1].

Писатель готов обсуждать не только законченные произведения, он охотно делится соображениями по поводу тематических наметок адресата («Тема кажется интересной и значительной, т.к. садоводство общественного порядка в условиях Висима является делом новым, никем еще не показанным в литературе»¹⁷¹). Однако, даже в случае неодобрительного отзыва о выбранной теме («...неволью

¹⁶⁹ [С. Т. Липилину; 5.08.1949; НВФ 7495/5 Л.1]. Подобные письма: [Н. Е Манушину; 5.08.1949; НВФ 6954 Л.3], [Иллариону Александровичу; 22.11.1948; НВФ 6952 Л.8].

¹⁷⁰ [П. П. Маркову; 3.10.1946; НВФ 6950 Л. 16–17], Подобные письма: [Г. С. Плотникову; 8.02.1947; НВФ 6951 Л.1], [П. К. Юшкову; 5.07.1947; НВФ 6951 Л.2], [неизвестному; 29.09.1947; НВФ 7495/8 Л.1], [В. П. Михалеву; 21.04.1950; НВФ 6954 Л.5], [В. И. Салтыкову; 18.11.1949; НВФ 6953 Л.3–5], [В. И. Пузанкову; 3.06.1946; НВФ 7495/6 Л.1], [неизвестному; 12.05.1946; НВФ 7495/2 Л.1], [В. Г. Лымарю; 7.10.1946; НВФ 6950 Л.20–21].

¹⁷¹ [Н. М. Мусатову; 24.11.1948; НВФ 6952 Л.9]. Подобные письма: [П. П. Евсееву; 29.07.1949; НВФ 6950 Л.1], [А. Н. Чебыкину; 23.02.1946; НВФ 6950 Л. 18–19].

удивляешься, зачем это человеку понадобилось. Об этом же так много писано. Притом писано людьми, которые знали старое положение деревни гораздо лучше нашего потому, что сами жили в те времена» [А. Н. Чебыкину; 23.02.1946; НВФ 6950 Л.19]) Бажов убедительно просит все возможные силы вкладывать в текст, ибо «одна тема не решает дела» [Н. М. Мусатову; 24.11.1948; НВФ 6952 Л.9].

Оставшиеся 7 писем данного подраздела являются более или менее развернутыми разборами присланных произведений¹⁷². И следует отметить, что при всей благожелательности и мягкости формулировок Бажова-рецензента анализируемая работа оценивается без каких-либо «скидок». Писатель тщательно следит как за формой изложения: «Вы прекрасно владеете народным разговорным языком. Порой даже излишне щеголяете, привлекая без большой надобности поговорки, пословицы, присловья» [А. Гаричу; 30.09.1947; НВФ 6951 Л.3]; «Пейзаж привлекается в трафаретных, давно надоевших формах. Диалог настолько лишен индивидуальных черт, что исправить редакцией невозможно» [С. К. Радостеву; 12.01.1949; НВФ 6953 Л.1–2]. Так и за логикой повествования, развития сюжета: «Описание старательского быта мешает развитию действия, так как ни одна сторона описываемого не имеет отношения к дальнейшему» [Георгию Георгиевичу; 15.06.1946; НВФ 6950 Л.10]; «... Все-таки одной необходимой автору случайностью было бы меньше. Их и так достаточно: генерал, сопровождающий поезд, умер, свидетель покупки на фальшивые кредитки убит, Архип утонул, книга сгорела. Уж очень это наивно <...> художественный вымысел, неизбежный при построении повести, рассказа или романа, может держаться лишь на прочном фундаменте хорошо изученных фактов, явлений, характеров» [Там же, Л.12].

Бажову важно оценить произведение не только «изнутри», но и в таких аспектах, как некая художественная новизна («Да и ценности большой это описание [описание старательского быта – Г. Г.] не имеет. Все это гораздо полнее и ярче рассказано в таких общеизвестных романах, как “Золото”, “Дикое счастье”, “Бе-

¹⁷² [С. К. Радостеву; 12.01.1949; НВФ 6953 Л.1–2], [А. Гаричу; 30.09.1947; НВФ 6951 Л.3–6], [А. С. Мякишеву; 24.07.1945; НВФ 6950 Л. 2–6], [Георгию Георгиевичу; 15.06.1946; НВФ 6950 Л.7–15], [С. Н. Панкратову; 16.12.1946; НВФ 6950 Л.22–23], [Булатову; 1931; КП 23122 Л.1–4], [Полушкину; 1940–е; КП 23688/3 Л.1].

лое золото” Мамина-Сибиряка, “Угрюм-река” В. Шишкова, в рассказах А. Наумова, у нашего А. П. Бондина в его “Логах” и т.д. При таких условиях повторять уже рассказанное нет основания» [Там же]); оригинальное осмысление темы («Но остановила другая сторона рассказа, - его общее направление по давно пройденной дорожке “Нравов Растеряевой улицы” Глеба Успенского <...> мы знаем огромное количество других работ такого же типа, где пьянство, темнота и полужвериный быт подавались особенно густо» [А. С. Мякишеву; 24.07.1945; НВФ 6950 Л. 4]); установка на читателя («Писать надо, но ни на минуту нельзя забывать для кого пишешь. Для читателя одной группы так, другой – иначе, для зрителя – вовсе по-другому» [В. И. Салтыкову; 18.11.1949; НВФ 6953 Л.5]).

В целом же об «организаторском» разделе писем П. П. Бажова есть основания говорить следующее. Несмотря на кажущуюся искренность, убежденность в тех суждениях о литературе, которые высказаны писателем в рамках именно этого раздела¹⁷³, думается, что критическую поправку необходимо вносить не в сами убеждения, а в предмет размышлений. Бажов говорит вполне искренне, но не о литературе как творческом, зачастую совершенно иррациональном, таинстве, а о таких вещах, как общественная роль, социальная значимость, культурно-просветительская мощь литературы и писателя, которые, на наш взгляд, справедливо подвергаются им рациональному, прагматическому осмыслению в контексте конкретной исторической эпохи. Иными словами, в письмах не писателя, но, прежде всего, *официального* представителя *общественной* писательской организации П. П. Бажова находят отражение в первую очередь вопросы и проблемы, связанные с именно общественным, социальным функционированием литературы.

¹⁷³ Таких, например, как: «подлинным писателем, в высоком смысле этого слова, то есть человеком, который художественными средствами решает важнейшие проблемы жизни, считать себя не могу <...> Думаю, что стать писателем этого ранга очень трудно. Огромный жизненный опыт, высокое и многостороннее образование, наблюдательность, речевое богатство и природная одаренность еще недостаточны. Надо уметь любое явление жизни понять и осветить светом марксистско-ленинской философии и видеть перспективу с высоты этой же философии» [В. Г. Лымарю; 7.10.1946; НВФ 6950 Л.20–21].

Следующим рассматриваемым подразделом являются письма, написанные П. П. Бажовым как автором художественных произведений, востребованных обществом. Ситуация чрезвычайной популярности повлекла за собой довольно внушительную переписку с издателями, читателями, а также деятелями искусства, культуры и образования в связи с их работой по мотивам бажовских произведений.

Письма Бажова, обращенные к представителям издательств и печатных органов, публиковавших или планировавших опубликовать его произведения, составляют корпус из 78 документов. Из них 41 – это письма или телеграммы с сугубо деловой информацией, касающейся предварительных условий и планов сотрудничества, состава произведений, договоров, авторских экземпляров, гонораров и т.д.¹⁷⁴ Со стилистической точки зрения эти письма интересны хотя бы тем, что и в них Бажов остается верен своей эпистолярной манере (например: «Бажов продолжает существовать и с сентября, согласно Вашему обещанию, ждет авторские сборничка “Живинка в деле”. За это время проходили посылки из более удаленных мест: из Латвии, Румынии, Болгарии, а от Вас даже пустякового писемышка не поступило. Может быть, и ждать не надо? Тогда сообщите хоть об этом. Очень Вас прошу» [М. Тютюник; 15.01.1949; НВФ 6985 Л.4]). Помимо сведений библиографического порядка (большая часть писем связана с действительно состоявшимися публикациями), привлекают внимание краткие размышления П. П. Бажова «в рабочем порядке» (например, «Постараюсь воспользоваться Ва-

¹⁷⁴[Л. И. Скорино; 25.04.1945; КП 21326 Л.1], [К. Н. Сазонову; 29.09.1947; НВФ 7497/5 Л.1],[Ф. Г. Копытову; 28.04.1941; КП 23694/2 Л.1], [Л. И. Скорино; 1940–е; НВФ 7017 Л.1], [Холмогорову; 3.12.1945; НВФ 7018 Л.1], [П. Н. Кузнецову; 19.08.1950; КП 23249 Л.1], [Петухову; 1948; НВФ 7026 Л.1], [Валентину Федоровичу; 25.03.1946; НВФ 6999 Л.1], [А. Евновичу; октябрь 1946; КП 23241 Л.1], [Макарцеву; 1.06.1948; НВФ 7009 Л.1], [В. Г. Компанийцу; 18.11.1948; НВФ 6982 Л.1–3], [К. Ф. Пискунову; 4.07.1948; НВФ 6982 Л.4], [М. М. Смирнову; 20.07.1950; НВФ 6983 Л.2], [редакции Профиздата; 14.01.1948; НВФ 6985 Л.2–3], [М. Тютюник; 15.01.1949; НВФ 6985 Л.4], [М. Тютюник; 4.07.1949; НВФ 6985 Л.5], [Э. Петэ; 22.07.1950; НВФ 6987 Л.1], [Директору изд-ва «Молодь»; 29.01.1948; НВФ 6989 Л.1], [С. М. Гинцу; 29.12.1948; НВФ 6991 Л.1], [Н. Кузнецовой; 2.01.1949; НВФ 6995 Л.1–2], [Артюшину; 1.07.1950; КП 23224 Л.4], [В. П. Друзину; 27.11.1947; НВФ 7497/3 Л.1], [С. Кудашу; 11.09.1947; НВФ 6968 Л.1], [редактору Татгосиздат; 26.03.1946; НВФ 6993 Л.1], [Бархатовой; 1.06.1948; НВФ 6988 Л.1], [Э. Петэ; 31.08.1950; НВФ 6987 Л.2], [В. П. Друзину; 21.06.1948; НВФ 7016 Л.1], [В. В. Панову; 9.08.1947; КП 23250 Л.1], [редактору журнала «Молодой колхозник»; 2.10.1946; КП 23247 Л.1], [Никитину; 1.06.1948; НВФ 7010 Л.1], [Никитину; 20.06.1948; НВФ 7010 Л.2], [А. К. Котову; 26.07.1946; НВФ 6981 Л.1], [Денисьевичу; 1940; НВФ 6982 Л.5], [С. П. Бородину; 20.04.1946; КП 23238 Л.3], [А. Н. Мешавкину; 9.08.1946; КП 13634 Л.1], [В. П. Ильенкову; 1939; КП 23693/3 Л.1–2], [Л. К. Татьянической; 4.09.1944; НВФ 6978 Л.1], [Элциной; 20.06.1946; НВФ 7024 Л.1], [редакции журнала «Берниба»; 20.11.1946; НВФ 7497/1 Л.1];.

шим приглашением сотрудничать в журнале “Молодой колхозник”. <...> При этом прошу учесть зависимость моих работ от фольклорного материала. Любому писателю легче принять заказ на ту или другую тему, а мне приходится считаться с фольклорным материалом, какой имеется в распоряжении. Не пошлешь же, например, Вам сказ о доменщиках или горнорудной промышленности прошлого» [редактору журнала «Молодой колхозник»; 2.10.1946; КП 23247 Л.1]), так или иначе раскрывающие его позиции по отношению к эдиционной практике собственных произведений. Из письма в письмо прослеживаются основные установки писателя: не настаивая на участии в определении состава издания («Отбор сказов для сборника, расположение материала предоставляю Вашему вкусу. Как говорится, что хотите, то берите, без дальнейшего ограничения. Стараюсь, вообще, при переизданиях в это дело не вмешиваться» [С. М. Гинцу; 29.12.1948; НВФ 6991 Л.1]), настоятельно просит дать возможность проверить сами тексты («Но мне далеко не безразлично, по какому тексту печатать тот или другой сказ. Все-таки в разных изданиях есть разные ошибки, порой мало переносимые» [Л. И. Скорино; 25.04.1945; КП 21326 Л.1]¹⁷⁵); если сказ просит напечатать то или иное периодическое издание, Бажов старается учесть его тематику, предлагая тот или иной материал («Очень рад Вашему предложению издать часть моих сказов в «Библиотечке журнала “Советский воин”. Не возражаю и против Вашего выбора. Хотел бы посоветовать лишь одну замену: вместо сказа “Железковы покрышки” взять “Старых гор подаренье”. <...> При такой замене сборничек получился бы более цельным, как уральские сказы о вождях партии и революции. Дело, впрочем, хозяйское. Тема рабочих рук в “Железковых покрышках” тоже неплохо бы звучала в этой книжечке» [В. В. Панову; 9.08.1947; КП 23250 Л.1]; в редакцию журнала «Советский Союз» пишет: «Готового сказа у меня, к сожалению, не оказалось. Пришлось писать специально для Вашего журнала. Не знаю, удалось ли. У

¹⁷⁵ См. другие письма, отражающие принципиально активное участие Бажова в редакции текстов: [секретарю «Московского альманаха»; 20.04.1939; КП 23693/1 Л.1], [И. М. Резниковой; 1944-1945; КП 23245 Л.1-4], [Н. И. Каданер; 16.08.1947; НВФ 6985 Л.1];

Вас же журнал, как говорится, щекотливого свойства»¹⁷⁶ [П. Н. Кузнецову; 19.08.1950; КП 23249 Л.1]).

Нередко между писателем и представителями издательств завязывается переписка не только строго делового порядка¹⁷⁷. В таких случаях Бажов может значительно расширять тематический диапазон своих посланий. В одних он делится личными впечатлениями («Перед выборами мне пришлось проехать по гужевым дорогам километров 400 и железным – около 800. По железнодорожным линиям еще туда-сюда, – приезжаешь – уезжаешь, а по гужевым каждый раз “доезжаешь” до чего-нибудь совершенно для тебя неожиданного, кричащего: “На Урале всю жизнь прожил, а об этом не подумал!”») [И. И. Халтурину; 16.02.1946; КП 23687 Л.1]); в других – размышлениями на литературные темы («Ваш вопрос об упадке жанра рассказа мне показался неожиданным. Не думал об этом. Как-то привык уже, что теперь печатаются в наших журналах преимущественно протяженно-сложенные вещи, которые часто возводятся в ранг романа без достаточных оснований...») [Ковалевскому; сентябрь 1950; НВФ 7023 Л.1]), в третьих – легко переходит на дружеский, доверительный тон («Большое спасибо за письмо и ласковые пожелания. Для нашего брата, работающего на участке, где нет сколько-нибудь точных измерителей, такие подбадривания с фронта особенно важны и дороги») [Н. П. Евстюгину; 3.02.1945; НВФ 7497/2 Л.1]).

Кроме того, сохранились письма, фиксирующие довольно пристальное внимание к таким вопросам, как иллюстрации¹⁷⁸ («Не говоря уж о том, что я много обязан «Советскому Писателю» за прекрасное издание 42 г., меня тянет к этому издательству хотя бы то, что в его распоряжении находятся рисунки покойного

¹⁷⁶ Подразумевается сказ «Живой огонек» (первоначальное название «Советский мастер»).

¹⁷⁷ А. М. Ступнику, секретарю «Огонька» (11 писем, 3 телеграммы) [1942–1950; КП 23238 Л.1–2, НВФ 7019 Л.1–2, НВФ 7020 Л.1–7, КП 23693/2 Л.1–4]; А. Евновичу, заведующему отделом книг и брошюр Совинформбюро [А. Евновичу; 1946–1947; КП 23241 Л.2–3]; А. К. Котову, директору Гослитиздата (5 писем) [1947–1949; НВФ 6981 Л.2–7]; [И. И. Халтурину; 16.02.1946; КП 23687 Л.1–2]; [Л. С. Римской; январь 1945; НВФ 6990 Л.1–3]; [С. Кудашу; 29.12.1947; НВФ 6968 Л.2]; [Н. П. Евстюгину; 3.02.1945; НВФ 7497/2 Л.1]; [Ивану Мироновичу; 14.09.1944; НВФ 6998 Л.1]; [Ковалевскому; сентябрь 1950; НВФ 7023 Л.1]; [Б. Н. Назаровскому; 28.02.1948; НВФ 7015 Л.1].

¹⁷⁸ [Н. И. Каданер; 30.07.1947; НВФ 6984 Л.1–2]; [М. М. Смирнову; 9.03.1948; НВФ 6983 Л.1], [Л. И. Скорино; 1942; КП 21320 Л.1]

К.В. Кузнецова» [Л. И. Скорино; 25.04.1945; КП 21326 Л.1]) и перевод текстов в случае издания на иностранном языке¹⁷⁹.

В целом, письма «издательской» тематики – убедительное свидетельство не только естественного внимания П. П. Бажова к изданиям своих произведений, но и довольно четких позиций писателя по этому вопросу, учитывающих и собственные творческие убеждения, и интересы читательской аудитории, и специфику издательской деятельности, и неизбежный политический подтекст любой публикации того времени.

Популярность сказов обусловила и следующий подраздел, **письма П. П. Бажова к читательской аудитории**, состоящий из 20 документов. 8 из них связаны с многочисленными просьбами как частных лиц¹⁸⁰, так и учреждений¹⁸¹, выслать им ту или иную книгу писателя, которую они достать не могут¹⁸².

3 письма являются ответами на приглашения П. П. Бажова посетить тот или иной город (Касли, Полевской)¹⁸³ или же, например, конференцию в свердловской школе № 8¹⁸⁴. Примечательным в этом вопросе кажется письмо, направленное Бажовым в редакцию «Уральского рабочего»: «Разрешите через редактируемую Вами газету «Уральский рабочий» выразить мою сердечную благодарность партийным, советским и комсомольским организациям, коллективам заводов и рудников, колхозам, работникам литературы, искусств и науки, редакционным коллективам областных и районных газет, работникам радиовещания, отдельным частям Советской Армии и всем товарищам, которые пожелали отметить скромную

¹⁷⁹ [К. М. Федоровичу; 1947–1948; КП 23686 Л.1–3, НВФ 7494 Л.1–4].

¹⁸⁰ [Л. Н. Знаменскому; 4.09.1944; НВФ 6962 Л.1], [В. В. Трапезникову; 5.02.1947; НВФ 6962 Л.2], [Константину Петровичу; 10.01.1948; НВФ 6962 Л.4], [А. И. Уральскому; 12.04.1948; НВФ 6962 Л.6], [А. Д. Авдееву; 12.11.1949; НВФ 6959 Л.6], [Н. П. Карасеву; 20.02.1950; НВФ 6959 Л.6].

¹⁸¹ [Н. А. Шестакову; 12.11.1949; НВФ 6962 Л.7], [Марголенко; 29.05.1940; КП 23087 Л.1–2].

¹⁸² О дефиците книг со сказами, особенно в Свердловске, свидетельствуют и множество писем к Бажову, и его многочисленные жалобы на это. Например, из письма директору Гослитиздата: «Книжки-то ведь есть, только ходят по закрытым ходочкам. Сам ныне во время конференции сторонников мира достал два экземпляра не без взятки: подписал несколько штук работникам Когиза. <...> Честно говоря, оно меня сильно зажало. Не говоря уж о том, что одолевают письмами, аналогичными этим, порой “требуют” десятками для премирования, Ваше издание загородило дорогу другим издательствам, которые справедливо думают: лучше не сделать, а дорожке выйдет. Какой же выход из положения? Хоть бы “припечатали” с матриц один-два тиража, чтоб удовлетворить потребность читателей, а то получается очень беспокоило для автора» [А. К. Котову; 12.11.1949; НВФ 6981 Л.6].

¹⁸³ [Директору Каслинского чугунолитейного завода; 10.05.1947; НВФ 7001 Л.1], [неизвестному; 1938; КП 23171 Л.1].

¹⁸⁴ [С. Ермак; 18.03.1950; НВФ 6961 Л.1].

дату моего семидесятилетия – 28 января. Особо благодарю моих юных читателей – пионеров и школьников, которые все еще шлют приветствия, рисунки, вышивки и т.д.» [редактору газеты «Уральский рабочий»; февраль 1949; НВФ 7497/6 Л.1].

Письма к юным читателям¹⁸⁵ интересны по тому характерному для Бажова тону, когда возраст адресата вовсе не означает полную тривиальность содержания («На Ваш вопрос о моих планах могу сказать, что продолжаю работать над новыми сказами. Более подробно говорить о своих намерениях не очень люблю. В нашем ведь писательском деле нередко случается – задумаешь написать что-нибудь, а не выходит. Конечно, надо добиваться, чтоб вышло, но вот в это время произойдет в жизни государства что-нибудь такое, которое заслонит прежнюю мысль, и начинаешь работать над другой темой. Поэтому вот и стараюсь не рассказывать вперед о том, что еще не делается. Мне здесь надо быть осторожным и потому, что теперь работаю не очень быстро. Наобещать и не сделать, по-моему, хуже всего. А Вы как думаете?» [«юным друзьям»; 10.11.1947; НВФ 6962 Л.3]).

Особого интереса заслуживает письмо к пионерской дружине г. Нижние Серьги, в котором, поблагодарив за внимание к своим сказам, Бажов пишет: «Но это дело, мне кажется, надо и можно увеличить собиранием таких же сказов и преданий по своему району». В довольно объемном письме он формулирует основные приемы по собиранию фольклора («Не смущайтесь тем, что ответы могут получаться разные и не всегда похожие на рассказ. Так часто бывает. Надо записывать все, что говорят, а потом уж само собой произойдет отбор...»), говорит об обязательной паспортизации данных, ссылаясь на свой опыт («Она помогает собрать людей для дополнительной беседы, где, помогая один другому, а иногда и жестоко споря друг с другом, припоминают многое, о чем раньше не говорили» [в Нижнесергинскую школу №2; февраль 1946; НВФ 7501/2 Л.1–2]). Такое письмо, безусловно, еще раз подчеркивает необходимость осмысления просветительской

¹⁸⁵ [в Нижнесергинскую школу №2; февраль 1946; НВФ 7501/2 Л.1–2], [«юным друзьям»; 10.11.1947; НВФ 6962 Л.3], [пионерам школы №4 г. Златоуста; 29.02.1948; НВФ 6962 Л.5], [«уральским ребятам»; 1940–е; КП 23691 Л.1].

и исследовательской деятельности П. П. Бажова как неотъемлемых установок и его художественного творчества.

2 письма написаны Бажовым читателям на фронт¹⁸⁶. 2 письма являются ответами на вопросы читателей краеведческого порядка в связи с прочитанными сказками¹⁸⁷.

В данном корпусе писем наиболее ценным кажется то, что и в такого рода переписке¹⁸⁸ писатель не утрачивает главной черты своей эпистолярной манеры – умению быть внимательным к интересам собеседника, но при этом оставаться верным собственному мнению и стилю¹⁸⁹.

И, наконец, последний подраздел писем П. П. Бажова в качестве автора художественных произведений составляют его письма, обращенные к представителям культуры, искусства и образования, работавшим «по мотивам» бажовских произведений. Таковыми являются 21 документ. Из них 8 обращены к работникам театра и кино¹⁹⁰. 7 – связаны с работами художников по сказовому творчеству (не связанных с книжными иллюстрациями)¹⁹¹. 5 адресованы сотрудникам радиокомитетов (фронтowego, свердловского и московского)¹⁹². 1 письмо написано учите-

¹⁸⁶ [3-й гвард. Стрелковой дивизии; 7.12.1942; НВФ 7496 Л.1], [«уральцам»; 23.04.1946; КП 23689 Л.1].

¹⁸⁷ [Н. И. Азову; 11.09.1946; КП 23692/1 Л.1], [Пивню; 3.10.1946; НВФ 6960 Л.1].

¹⁸⁸ Данные фондов ОМПУ позволяют предполагать несколько сотен читательских обращений к П. П. Бажову.

¹⁸⁹ Ярким образцом представляется такое письмо Бажова представителю детской библиотеки (предположительно, г. Архангельска): «Свердлгиз не имеет возможности выполнить Ваш заказ от 4 мая №45 и передал Ваше письмо мне. У меня тоже уже последние экземпляры, но поскольку я заинтересован в установлении связи с Детиздатом ЦК ВЛКСМ, со вздохом посылаю. Наложеного платежа, как видите, нет, но буду считать за Вами долг – через три месяца письмо с сообщением о требованиях на книжку и читательскими отзывами, если они будут. Так и запишите в свой календарный блокнот: 29 августа письмо в Свердловск, ул. Чапаева, 11, Бажову П.П. Замечания и отзывы такой библиотеки, как Ваша, мне особенно ценны, т.к. теперь занимаюсь подбором сказок “детского тона”, типа сказа “Золотой волос”, который один из “Малахитовой шкатулки” войдет в новую книжечку. Если, кроме того, Вы сможете выслать наложенным платежом по адресу, который приведен выше, книгу сказок С. Писахова, то наши взаимоотношения могут считаться не только налаженными, но и проверенными практикой жизни. Не посетуйте на элементы шутки, которой как будто вовсе не место в деловом письме, но тут уж ничего не поделаешь – таково обычно восприятие жизни у стариков моего типа. Крепко жму руку в надежде, что мое “вымогательное” письмо будет принято вполне по-товарищески» [Марголенко; 29.05.1940; КП 23087 Л.1].

¹⁹⁰ [Немешаеву; 18.10.1947; НВФ 7004 Л.1], [Безруковой; 29.12.1947; НВФ 7004 Л.2], [И. Б. Астахову; первая половина 1940-х; КП 23223 Л.2], [Е. Л. Пехелис; 2.01.1947; КП 23223 Л.5], [Е. А. Пермяку; 1941; НВФ 6973 Л.1–2], [А. М. Слободнику; 30.05.1946; КП 23235 Л.1], [И. И. Келлеру; 9.07.1946; КП 23230 Л.1], [И. И. Келлеру; 19.10.1947; КП 23230 Л.2].

¹⁹¹ [коллективу Дмитровского фарфорового завода; 16.02.1950; КП 23242 Л.1], [Гребневу; 16.02.1950; КП 23242 Л.2], [на фабрику «Диафильм»; июль–сентябрь 1950; КП 23243 Л.1–3], [Ф. А. Россихиной; 18.03.1950; НВФ 6986 Л.1], [В. Б. Городилоиной; 25.01.1948; КП 23224 Л.1].

¹⁹² [А. А. Кольцовой; 25.01.1948; КП 23224 Л.1], [С. М. Богомазову; 3.01.1948; НВФ 6997 Л.1], [А. П. Проскурякову; 3.05.1944; КП 3992/2 Л.1], [М. В. Шведову; 14–16.02.1941; КП 23240 Л.1–2].

лю московской школы, задумывающему выставку, посвященную истории и культуре Урала¹⁹³.

Помимо сведений делового характера (из которых можно узнать, например, о фактах работы над диафильмами «Серебряное копытце» и «Малахитовая шкатулка» в 1950 году [на фабрику «Диафильм»; июль–сентябрь 1950; КП 23243 Л.1–3]), эти письма интересны высказываниями Бажова, характеризующими его отношение к проблеме творческих интерпретаций сказов. Так, он прежде всего благодарит за «бережное отношение к языковой стороне сказов» [С. М. Богомазову; 3.01.1948; НВФ 6997 Л.1]. Не склонен вмешиваться в авторскую работу, считая, во-первых, что «у каждого должна быть своя походка» [Е. А. Пермяку; 1941; НВФ 6973 Л.1], а во-вторых: «Что касается советов по отдельным образам, то от них я воздерживаюсь, т.к. по опыту знаю, что такие советы больше мешают, чем помогают художнику. Мне кажется, что наиболее полным выражением моего мнения о том или другом сказовом образе должен служить текст» [В. Б. Городиლიной; 25.01.1948; КП 23224 Л.1].

Во всем корпусе подобных писем просматривается единая линия. Кажется характерным следующий ход мыслей писателя: «...было приятно узнать, что комсомольцы Вашего завода заинтересовались образами уральских сказов, и хотелось не просто поблагодарить за внимание, а как-то закрепить и даже усилить этот интерес. С этой целью решил подобрать для ответной посылки все иллюстрированные издания сказов за последнее время. <...> Буду рад, если, например, тема “Серебряного копытца” или “Огневушки-Поскакушки” тоже привлекут внимание скульпторов и других работников Вашего завода» [коллективу Дмитровского фарфорового завода; 16.02.1950; КП 23242 Л.2]. Вероятно, решающим фактором в общей положительной оценке таких работ для Бажова являлось то, что это давало

¹⁹³ [Л. И. Апарникову; 30.10.1946; НВФ 7501/1 Л.1–4].

возможность еще раз прозвучать центральной теме жизни и творчества писателя – Уралу¹⁹⁴.

В качестве члена профессионального литературного сообщества Бажов проявляет закономерную эпистолярную активность – 24 письма коллегам-писателям¹⁹⁵ и 21 письмо критикам и исследователям собственного творчества¹⁹⁶ составляют почти четверть объема всего эпистолярного наследия (190 000 знаков).

Здесь представляется характерным достаточно небольшое количество эпистолярных единиц, совершенно не выделяющее эту группу писем и адресатов среди прочих (более ожидаемой картиной для писательского эпистолярного круга был бы явно повышенный интерес к общению с близкими по роду деятельности людьми). Еще меньшее количество адресатов при столь высокой популярности и бесспорном авторитете в профессиональной среде (15 писателей¹⁹⁷ и 6 исследователей¹⁹⁸) указывает на определенные сознательные ограничения, налагаемые адресантом на этот круг общения. Можно увидеть и условия этого ограничения.

Дело в том, что характерных ситуаций биографического контекста переписки всего лишь две. Е. А. Пермяк, С. А. Тельканов, В. А. Стариков, Е. А. Боголю-

¹⁹⁴ Показательно, что в ответ на просьбу написать автобиографию к выставке, посвященной Уралу, П. П. Бажов отвечает: «...мне хотелось бы заменить свою биографию биографией той заводской среды, фольклор и говор которой привлекли внимание читателей к вещам за моей подписью. Думается, что это гораздо важнее, чем привлечение внимания к географическим пунктам и хронологическим датам своей жизни, которая ничем не замечательна. Учитель русского языка, потом журналист, не имевший возможности получить высшее образование, всегда с большим уважением относился к трудовой среде, из которой вышел. Если к этому прибавить большую любовь к родному языку, то и получится полная автобиография» [Л. И. Апарникову; 30.10.1946; НВФ 7501/1 Л.1].

¹⁹⁵ [Л. С. Шаумяну; 1948-1949; НВФ 7497/4 Л.1], [О. Д. Иваненко; конец 1945; КП 23229 Л.1], [В. Т. Кучерявенко; 3.06.1947; НВФ 6967 Л.2], [М. Х. Кочневу; 20.05.1947; НВФ 6966 Л. 1–2], [А. И. Лаврентьевой–Кривошеевой; 25.01.1948; НВФ 6955 Л.2], [Е. А. Пермяку (?); 1946; НВФ 6956 Л.1–2], [Е. А. Пермяку; 3.01.1946; НВФ 5108 Л.77–78], [С. А. Тельканову; 1947; НВФ 6979 Л.1–4, НВФ 7492 Л.1–2], [Л. К. Татьянической; 26.07.1945; НВФ 6977 Л.1], [А. А. Суркову; 1946; НВФ 6976 Л.1–2, КП 23236 Л.1], [Б. С. Рябинину; 1945; НВФ 6975 Л.1–6], [Е. Г. Ружанскому; 1.01.1950; НВФ 6974 Л.1], [Д. Д. Нагишкину; 1945–1947; НВФ 6971 Л.1–7], [Б. Н. Михайлову; 1946–1947; НВФ 6970 Л.1–5, КП 23232 Л.1–2], [Е. А. Боголюбову; январь 1948; КП 23226 Л.1–2], [В. А. Старикову; 22.12.1947; КП 4099/9 Л.1], []

¹⁹⁶ [Р. Р. Гельгардту; 1949–1950; 1949-1950; КП 23685 Л.1–2], [С. Б. Качальскому; 1.08.1950; НВФ 6959 Л.8], [И. Б. Астахову; 1939; КП 23086 Л.1], [А. С. Ладейшикову; 10.12.1946; НВФ 6969 Л.1], [М. А. Батину; 20.11.1949; НВФ 6965 Л.1–7], [Л. И. Скорино; 1944–1947; КП 21321–21322, 21324–21325, 21327–21332, 21333–21338]

¹⁹⁷ При этом письма А. И. Лаврентьевой–Кривошеевой, Л. С. Шаумяну, Е. Г. Ружанскому не позволяют предполагать активную переписку.

¹⁹⁸ Письмо С. Б. Качальскому – мягкий отказ от переписки и сотрудничеству с исследователем: «Мои стариковские недомогания до того участились, что я потерял возможность планировать свое время даже в ближайшем окружении, и я положительно боюсь обещать какую-то часть времени людям, живущим вне города и даже области. Лучше уж выберите другую тему для своей работы» [С. Б. Качальскому; 1.08.1950; НВФ 6959 Л.8].

бов, Б. Н. Михайлов, Б. С. Рябинин, Л. К. Татъяничева, О. Д. Иваненко – это люди, с которыми Бажов действительно хорошо знаком, их связывает обоюдная симпатия, и общая литературная деятельность в этих случаях не исчерпывает всех поводов для общения. Д. Д. Нагишкин, А. А. Сурков, В. Т. Кучерявенко, М. Х. Кочнев – люди, с которыми Бажова связывают лишь весьма кратковременные личные встречи, но очевидный профессиональный интерес. Так, творчество Нагишкина, Кучерявенко, Кочнева характеризуется сильнейшей опорой на региональный фольклор, и Бажову, как видно из писем, интересен и сам исходный материал, и особенности их подхода к нему. Творчество Суркова писателю не близко (в письмах к поэту он практически и не касается этого), но Бажову симпатична его общелитературная и культурная позиция, и на фоне их сотрудничества в качестве автора и редактора «Огонька» вполне естественно возникновение обоюдного профессионального интереса.

Необходимо подчеркнуть, что профессиональная близость в формировании этой группы писем играет немногим большую роль, нежели чисто человеческая, далекая от рациональности и прагматичности симпатия. Судя по воспоминаниям, книгам с дарственными надписями и материалам писем, написанных Бажову, он мог поддерживать переписку с В. Б. Шкловским, С. Г. Писаховым, С. Я. Маршак-ком, А. Т. Твардовским, А. А. Фадеевым, однако, очевидно, отдает предпочтение тем, с кем разговор о литературе может выйти за рамки абстрактных рассуждений.

С Б. Н. Михайловым он делится переживаниями об организационных трудностях свердловского Союза писателей: «Альманах у нас не выходит уже больше года. Теперь пытаемся преобразовать его в журнал более легкого типа, но пока в пределах того же издательства, то есть, в сущности, это будет книгой, а не журналом. Так как без мечты жить скучно, то планируем выпуск настоящего журнала, задачей которого ставится, прежде всего, сплочение всех литературных сил Урала, но пока это в роде степного марева в июльский день: кажется близким и радостным, а будет ли – неизвестно» [24.05.1946; НВФ 6970 Л.4]. С Е. А. Боголюбо-

вым - обсуждает недавно прошедшую конференцию: «Правду сказать, мне и доклад Б.Д. [Удинцева] понравился лишь в той части, где он говорил о фактических ошибках в книге К.В. Боголюбова, но “проблемы научной биографии”, – это, видимо, не для меня писано. Как массовик и популяризатор, я не понимаю этого стремления учесть число косточек, качество сухожилий, вес головного мозга и т.д., чтобы потом окончательно водрузить на точно отведенное место. Мне хотелось бы видеть Дм. Н. [Мамина–Сибиряка] живого со всеми его достоинствами и недостатками, и это лучше всех мог бы сделать Б. Д., если бы просто рассказал, не увлекаясь деталями семейного порядка» [январь 1948; КП 23226 Л.2]. В письме к О. Д. Иваненко – делится новостями из литературной жизни Свердловска, своими успехами и неудачами, проявляет осведомленность в творческой деятельности адресата, но внимателен и к семейной стороне жизни: «Хлопьяга Витяга, наверно, совсем большой стал и все уральские слова забыл. Передайте ему в ответ на его приглашение дедушки Бажова, “що вин не может приихати до вас, бо уже старый, и свит з очей у йего ховаться став”. Теперь вот уж не пишет, а на машинке выстукивает» [конец 1945; КП 23229 Л.1]. Не теряет исследовательского азарта в переписке с Д. Д. Нагишкиным: «А это что за повесть Ив. Дружинина “Владимир Атласов”? Кем она издана? Никогда не видал, а между тем этот самый Владимир меня всегда интересовал. Уж очень много в нем спутано разбойничьего, служилого и мечтательного, и на редкость поэтичен его основной лозунг движения вперед. Если не затруднит, скажите, где можно эту книгу добыть» [7.10.1946; НВФ 6971 Л.6].

Такая установка на живую связь, не лишённую, но и не полностью подчинённую рациональному расчету, увлекает Бажова своей непредсказуемостью, намного большим диапазоном возможных наблюдений и впечатлений, отсутствием рамок формального общения, неизбежных в ситуации переписки с плохо знакомыми людьми.

Эта же установка, как кажется, сформировала и комплекс писем к исследователям. Явная симпатия к Л. И. Скорину, новизна впечатлений от работы с ис-

следователем собственного творчества и потенциальные возможности к привлечению с помощью московского критика большего внимания к уральскому фольклору – именно эти условия создали возможность столь объемной (более 100 000 знаков), увлекательной для обеих сторон и вполне откровенной со стороны Бажова переписки. Стоит заметить, что фрагменты этой переписки составили едва ли не две трети всего корпуса многократно цитируемых эпистолярных размышлений писателя. Между тем, можно привести довольно характерный абзац из письма к исследовательнице: «Вот что значит не слушаться старших! Сколько раз Вам говорил: “Не связывайтесь с конъюнктурным объектом: мода на него пройдет вместе с модой употреблять к случаю и без случая слово Урал”. Не послушались. Предупреждал снова: “Если связались, то не поднимайте выше меры!” Опять не послушались. Теперь вот Вас стали поднимать. Достукались! Ваш боковой прогноз (заранее чешутся-то) не обманывает. За подыманием, конечно, следует опускание, причем сетки внизу никто не держит. Поэтому вывод об усиленном питании совершенно правилен и похвален. Надо, в порядке подготовки, даже еще эту часть усилить, но не доводить себя до ожирения. В целях той же подготовки полезно тренироваться в боксе. Лучше без рукавиц и не на специальных каких-то площадках, а ближе к жизни: на трамвайных и троллейбусных остановках, или даже в метро в часы наибольшей загрузки. Хорошо бы поупражняться в прыганьи с парашютной вышки без парашюта...» [27.10.1945; КП 21328 Л.1–2].

Легко убедиться, что для писателя этот адресат является далеко не только выгодным с некой конъюнктурной точки зрения, но и просто интересным, живым собеседником. Как видно из писем другим исследователям (М. А. Батину, Р. Р. Гельгардту, И. Б. Астахову, А. С. Ладейщикову), именно такое отношение приводило к действительно плодотворному общению, когда Бажов раскрывался, старался быть правильно понятым, поддавался азарту дать точный, исчерпывающий ответ даже на те вопросы, в необходимости которых он нередко сомневался. Тональность ответов этим исследователям уже и менее эмоциональна, и заметно уступает по степени заинтересованности.

Это наглядно проступает, например, в таком фрагменте единственного письма к Батину: «Если что выберете полезного – Ваша доля, если нет – не взыщите. Такой уж я неустроенный человек, не могу толком объяснить то, что в своей работе считаю главным. Литературоведы не раз укоряли в том, что я не правильно выставляю на первое место фактический материал, а я продолжаю думать, что отобрать и понять факты народного творчества – это тоже творческое качество...» [20.11.1949; НВФ 6965 Л.1]. Бажов начинает попросту уходить от ответов: «На Ваш вопрос ответить тоже, пожалуй, не смогу, т.к. никогда не занимался диалектологией и не только тонкостей этого дела, но и наиболее видных установок не знаю» [Р. Р. Гельгардту; 1949–1950; 1949-1950; КП 23685 Л.1]; «Относительно Вашего объяснения фантастики образа сказов у меня возражений нет, да, по моему, и не должно быть, - мне здесь приходится скорей прислушиваться к тому, что об этом скажут другие» [И. Б. Астахову; 1939; КП 23086 Л.1]. О том же говорят и количество, и объем написанного этим адресатам (по одному письму каждому суммарным объемом не более 15 000 знаков).

Таким образом, в письмах к адресатам, характер связи с которыми, казалось бы, должен подталкивать Бажова к углублению в литературные, эстетические сферы, писатель, напротив, тяготеет к уходу в более широкий круг тем. Разговор о литературе с литераторами и литературоведами для него наиболее интересен тогда, когда собственно искусство обнаруживает свою взаимосвязь с жизнью в целом.

Наибольшую радость у него вызывают творческие успехи собеседников, которые «на стол можно положить»¹⁹⁹, то есть вышедшие в печати.

Естественно, что и досаду вызывают прежде всего явления, препятствующие полноценной реализации творческих усилий: «Положение, действительно, из

¹⁹⁹ «Теперь вот с помощью Облисполкома пытаемся организовать командировку писателей в колхозы. Это может дать много, но боюсь, что отдача получится лишь со временем, а пока в лучшем случае будут очерки и не очень высокого качества, т.к. многие из нашей писательской группы не соприкасались раньше с колхозной жизнью. Знали о ней разве по газетам. К 30-летию Октябрьской революции намереваемся собрать альманах расширенного объема. Но, как видите, все намерения и предположения, а у Вас то, что на стол можно положить. Это гораздо лучше» [Д. Д. Нагишкину; 24.4.1947; НВФ 6971 Л.7].

рук вон. 10 номер альманаха держали в производстве свыше двух лет, а теперь сама наша редакционная группа решила от него отказаться, как безнадежно устаревшего. Разумеется, виним в этом издательство, но оно, в сущности, не так уж виновато потому, что работу типографии планирует ОГИЗ, не очень считаясь с планами Свердловгиза, а другой полиграфбазы нет».

Впрочем, с уже знакомой установкой на максимальную объективность и многосторонность суждений Бажов тут же продолжает рассуждать: «Выносили этот вопрос на бюро Обкома, директору записали выговор, но дело мало сдвинулось, так как нельзя отказать в первоочередности школьным учебникам, которые печатаются здесь.

Только говоря так о препятствиях, не следует замалчивать и свои недуги. Теперь это легко прикрывается – нас не печатают, а если бы печатали в полную силу, то явственно обозначилось бы другое: мало и не о том, и не так пишем» [Б. Н. Михайлову; 1946; НВФ 6970 Л.1].

Знаковым представляется и другое замечание: «Какое уж тут творчество, когда с текущими делами не умеешь справиться»²⁰⁰. С одной стороны, в нем просматривается уже знакомое отсутствие особого пиетета по отношению именно к собственной писательской деятельности. С другой же стороны, будет справедливым отметить, что такая система приоритетов и является наиболее логичной, естественной. Литература не может стать важной составляющей действительности, если ее создание происходит в отрыве от условий этой действительности. Усилия в рамках индивидуальной творческой лаборатории могут оказаться (а по Бажову, скорее всего, и окажутся) бесполезными, если творческое мышление будет работать лишь по касательной к реальной жизни. При этом не менее принципиален и диапазон явлений, так или иначе определяющих эту реальность. Если обратить внимание на то, из каких сфер жизни писатель дает советы своим колле-

²⁰⁰ «Письмо датировано концом апреля, а отвечаю на него в последних числах мая. Это и есть показатель моей работы. То, что говорят, угрыз и головы не видно. Какое уж тут творчество, когда с текущими делами не умеешь справиться. Писательски теперь почти не работаю, если не считать, что иной раз к какому-нибудь случаю сказ для газеты напишешь, он ведь газетный и останется» [Б. Н. Михайлову; 24.05.1946; НВФ 6970 Л.4].

гам, то можно убедиться, что спектр стратегически важных факторов весьма широк.

Семейное благополучие, здоровье²⁰¹, государственная культурная политика, актуальность той или иной темы в читательском сообществе, тенденции культурологического порядка, темпы и сроки, неизбежно возникающие в связи с производственной стороной литературного процесса²⁰². Специфически бажовской чертой логики размышлений видится и то, что каких-либо приоритетов среди перечисленного не расставляется, так как важным писателю представляется все, а «неувязка» хоть с одним из этих факторов способна остановить главное – движение культуры вперед, к «свежему», «неведомому широкому читателю».

1.3 Проблема реализации научного потенциала эпистолярного наследия

П. П. Бажова как единого целого

Так как во второй части исследовательский ракурс нашей работы несколько изменится, в качестве промежуточного итога сформулируем ряд выводов по проблеме, которая, как кажется, является наиболее существенной для данной части. Легко заметить, что сложность восприятия корпуса писем П. П. Бажова как своеобразного единого текстового пространства возникает практически с первых шагов. Как видно из проблемно-тематического обзора, многогранность личности автора, пестрота тем и стилей иногда даже в рамках одного письма, количество ад-

²⁰¹ «Одно мне не понравилось в Вашем письме – это болезни. Чуть не вся редколлегия ходит в больных. Надо бы не поддаваться, а то нам, старикам, как работать, коли молодые сдавать начинают» [Д. Д. Нагишкину; 24.4.1947; НВФ 6971 Л.7].

²⁰² Среди многих примеров, иллюстрирующих такую позицию Бажова, особенно ярким представляются советы С. А. Тельканову, вынужденному жить в Хабаровске: «Сам же говоришь, что журнал “Дальний Восток” выходит более или менее аккуратно. Где, кроме Москвы, ты это найдешь? Думаю, что и времени для литературной работы у тебя достаточно. Конечно, уральская тематика там не нужна, но ведь есть и общая, да и к краевой нехитро приглядеться. На свежий глаз она даже острее воспринимается. Не надо только, разумеется, замыкаться в своем жанре – стихи и все. Со стихами, труднее. Очень уж много народа занимается этим, а разницы большой нет. У каждого, как говорится, свой голос, да все схожие, а это для поэта, не пробившегося еще на главную площадку, самое гиблое дело. Нет, другое, надо действовать обеими руками. Костя Мурзиди не случайно сел за роман. У прозы, что ни говори, есть свое преимущество, особенно у краевой, в которой много неведомого широкому читателю. Этой свежестью многое покрывается, а ведь со стихами не то» [29.01.1947; НВФ 7492 Л.1].

ресатов и их разнообразие как в личном, так и профессиональном плане, большой временной диапазон – все это делает из эпистолярного наследия писателя столь разнородный поток текстов, что возникают сомнения в возможности и, что важнее, необходимости концептуально и методологически состоятельного сведения всех этих документов в единое смысловое целое. Однако последующий обзор истории эдиционной и исследовательской практики довольно наглядно демонстрирует то, что несоблюдение именно принципа целостности эпистолярного дискурса П. П. Бажова (произвольный отбор писем, необоснованные изъятия, почти полное отсутствие сведений о биографическом контексте в публикациях, а следовательно, лишенное какой-либо системности обращение исследователей к этим материалам) влечет за собой чрезвычайное обеднение (граничащее с искажением) как фактической, документальной составляющей писем, так и смыслового, автобиографического и автопсихологического их наполнения.

Таким образом, восприятие всего корпуса писем и в качестве единого текста, и, что еще более значимо, в качестве единого комплекса исследовательского материала, представляется хоть и непростой, но важной и интересной задачей. Обоснованием этому могут служить рассуждения общетеоретического порядка: письма Бажова, какими бы они ни были, написаны действительно одним человеком, они реализуют систему ценностей и понятий одного сознания, соответственно, так или иначе, но логика, развертывающая все эти тексты в рамках единого биографического, психологического, творческого сюжета, должна существовать. На наш взгляд, немало способствует стремлению к комплексной интерпретации и специфические черты именно бажовского эпистолярия: в письмах 1920-х гг. наиболее существенные личностные проявления их автора вполне согласуются с характером адресанта писем конца 1940-х годов; стилистический облик как сугубо официальных посланий, так и дружеских писем имеет определенный набор неизменных индивидуальных особенностей.

Однако нельзя не отметить и известные трудности, связанные с таким подходом к письмам П. П. Бажова. И в первую очередь это трудности, обусловленные

необходимостью внимательного отношения к историко-биографическому контексту того или иного письма. Понимание прагматических задач конкретного эпистолярного текста (с какой целью писалось письмо) и характера коммуникативной ситуации переписки (кому оно писалось), безусловно, необходимо как для корректного, так и для действительно продуктивного обращения к материалу. К тому же сведения подобного рода являются важной опорой в рассуждениях о некоем метатексте, например, писем к одному адресату, писем определенного периода времени или опять же всех писем Бажова в целом. Но в описанной ситуации отсутствия научного издания даже части эпистолярного наследия (которое и подразумевает проработку этой информации) было бы несправедливо требовать от каждого отдельного исследователя, обратившегося к письмам писателя, полной компетентности в вопросах многочисленных биографических подробностей, притом не только самого писателя, но и его адресата.

Кроме того, и ситуация неопубликованности большей части писем, а значит далеко не для всех возможного доступа к ним, делает полноценную работу с этим материалом весьма и весьма трудозатратной.

В связи со всем этим, то есть, с одной стороны, очевидной необходимостью комплексного подхода к изучению эпистолярного наследия П. П. Бажова, но с другой стороны, довольно объективными трудностями, которые сопутствуют такому подходу и вряд ли полностью преодолимы в ближайшее время усилиями одного исследователя, хотелось бы придать рассуждениям практическое направление и предложить следующий шаг по решению поставленной проблемы.

В **Приложении** представлена составленная нами «Форма научно-исследовательской карточки эпистолярного документа» (и несколько примеров ее заполнения), предназначенная для заполнения на каждое дошедшее до нас в документальном виде письмо П. П. Бажова. По замыслу, такая карточка способна довольно эффективно, репрезентативно замещать собственно письмо на первых, предварительных этапах работы по их изучению. Первая часть формы – описание непосредственно документа, а также краткие сведения биографического порядка,

характеризующие контекст написания письма – помогут исследователю сориентироваться в архиве Бажова, составить представление о потенциально интересующих письмах (в случае работы над конкретной темой, например, «П. П. Бажов во время Великой Отечественной войны», «Издательская деятельность на Урале 30-х гг.» или «Жизнь и творчество Е. А. Пермяка на Урале»). Вторая часть - «Проблемно-тематическое описание текста документа» – дает представление о содержательном диапазоне письма, помогая, в частности, найти интересные сведения в неожиданных, непредсказуемых местах²⁰³.

Кроме того, посредством ключевых слов, обозначающих основные темы, о которых идет речь в письме (например, производство, фольклор или кино) карточки разных писем способны как бы сомкнуть описываемые письма в некое смысловое единство, выстроить логический сюжет осмысления Бажовым той или иной темы. При большом количестве описанного материала эпистолярный предстанет действительно метатекстом, в котором основные проблемы, на протяжении многих писем занимающие писателя, будут формулироваться и проговариваться, каждый раз обрастая новыми смыслами, мыслительными поворотами, фактической и эмоциональной подоплекой, акцентами и метафорами. При условии же полностью описанного таким способом сохранившегося эпистолярного наследия, на наш взгляд, можно будет говорить о проблемно-структурной модели корпуса писем, призванной хоть и схематически, но в достаточно полной мере отразить содержательное поле эпистолярия (по аналогии с магнитным или электрическим полем предмета) с присущим именно ему диапазоном тем, наглядно просматривающимися сильными акцентами на одних явлениях и слабым интересом к другим. Другими словами, письма будут представлены именно в своей полноте и цельности, при этом доступ к ним станет несколько проще (исследователю будет не обязательно прочитывать большое количество ненужных ему в данный момент

²⁰³ Так, богатый исторический материал о Пермской духовной семинарии конца XIX века находится в письме В. И. Упорову [1950; НВФ 6957 Л.14–19], о котором неизвестно практически ничего. Соответственно, вероятность того, что на это письмо обратит внимание, например, историк, заинтересованный этой темой, но недостаточно знающий биографию П. П. Бажова, чрезвычайно мала.

писем, достаточно выделить с помощью карточек лишь те, в которых присутствуют мотивы, близкие его научным интересам).

Аналогичные рассуждения касаются и того материала, который наполняет письма в связи с их документальной (а не автопсихологической, рефлексивной) природой, с их способностью отражать окружающую автора действительность. Поля для заполнения реальных событий, имен, организаций, географических объектов, биографических сведений, нашедших отражение в письме, помогут исследователям легко выделить группу документов, исчерпывающе представляющую ту или иную проблему историко-биографического порядка (например, все письма, в которых прослеживаются отношения П. П. Бажова и Л. И. Скорино или П. П. Бажова и столичных писательских и издательских организаций).

Такая работа по описанию всего эпистолярного наследия, на наш взгляд, вполне посильна одному исследователю или же небольшой группе соратников и предполагается в качестве ближайшей перспективы по изучению эпистолярного наследия П. П. Бажова.

Часть II. Вопросы литературы, фольклора и истории в эпистолярном дискурсе П. П. Бажова

2.1 Проблемно-структурный анализ эпистолярного дискурса П. П. Бажова

В первой части работы наш анализ писем П. П. Бажова имел преимущественно обзорно-тематический характер. Продиктовано это как самим материалом, имеющим действительно внушительный набор разнообразных вопросов, тем, явлений, интересующих автора, так и ситуацией, сложившейся вокруг этого материала – эпистолярное наследие писателя еще ни разу не становилось самостоятельным объектом изучения.

Акцент на осмыслении цельности и единства эпистолярия привел нас к выводу о том, что при всем многообразии тем, адресатов, коммуникативных ситуаций, порождающих то или иное письмо, эпистолярное наследие Бажова имеет мощное объединяющее начало – сознание автора, для которого прежде всего характерна именно целостность восприятия мира и окружающей действительности. Так, письмо-рецензия Бажова в содержательном плане имеет мало общего с его дружеской перепиской с писателями и учеными, однако и в столь различных по прагматике текстах невозможно уйти от ощущения единой «бажовской» манеры, выраженной как стилистическими средствами, так и, в первую очередь, логическими конструкциями, отражающими специфический способ видения и осмысления действительности.

Во второй части исследования методология анализа изменится в связи с переключением фокуса внимания. Если в первой части принципиальной была документальная природа эпистолярия, и письма писателя осмыслялись как неотъемлемая часть в первую очередь биографического дискурса, то методология второй части призвана актуализировать в первую очередь содержательную составляющую эпистолярных текстов Бажова. Эпистолярий как совокупность текстов, выражающих систему взглядов, оценок, понятий автора является предметом наших последующих размышлений.

Как мы показывали, количество и разнообразие вопросов и проблем, поднятых Бажовым в письмах, весьма внушительно. Поэтому наиболее продуктивным в рамках одного исследования представляется анализ более конкретной составляющей эпистолярного дискурса писателя – его размышлений, непосредственно связанных с литературой, то есть писем или фрагментов писем, в которых Бажов касается вопросов литературного творчества, историко-литературного процесса, литературы как социального института. Аргументами в пользу такого выбора могут послужить как сугубо статистические данные – с литературой в той или иной ее ипостаси связано большинство сохранившихся писем, так и логические доводы – естественно, что наибольший интерес письма писателя представляют в первую очередь в вопросах литературоведческого порядка. Однако, на наш взгляд, не менее важным является и то, что именно литература становится для Бажова той сферой, в которой сходятся все творческие и исследовательские интересы писателя, будь то его фольклорные и исторические изыскания, общественная и политическая деятельность или же нравственные и философские искания. А потому именно в размышлениях о литературе Бажов проявляет наиболее специфические и самобытные черты мировоззрения и миропонимания, демонстрирует всю глубину и оригинальность мышления.

В связи со сказанным нужно подчеркнуть, что анализ эпистолярного дискурса по сформулированной проблематике носит принципиально структурный характер, так как без осмысления внутренней взаимосвязи, логики выстраивания всей системы элементов, составляющих понимание феномена литературы П. П. Бажовым, мы рискуем нарушить целостность и утратить уникальность эстетического сознания писателя. Иначе говоря, одной из важнейших задач нашего исследования мы полагаем сохранение той *многогранности* понятия «литература», которая свойственна эстетической системе Бажова, что, в свою очередь, требует как анализа каждой грани этой системы, так и осмысления «ребер», то есть мест пересечения, совмещения разных плоскостей.

Несмотря на то, что в этой части исследования мы в целом сосредоточиваемся на содержательном аспекте писем, необходимо отметить и определенную методологическую роль коммуникативного аспекта эпистолярия. Очевидно, что, например, более «интимный» жанр дружеского письма подразумевает и более вероятную искренность суждений адресанта, тогда как официально-деловая прагматика эпистолярного текста заставляет исследователя быть намного осторожней в выводах о действительных мыслях автора. Другими словами, без учета коммуникативного аспекта эпистолярного текста невозможен критический подход к его содержанию. Кроме того, без понимания общего контекста (как биографического, так и контекста переписки с тем или иным адресатом), в котором написано письмо, зачастую сложно корректно проинтерпретировать его эмоциональный подтекст, экспрессивную нагрузку (так, в случае с письмами Бажова разговорная, сниженная лексика является верным признаком доверительности, расположения к адресату, а присутствие элементов официально-делового стиля заставляет предполагать намного более сдержанное отношение).

Определенную методологическую нагрузку несет и такая характеристика эпистолярного наследия, как его принципиальная неполнота – зачастую исследователь может знать, какие письма были написаны, но не найдены или не сохранились, однако в любом случае не могут быть известны все письма даже, например, одному конкретному адресату. В связи с этим возникает необходимость говорить о неизбежном вероятностном характере большей части выводов, основанных на эпистолярных признаниях (конечно, если это не выводы фактического порядка, не имеющие обобщающего характера). Таким образом, чрезвычайно важной становится некая статистическая оценка присутствия того или иного мотива в письмах, исходя из которой можно судить об отношении к нему автора, никогда не забывая и о существенной относительности такой оценки. Так, «писатель-фольклорист» (по собственному самоопределению Бажова) намного больше и чаще говорит в письмах об истории Урала и исторической науке в целом, нежели о собственно

фольклоре, что побуждает существенно переосмыслить роль истории в творческом методе писателя, но вовсе не дает основания понижать значение фольклора.

В качестве наглядного примера, доказывающего не только продуктивность, но и необходимость такого проблемно-структурного подхода к письмам Бажова, приведем ситуацию, сложившуюся вокруг переписки писателя с Л. И. Скорино.

Оценивая роль высказываний писателя о собственном творчестве в истории бажоведения, редакторы-составители Бажовской энциклопедии пишут о монографии Скорино «Павел Петрович Бажов» следующее: «Для своего времени это была интересная книга, но интерпретацией, основанной на авторитетных суждениях писателя, Л. Скорино “сковала” содержание сказов, и литературоведы и фольклористы, писавшие позднее, вынуждены были повторять ее характеристики и выводы, слегка видоизменяя их, конкретизируя и дополняя»²⁰⁴. Л. М. Слобожанинова, указывая на «преимущества первооткрывателя» («Впервые приводятся письма П. П. Бажова и его высказывания по вопросам творчества, сделанные в беседах с критиком»²⁰⁵), также признает, что «в 1950-е оказались востребованными многие суждения и выводы, развитые в очерке Скорино»²⁰⁶.

Вместе с тем, обращение непосредственно к письмам Бажова, написанным к исследователю, показывает, что о принципиальном влиянии писателя на автора монографии говорить не приходится. Показательным является следующий фрагмент из письма, написанного Бажовым в связи с практически готовой работой исследователя: «Такого уговора у нас не было, чтоб мне самоопределяться, т.е., обсуждать самого себя. Наоборот, твердо было условлено, что, кроме библиографической части, мне в это дело никак не вступать. По части библиографической мы уже договорились, и к этому возвращаться не надо. Есть там кой-какие неточности, но существенного значения они не имеют. Не стоило бы ковыряться, если бы даже было в гранках, а в верстке - тем более.

²⁰⁴ Указ. соч., с. 8.

²⁰⁵ Там же, с. 37.

²⁰⁶ Там же, с. 38.

Частные возражения по содержанию книги тоже устраняются нашим разногласием в основном. Я пытался неоднократно убедить, что правильной считать меня фольклористом, в известной степени владеющим литературными данными, Вы изображаете меня литературным мастером, опирающимся в своем творчестве на фольклор. Ваше дело, ваш и ответ» [Л. И. Скорино; 25.12.1946; КП 21331 Л.1]. При этом фрагменты, свидетельствующие о «разногласии в основном», возникали и в более ранних посланиях. Соответственно, говорить об интерпретации Скорино, *основанной* на суждениях писателя, нельзя.

Однако и фразу о «фольклористе, в известной степени владеющем литературными данными», не стоит воспринимать однозначно как некое самоопределение (тем более, что именно от этого Бажов заранее отказывается чуть выше в приведенном фрагменте). При изучении всего корпуса сохранившихся писем к Скорино явным становится, что разногласия писателя и литературоведа касаются не столько собственно концепции творчества, сколько основного пафоса книги, акцентирующего внимание на индивидуальном, авторском начале в ущерб фольклорной составляющей. По мнению Бажова: «Слишком высоко поднимая творческую единицу, Вы отводите скромное место материалу и окружению, а надо даже в ущерб творческой единице сконцентрировать внимание на малоизвестном материале и среде, которая в прошлом освещалась неправильно. Это было бы куда важнее и плодотворнее для литературы, чем “утверждение творческой личности”» [Л. И. Скорино; 25.02.1945; КП 21324 Л.1–2]. Неслучайна и реакция на одну из рецензий на книгу Скорино, статью С. Матвеева «Книга о советском писателе»: «Если в первых трех рецензиях, - Вы правы, - говорилось об авторе книги как-то мимоходом, то здесь уже Вы полностью перешли в разряд объектов <...> Словом, это не просто приятная рецензия, а очень содержательная, и объекту едва ли надо обижаться, когда он оказывается лишь трамплином для прыжка к обобщению, очень полезному, ценному и чреватому выводами в практической работе<...> Важно, что разговор волей-неволей должен пойти о новых путях оценки вещей, а это, на мой взгляд, важнейшее звено» [Л. И. Скорино; 3.08.1947; КП 21337 Л.1].

И, нужно сказать, что такое отношение к литературным и литературоведческим работам, вскрывающее в первую очередь оценку Бажовым их значения в общем литературном и культурном процессе, является весьма характерным в системе взглядов писателя. Для Бажова в работе Скорино более всего важен научный, культурный потенциал, способный открыть или наметить новые перспективы в изучении или же творческом освоении фольклора (той самой «практической работе»), в то время как «открытие» лишь еще одного писателя (что, в сущности, Скорино и сделала) «весит», по мнению Бажова, значительно меньше. В этом и заключается, на наш взгляд, «разногласие в основном», а, соответственно, все высказывания писателя о своей полной творческой зависимости от фольклорных источников («Вне фольклора Ваш объект – пыль, прах, мираж, созданный Вами на пустом месте») едва ли стоит считать искренней и исчерпывающей автоинтерпретацией.

Таким образом, зачастую адекватное восприятие эпистолярных суждений П. П. Бажова, касающихся литературы, искусства, культуры, возможно лишь при их осмыслении в контексте всего эпистолярия писателя, при усвоении неких основополагающих для его эстетической системы положений, что, в свою очередь, требует от исследователя строгого учета как всех составляющих данной системы, так и способа и характера взаимосвязи этих составляющих.

2.1.1 Проблемы жизненного материала и исторических источников литературного творчества

Как уже отмечалось, первой отличительной чертой размышлений П. П. Бажова о литературе является то, что писателю чуждо абстрактное понимание литературы как некоего самостоятельного феномена. Для Бажова литература, ее проблемы и задачи, специфика и общекультурная значимость самым естественным образом смыкаются со всеми сторонами человеческой жизни. Общество, наука,

другие виды искусства, культура в целом, бытовая и организационная подоплека литературного процесса, творческая и читательская психология – все эти тематические поля (или плоскости) играют совершенно определенные роли в бажовском эпистолярном дискурсе, посвященном литературе. При этом крайне сложно говорить о приоритете одного и второстепенности другого – размышления Бажова на самые разные темы выстраиваются в гармоничную, сбалансированную систему *равноценных и равнозначимых* элементов.

В связи с этим стоит подчеркнуть, что все дальнейшие рассуждения имеют своей целью вычленив ту или иную составляющую общей системы путем осмысления ее специфики, но не менее важным представляется «погружение» ее обратно посредством выявления связей с другими элементами. Иными словами, при всей аналитичности исследования, стремлении к разъятию живого мыслительного потока бажовских писем на некие смысловые блоки, одной из основных задач полагается сохранение изначальной круговой зависимости, связи всего со всем, которая, повторимся, имеет принципиальную значимость в системе взглядов П. П. Бажова на литературу.

Таким образом, история как одна из тем, наиболее интенсивно обсуждаемых Бажовым в письмах, возникает в исследовании по причине прежде всего логической²⁰⁷. И логика эта продиктована самим автором – не в одном письме Бажов настойчиво повторяет о необходимости тщательной (а лучше систематической) подготовки, максимально достоверного знания материала, на котором будет строиться художественное произведение.

При этом требование писателя распространяется и на произведения не только непосредственно исторической тематики. Так, например, предлагая Е. А. Пермяку взяться за повесть с подробным описанием такого распространенного среди детей явления прошлого, как разведение и выучка голубей, и которое знакомо Пермяку на собственном опыте, Бажов пишет: «Словом, я уже вижу в Ваших ру-

²⁰⁷ Но не статистической – нет оснований полагать, что в письмах, не дошедших до нас, эта проблематика занимает столь же пристальное внимание писателя.

ках детскую повесть “Уржумские голуби”, где нарочито спокойно, без применения драматургических котурн, без париков и даже без губной помады²⁰⁸ рассказывается о жуланах и чечетках, о змейках и рыбалке, о голубях и учебе в начале столетия. Тонкое и очень широкое знание материала, безусловно, сделают повесть чрезвычайно интересной не только для детей, но и для взрослых, которые за голубями смогут разглядеть и подтекст о Кукарке и Уржуме²⁰⁹. Можно быть уверенным, что такие голубки высоко взлетят и на любой участок сядут. И главное очень просто и близко.

Считайте это – ересью, а я продолжаю думать, что знание материала в писательской работе должно занимать первое место, а не второе» [Е. А. Пермяку; 28.01.1945; НВФ 5108 Л.52].

Но прежде всего Бажова занимает литературное творчество, непосредственно посвященное тем или иным историческим событиям. Для начала необходимо на материале эпистолярных текстов П. П. Бажова восстановить круг исторических интересов писателя и упорядочить многочисленные фрагменты исторической тематики путем выделения нескольких групп с доминированием той или иной проблематики в каждом из этих фрагментов.

Одна из наиболее распространенных ситуаций – ситуация, в которой П. П. Бажов рассуждает на исторические темы в связи с неким событием. Чаще всего, это реакция на появление новых работ, так или иначе связанных с историей Урала или России (мировой истории он касается крайне редко). В первую группу можно отнести фрагменты писем, в которых П. П. Бажов, в основном, ограничивается комментариями и замечаниями по поводу конкретно-исторических фактов или исторических фигур.

Например, в письме к Л. И. Скорино писатель высказывает замечание по поводу работы В. А. Соловьева: «В пьесе Соловьева “Великий государь” монах-обличитель выходит с четырехконечным крестом на груди, тем самым “латын-

²⁰⁸ Здесь Бажов намекает на драматургическое творчество адресата.

²⁰⁹ Кукарка (ныне - Советск) и Уржум – города Кировской области, имеющие довольно богатую культуру и историю (основаны в 16-17 веке).

ским крыжем”, который в те времена был ненавистен московскому населению не менее, чем свастика советскому человеку. Появись такой наглый крыженосец на улицах Москвы времен Грозного, такого бы разорвали на куски, а тут ничего, - к царю допустили!» [10.07.1946; КП 21329 Л.1].

В том же письме П. П. Бажов критикует и роман В. И. Костылева «Иван Грозный»: «Следовало бы по-новому посмотреть на первую жену Грозного. Ее голубиные свойства ведь не случайно раздувались в прошлом, т.к. она была звеном связи дома Романовых с так называемыми Рюриковичами. Отсюда и шла ее идеализация. Почему же нам принимать это на веру? Экзотика Темрюковны тоже выскакивает за исторические габариты. Московские цари, случалось, женились и на гречанках, и на полячках, и на черкешенках, но все эти женщины одинаково становились теремницами и обязательно принимали «московскую веру» и московские обычаи. Допустить, чтоб такой ревностный блюститель царского ритуала, каким должен быть Грозный, любовался на то, как его царица в татарских штанах скачет на аргамаке по кремлевскому двору, и сам снимает ее с седла – это, конечно, исторический нонсенс. Нонсенс кричащий, но его печатают не в Балахне или Пензе, а в ГИХЛ’е. У Сурикова есть незабываемый контраст одухотворенного, подвижнического лица митрополита Филиппа с звероподобным Малютой Скуратовым. Для Сурикова это было вполне закономерно, но когда это гориллоподобное существо переносится целиком, вплоть до расцветки частей его костюма, в роман Костылева, то остается удивляться исторической девственности тех, кто это делает» [Там же, Л. 2].

В другом письме, к А. А. Суркову П. П. Бажов обращает внимание на исторические нестыковки в романе Е. А. Федорова «Демидовы»²¹⁰: «Автор, рассказывая о строительстве невьянской башни, говорит: забивались дубовые сваи в обхват. Каждый читатель пройдет это место спокойно. Что ж, дуб не баобаб, не фиговая пальма. Крепкое дерево, в нашей стране растет. Бывает еще “мореный”, или томленный. А вот растет ли это дерево на Урале, или нет ли там другого, более

²¹⁰ «Демидовы» – первая книга в трилогии «Каменный пояс».

пригодного для свай – это можно и не знать. В результате, получается хорошо усваиваемая развесистая клюква» [1945; НВФ 7491 Л.3].

«Приходят скитники из Сибири, просят отлить им колокол и за услугу обещают показать медные и серебряные руды. Сделка состоялась. Доверенный Демидова обследовал место, колокол отлили, прочитывается легко, но и рассыпается того легче, если задать вопрос, зачем сибирским скитникам пришло в голову обзаводиться колоколом, когда они употребляли лишь било и клепало» [Там же, Л. 4].

Подобные примеры можно множить, но единая линия просматривается уже и здесь. Фрагменты такого рода интересны, к примеру, в качестве наглядного доказательства той эрудированности, которая восхищала современников Бажова. Проявляются в них и навыки редакторской деятельности писателя. Но, вероятно, самое интересное здесь – черты исторического сознания П. П. Бажова. Для него привычен ход мыслей, при котором, во-первых, любая историческая деталь в произведении должна быть тщательно выверена, проверена на соответствие как времени, так и месту. А во-вторых, Бажов вполне убедительно показывает: ботанические сведения, бытовые детали, картины художников и т. д. – писатель обязан быть компетентным во всем этом многообразии информации, если его произведение претендует на необходимый минимум – быть исторически достоверным.

Однако нужно заметить, что фрагменты приведенного, фактографического рода, является лишь неким трамплином, поводом для размышлений уже историографического порядка. Несомненно, что более всего П. П. Бажова занимает история как наука обобщающая, осмысляющая и интерпретирующая крупные, значительные явления в жизни. Проблемам и успехам научного освоения «страниц» исторического прошлого посвящены, очевидно, самые эмоциональные, актуальные для самого автора, фрагменты писем.

Продолжая разбирать книгу Е. А. Федорова о Демидовых, П. П. Бажов пишет: «А открытие медных и серебряных руд в Сибири разве мало значит? Оно ведь не так легонько пришло, как придумано в романе. Опять новая, никем не чи-

танная страница истории, связанная с Петром и его ревностным сподвижником Акинфием Демидовым» [Там же, Л. 13].

В письме к Е. А. Пермяку писатель рассказывает о праздновании 200-летия золотопромышленности на Урале: «”Уральский рабочий” отвел все-таки страницу, где, как полагается в таких случаях, помещены статьи руководящих работников союза рабочих добычи золота и платины. (Так и пишут: рабочих добычи!). Одна из них меня положительно умилила своей исторической частью. Такое соединение самоуверенного тона с чисто детской наивностью в истории встречается не часто. Может служить примером. Отрицательным, конечно. И хуже всего, что это никто, кроме двух-трех человек, не заметит. *С историей Урала у нас плохо так, что и хуже не может быть* [курсив наш – Г. Г.]. Займется же когда-нибудь наш университет этим непаханным полем, над которым теперь увидишь лишь малюсенькую горсточку людей, вооруженных доисторическими орудиями производства» [18–20.11.1945; НВФ 5108 Л.32].

П. П. Бажов, вероятно, очень пристально следит за появлением в печати любых работ, связанных с историей, и следует сказать, что не все вызывают у него негативную реакцию. Так, он пишет А. В. Астафьеву: «Большое Вам спасибо за посылку номера “Большевистское слово”, посвященного 130-летию граверного искусства в Златоусте. Прекрасный, очень содержательный разворот, где удалось показать и старых и молодых мастеров. Жаль, что такие вещи встречаются в наших газетах лишь по случаю юбилейных дат. А как бы все это надо!» [8.01.1946; КП 18847 Л.1].

Безусловно, наибольший интерес у П. П. Бажова вызывает ситуация с историей Урала. За ней он следит пристально, мнение о ней сформировано более чем определенно. Приведем большой, но важный своей цельностью фрагмент из письма к Л. И. Апарникову:

«Относительно того, что читать по истории культуры Урала ответить трудно. Можно, конечно, перечислить немало книг, но все это более или менее слу-

чайно, не всегда научно, а иногда и вовсе спорно. Вернее сказать, что ничего фундаментального по истории культуры Урала нет.

Надо сказать, что эта часть государства развивалась односторонне, как индустриальная. Здесь было довольно большое количество технических работников, но гуманитарные науки почти не имели своих представителей. Достаточно сказать, что за двести с гаком лет заводской жизни средний Урал (основной в металлургическом производстве) выделил только одного историка Н. К. Чупина, который оставил доведенный до буквы К историко-географический и статистический словарь и ряд статей по колонизации Урала. Написанная на основе его работ, книга Н. Колюпанова “История колонизации и горного дела” так и не вышла отдельным изданием. Ей пользуются лишь в виде выборок из журнала “Беседа” за 1878 г. Молотовской части (по-прежнему – Пермской) более посчастливилось. Там работали Н. Попов (“Хозяйственное описание Пермской губернии”), В. Н. Шишонко (“Летописи”, 5 томов), Смышляев, Дмитриев (“Пермская старина”), Новокрещенных, Волегов, Сигов и др. Большинство из них дилетанты, занимавшиеся историей на досуге. Шишонко, например, врач по образованию, инспектор народных училищ по работе, Смышляев – председатель управы, Волегов и Новокрещенных – управляющие имениями Строгановых.

Все это заставляет утверждать, что подлинная история Урала еще не началась, и уральцы вправе ждать помощи от центра, где в настоящее время сосредоточены архивы, а также обеспечена возможность пользоваться всем вышедшим в печати материалом.

По истории заводской техники положение лучше. Тут есть такие ценные книги, как Струмилин, Бакланов. В современности по этому разделу много работает В. В. Данилевский.

В художественной литературе полнее всего Урал отображен Д. Н. Мамин-Сибиряком, о северном Урале хорошо сказано у К. Д. Носилова. Там, правда, чувствуется струя миссионерских взглядов, но все же источник прекрасный. Из других уральских писателей можно назвать Кирпищикову, Колотовкина, Заякина-

Уральского, А. Погорелова (Сигова), Туркина, Казанцева» [Л. И. Апарникову; 30.10.1946; НВФ 7501/1 Л.3–4].

В своих размышлениях П. П. Бажов, хоть и не часто, но выходит на уровень российской истории. Например, в письме к Е. А. Пермяку он делится впечатлениями от книги Е. А. Вердеревского «От Зауралья до Закавказья» 1857 года, обсуждая некоторые сентенции автора (см. выдержку о русской избе, приведенную на стр. 28). Но и здесь осмысление истории жизни именно народа, основ его культуры и быта, является ведущей темой для суждений П. П. Бажова.

Все же писатель редко высказывает ту или иную мысль в отрыве от своего основного интереса – истории Урала. Довольно характерным мотивом является попытка нащупать грань, и соединяющую и отделяющую уральскую историю от истории русской. В уже упомянутом письме к А. А. Суркову П. П. Бажов так подытоживает свои рассуждения: «Попутно хотелось высказать и свою точку зрения на Демидовых и посоветоваться, не время ли показать их в полный государственный, а не уральский только рост и по-новому раскрыть тайну Невьянской башни». Другой пример, из письма к Л. И. Скорино по поводу работы над статьей о Свердловске: «Ведь нет у нашего города полно записанной истории, а он стоит. И как еще стоит! Путь развития этого города настолько своеобразен, что надо удивляться близорукости наших историков и экономистов, которые до сих пор не догадались заняться всерьез этим городом. Главное, он рос за счет инициативы “нижних слоев” и, может быть, даже в какой-то степени за счет “людскости тамошних женщин”, чему в свое время дивились разные “знатные путешественники”. А печать? Ведь в этом уездном городе постоянно действующий печатный орган появился с 1879 года. Попробуйте посмотреть в справочных изданиях и Вы убедитесь, что это показатель для уездного города тех дней совершенно исключительный. А комбинированная Биржа начала нынешнего столетия? Из 71, какие имелись тогда во всей империи! Это ведь тоже штука! Словом, одно раздражение» [Л. И. Скорино; 18.09.1945; КП 21327 Л.1]. По Бажову, уральский край и его

жителей нельзя понять в отрыве от всей страны²¹¹, и все же на Урале происходили процессы, выделяющие этот край на фоне других регионов России. Эта специфика, не увиденная, не изученная хоть в сколько-нибудь полной мере – вероятно, важнейший предмет исторических изысканий писателя. Оттого общая неудовлетворенность состоянием как уральской, так и русской исторической науки, зачастую вызывает у П. П. Бажова реакцию даже личного порядка («Наворочали вон романищев, что до конца не доберешься, а нового в них только то, что одно поставлено на другое место, да выброшены кой-где красненькие флажки “для советскости”». Старикам часто не удается выпутаться из-под власти прежних исторических образцов, а люди основного возраста, как известно, не очень-то занимались историей» [Л. И. Скорино; 10.07.1946; КП 21329 Л.1–2]). Писатель пытается понять истоки такого состояния науки («Понятно, что при таких условиях надо прописать большое воздержание от исторической тематики» [Там же, Л. 2]). И в следующем письме тому же адресату развивает свою мысль, пишет о «каком-то календарном определении истории и современности. Поставлен на перелицованном “Детстве Никиты” 1946 г. – современность; поставлена на вещи, написанной на самую острую тему современности, дата прошлого – старина, история» [Л. И. Скорино; 17.09.1946; КП 21330 Л.2]).

Заметим, что писатель не игнорирует роль государственной политики в этой ситуации: «Раз выдержал свою длинную полосу боязни демонического в советской литературе, то дождусь и демаркации, что в истории нам всегда нужно, что вовсе не нужно. Думаю, что это не заставит долго ждать» [Там же]. Но коренную причину видит в другом: «В руководящих статьях, правда, говорится, что история вовсе не отвергается, нужна лишь пропорция, но ведь практически вопрос будут решать те, кто порой не могут заметить даже крыжа. Из боязни ошибиться начнут действовать обычным способом. Сказка? Нет, не нужно. Легенда? Что Вы, батенька, газет разве не читаете? Сказ? Ну, знаете, подальше от всяких сказов!

²¹¹В одной из рецензий начинающему автору он пишет: «Нехорошо звучит и слово уралец, как что-то особое, географическое. Уральцы – люди как люди. Есть между ними и рослые и низкорослые, сильные и слабые, и нет оснований выделять их в особую группу» [Александр Александрович; 8.08.1946; НВФ 7022 Л.1].

Нам нужна современность! Понимаете – современность, а не какие-то там посказульки из старины» [Там же].

Не слишком стройная государственная позиция, бюрократическая путаница и связанные с ней несуразности лишь усиливают главное – отсутствие научно-исторической культуры, некой этики в работе с историческими темами. Критическое отношение к любым источникам, необходимость работы с архивами и первоисточниками, специальная теоретическая подготовка к работе с историей – об этом П. П. Бажов пишет много и настойчиво. Так, отвечая начинающему писателю, дает совет: «Если хотите заняться историей города, то надо начинать не с литературных источников, а с работы в архивах, получив предварительную подготовку к работе этого рода. Лучше все-таки делать это нормальным путем, т. е. в школьные годы учиться как можно лучше, потом пройти высшую школу, выбрав ее с учетом своих склонностей. Тогда, смею уверить, Вы при желании и усидчивости найдете в наших уральских архивах столько нового, что принятая теперь история будет вызывать лишь улыбку» [неизвестному; 29.09.1947; НВФ 7495/8 Л.1].

По поводу замыслов Е. А. Пермяка о книге, связанной с историей горы Благодати, П. П. Бажов пишет не раз, ему чрезвычайно близка эта тема, он искренне желает помочь и прежде всего методологически: «Ваши гороблагодатские письма читаю с нарастающим удовольствием: чувствуется, что гора захватывает по-серьезному, как и следует по положению магнитной горы. Штука, что говорить, большая. Мотив “денежки-погонялочки” еще звучит, но уже его заметно приглушили мелодии из Геннина, Белова, Струмилина. Того гляди, за Беловым пойдут Беляев и Фирсов, за Струмилиным – Бакланов, за Туганом – Сигов и т.д. вплоть до Колюпанова и Чупина, а за ними выплывает и то, о чем давно говорю – историю Урала надо поднимать с архивов и народных преданий. Какая-нибудь запись бергшворена [бергшворен – присяжный надзиратель рудника] Волкова 2-го “о словах, употребляемых в Кушвинском заводе при доменном производстве” дает больше, чем самая кричащая запись расходов Штемберга, проматывавшего тот же

завод. Поэтому желаю Вам еще больше увлечься первоисточниками» [Е. А. Пермяку; 9.01.1946; НВФ 5108 Л.79].

Проблема пренебрежения историей как наукой, требующей немалых усилий, но и заслуживающая трудов, возникает и в этом письме: «Охотников искать “стоящие пласты” у нас крайне мало. Как работающему рядом с историей, мне это особенно видно. Перелопачивают, что полегче, а копнуть заново боятся и не хотят, и получается не лучше того, что мне как-то предлагал покойный профессор Чернявский. У него была диссертация на тему “История Оренбургской епархии”, вот он и говорит: “Давайте напишем теперь о Пугачевском бунте. Материалу у меня много, а Вы марксистского соуса прибавьте и там всяких пейзажей”. Так ведь Чернявский был старик и профессор богословия! С него не взыщешь. А когда такое же почти видишь в историческом романе, то становится не по себе. Да еще хотят “всего достичь, не утруждая ни глаза, ни зада”, - за счет “голового таланта”, а не выходит. И никогда не выйдет без большого участия глаз и сиденья даже при самой большой одаренности» [Е. А. Пермяку; 27.10.1945; НВФ 5108 Л.74].

Собственно, приведенный выше фрагмент наиболее ярко вскрывает как характер, так и причины связи непосредственно литературы и истории в размышлениях Бажова – «работающий рядом с историей» писатель понимает всю мощь художественного потенциала подлинного исторического знания, видит его привлекательность для писателя и читателя, однако не меньше этого он знаком и с трудностями, связанными с приобретением этого знания, и с тем уроном, который наносится культуре в случае недобросовестного обращения к историческому материалу. Для Бажова литературная работа с таким материалом подразумевает, с одной стороны, его чрезвычайно тесную связь с художественным образом, с самой тканью произведения, что, как нетрудно догадаться, требует от писателя и чрезвычайной осведомленности, с другой же стороны, последующей напряженной осмысляющей, как бы оживляющей *творческой* мысли.

В качестве доказательства приведем эпистолярные размышления, связанные с собственным творчеством писателя и историческими вопросами, которые

П. П. Бажов разрешает в своей художественной практике. В переписке с одним из переводчиков своих сказов писатель разъясняет значения и происхождение отдельных слов: «Ботанического названия конотопа не знаю. Это стелющееся растение, которое встречалось в местах скопления дорожной пыли: на обочинах мостовых, около канав и мостиков. Растет на плотно утрамбованной почве. Порой затягивает все полотно мало проезжих дорог и даже держится на “конском ходу”, т.е. между коленями, там, где ступает лошадь. Отсюда, очевидно, и название конотоп» [К. М. Федоровичу; 27.08.1947; НВФ 7494 Л.2]; «В Березовском руднике золото содержится в особых гранитопорфировых жилах (дайках). Гранитопорфир имеет свое название – березит, принятое в мировой геологической номенклатуре. Местами березитовые жилы пересекаются кварцевыми прожилками. Такие пересечения, где иногда можно встретить золотые крупинки в более свободном состоянии, и называются рассечками. Причем по сопровождающим породам заранее можно определить, в какой рассечке можно ждать золота, в какой – нельзя» [Там же]; «Дайки. Здесь игра слов. Английское Дайж – столбик звучит сходно с русским «Дай-же», то есть давай. Это омонимирование слов, вероятно, и послужило основой сказа» [Там же, Л.4]; «Жабреем у нас называется сорняк, растущий в хлебах. Ботаническое его название, кажется, галеопсис. Зовут это растение еще курятным шпудльником. Цветок желтый. Растение к поре созревания становится очень колючим. Отсюда переносное значение – колючий, неприветливый» [Там же]. Обращает на себя внимание уже знакомый нам широкий диапазон знаний, непосредственно участвующих в формировании словесного образа.

О характере работы с архивами и первоисточниками свидетельствует, например, такой фрагмент: «Последний сказ²¹² предполагался началом специального цикла (о Березовском золотом руднике), но, думаю, едва ли выйдет, не сумел найти времени, чтобы посидеть в Березовске месяц-два. Долго возился со статьей о Свердловске. Написал листа три, даже с гаком, который пришлось сбросить. Работа не задалась. Получилось что-то вроде окрошки из личных мемуаров и попы-

²¹² Имеется ввиду сказ «Золотые дайки».

ток описать город на разных этапах его жизни. Но предварительная возня с материалом сильно растревожила» [Л. И. Скорино; 18.09.1945; КП 21327 Л.1]. Из него видно, что исторический материал во многом является отправной точкой в творческом процессе писателя – его отсутствие может стать веской причиной **не** писать, и напротив, «возня» с ним способна побудить к работе, инициировать создание вещи, до того не планируемой²¹³.

В качестве примера осмысления Бажовым исторического материала приведем следующие строки (в них писатель делится своим опытом, связанным с работой по истории открытия магнитного железняка на горе Благодати охотником-вогулом Степаном Чумпиным): «Сказ о Чумпине надо искать не на горе Благодати, а гораздо севернее. О нем давно думал, но выходит совсем по-русски, и это неправильно. О нем, как и о первооткрывателях горы Высокой, Ницинского рудника и Соймановских месторождений писано много, но нигде не видно ни одной национальной черточки, а они ведь должны быть. <...> Сказ ведь, знаете, штука ажурная, которая может держаться лишь на очень прочном фундаменте, а не на тумане. Между прочим, этот вопрос у меня теперь стоит поперек дороги, многому мешает. И хуже всего, - не вижу выхода, т.к. ковыряться в подлинниках не имею физической возможности, а в литературе пестрота и полемика, которой нельзя верить» [Е. А. Пермяку; 1.01.1946; НВФ 5108 Л.75–76].

Как кажется, сказ не состоялся из-за того, что физическая невозможность «ковыряться в подлинниках» не позволила писателю найти главное – некую интуитивно ощущаемую историко-художественную компоненту, без которой невозможна подлинная художественность произведения, его историческая, психологическая и бытовая достоверность. Именно эта компонента, по мнению Бажова, как бы запускает механизм, превращающий художественное полотно одновременно и

²¹³ Упомянутая статья о Свердловске стала начальным этапом в работе над повестью «Дальнее-близкое».

в эстетическое целое («ажурную штучку»), и в «кусочек жизни», прочно смыкающийся с реальностью²¹⁴.

Любопытным развитием проблемы сопоставления научного, исторического и образного, художественного восприятия, осмысления действительности представляется такое размышление писателя о вокзале Нижнего Тагила:

«Думаю, что ни одному историку будущего не разгадать загадки, как могла эта площадка вынести нагрузку военного времени. Если к этому добавить, что все это проходило не без участия блата и всякой бестолковщины, то получается нечто вовсе фантастическое, где действует уже не хозяйка горы, а кто-то более сильный и привлекательный. У старых писателей этот некто поименован по-разному, но все названия либо стерлись от долгого употребления, либо безнадежно испорчены украшительными привесками и ненужным подмалевыванием. Поэтому всем, “кому сие мощно”, надо искать новый обобщающий образ. Может статься, что жизни не хватит, чтоб выпрыгнуть за пределы березки, нивы или таких широких категорий, как русский дух, родина и т.д., но этим смущаться не приходится. Пусть даже каждому такому искателю в конце придется со вздохом повторить: “Умом Россию не понять”, но производное от этих поисков все-таки будет всегда ценным» [Е. А. Пермяку; 14.04.1944; НВФ 5108 Л.21].

Как видно, для Бажова оба метода в равной степени необходимы – без истории невозможно подлинное знание жизни, однако лишь рациональными способами, без художественного осмысления этих знаний невозможно проникновение в глубинные процессы и закономерности. Таким образом, смыкаясь с историей, с достоверным научным знанием о событиях прошлого, литература обретает надежный источник связи с самой жизнью, что, по Бажову, является ценнейшим признаком подлинного искусства.

Все сформулированные нами тезисы относятся в первую очередь к размышлениям писателя о литературе исторической тематики, о произведениях, повест-

²¹⁴ «Кусочек жизни» - выражение писателя из письма к Е. А. Пермяку, в котором он защищает малые жанры литературы: «В них ведь тоже кусочки жизни, и читать не так долго» [Е. А. Пермяку; 14.11.1946; НВФ 5108 Л.118]. Однако мотив присутствия «самой жизни» в литературном произведении возникает в письмах неоднократно.

вующих о событиях более или менее отдаленного прошлого (в том числе, и о произведениях самого Бажова). Но необходимо подчеркнуть, что обращение к прошлому для него никогда не синонимично уходу от современности. Едва ли не самым важным для писателя является создание такого исторического образа, который способен сыграть роль в понимании прежде всего современных процессов. Об этом он пишет неоднократно:

«Ваш объект, который, как видите, пока что анализирует, но не унывает и чаёт воскресения мертвых до 17 века включительно. Не с тем, чтоб рассматривать старую одежду-обузу, на которой насажены преувеличенно красные заплатки порой в самых неподходящих местах, а для того, чтоб нашим современникам можно было перемолвиться запросто» [Л. И. Скорино; 17.09.1946; КП 21330 Л.3].

«Дали будущего и даже глубокое понимание современности мне недоступны, но та высота, на какую мне все-таки удалось подняться, дает возможность по-новому посмотреть на знакомое мне прошлое. Считаю это качеством современника, а меня относят в группу, перелопачивающую старый материал, где от случая к случаю вставляются “пропускные” фразы и характеристики. <...> никто не подумает, почему старого советского журналиста, чувствующего вопросы современности, потянуло рассказывать о том, что было шестьдесят лет тому назад: просто ли припомнить дни, когда он был малышом, или есть другая задача. В роде, например, того, как формировались кадры людей, которым пришлось в полное плечо работать в годы революции» [Л. И. Скорино; 17.09.1946; КП 21330 Л.2].

«Приключение мальчуганов, помощь революционеру — все это лишь фабульные крючочки и петельки. Главным ставилось другое и совсем не маленькое. Хотелось по-другому показать условия воспитания ребят в средней рабочей семье в противовес тому, что у нас нередко изображалось. Да, была темнота, но не такая беспросветная, как в “Растеряевой улице”, в подъячевских рассказах, или даже в Чеховских “Мужиках”. Была и нужда, и материальная ограниченность, но ребята не дистрофиками росли: из них ведь выходили те мастера и подмастерья, которые

играючи ворочали клещами шестипудовые крицы и подбрасывали в валок тяжелые полосы раскаленного железа»²¹⁵ [Л. И. Скорино; 27.10.1945; КП 21328 Л.2].

В работе других писателей Бажов одинаково отрицательно воспринимает как неумение дать исторически достоверную картину прошлого (примеры таких оценок уже приводились выше), так и отсутствие попыток переосмысления опыта прошлого в поисках актуальности для современного читателя. Размышляя об исторической романистике 40-х годов, он пишет:

«Не сомневаюсь, что годов через пяток-десяток будет в этом деле поправка. Скажут не о цифровом соотношении, а о том новом в литературе, что должен дать советский писатель без отношения к тому, занимается ли он темами старины или современности. Подрастут и те редакторы, которые без труда будут решать, что, например, фундаментальный труд Костылева не так уж сильно нужен советскому читателю, а менее фундаментальный труд С. Бородина очень нужен²¹⁶, т.к. дает новое освещение исторического периода. Новые редакторы заметили бы, что Костылев перебирает старые пески с тем же фонариком, как и его предшественники, и видит почти то же, что и они» [Л. И. Скорино; 10.07.1946; КП 21329 Л.2].

Подытоживая, остановимся на основных моментах. Требование «знания материала» писателем, на котором основано его литературное произведение, является для Бажова первым критерием в оценке результатов писательского труда. Без него, по мнению Бажова, творчество утрачивает связь как с современной жизнью («сидя за городским письменным столом и вращаясь в кругу себе подобных, мы абсолютно ни черта не знаем о жизни страны» [Л. И. Скорино; 17.09.1946; КП 21330 Л.3]), так и с реальностью в принципе (когда литература становится источником «хорошо усваиваемой развесистой клюквы»). При особой приверженности самого Бажова к исторической науке вполне закономерен его особый интерес к

²¹⁵ Имеется в виду повесть «Зеленая кобылка».

²¹⁶ Имеются в виду В. И. Костылев и его роман-трилогия «Иван Грозный» (1943-1947), а также С. П. Бородин и роман «Дмитрий Донской» (1941). В том же письме Бажов продолжает: «У Сурикова есть незабываемый контраст одухотворенного, подвижнического лица митрополита Филиппа с звероподобным Малютой Скуратовым. Для Сурикова это было вполне закономерно, но когда это гориллоподобное существо переносится целиком вплоть до расцветки частей его костюма в роман Костылева, то остается удивляться исторической девственности тех, кто это делает».

литературным произведениям, основанным на материале прошлого. Проблема плодотворного художественного осмысления «страниц истории» (как в собственном творчестве, так и в творчестве других писателей) в его размышлениях прочно связана и с проблемами самой науки, и с уровнем научно-исторической культуры в современном ему обществе. Бесспорным для писателя является то, что обращение к прошлому необходимо для глубокого понимания современности. Однако наука, рациональный метод познания в действительности имеет и свой предел, тогда как достоверные факты и материалы, осмысленные в подлинно художественных целях (а не в виде «красненьких флажков “для советскости”»), могут дать литератору образы, значение которых для культуры будет невозможно переоценить («Пусть даже каждому такому искателю в конце придется со вздохом повторить: “Умом Россию не понять”, но производное от этих поисков все-таки будет всегда ценным»).

Таким образом, история для П. П. Бажова имеет, в сущности, две ипостаси, которые он довольно четко различает. Одна из них является объектом для пристального внимания, изучения, усиленного вклада в качестве исследователя или же очевидца, чьи свидетельства могут быть полезными другим исследователям. Другая ипостась – это один из источников творческих, художественных исканий писателя, работа с которым, с одной стороны, была для него залогом актуальности для современников и потомков, с другой же стороны, требовала именно «своего», другого, нового взгляда, поворота материала, без чего творчество, по Бажову, и не может называться творчеством. Неслучайно писатель, пораженный профессиональных историков своей эрудированностью и имевший большой авторитет среди них, сделавший немало для развития исторической науки в уральском университете²¹⁷, последовательно отвергает звание историка²¹⁸, понимая, что его отношение к истории принципиально отличается от сугубо научного метода.

²¹⁷ См.: Горловский М. Встречи П. П. Бажова с историками Урала // Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове / сост. В. А. Стариков. М.: Советский писатель, 1978. С. 552–559.

²¹⁸ Ср.: «...наблюдения [мои] беспорядочны, бессистемны, никак не направлены и, главное, не закончены. Ни одно из этих наблюдений не смогу обосновать, как должно...». (из «Выступления на 1-й научной конференции по истории Екатеринбурга–Свердловска»). Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. С. 67.

Творческий, во многом критический подход к историческим материалам и работам, а порой и к современной писателю науке в целом, на наш взгляд, сыграл важную роль в обращении П. П. Бажова к фольклору, о котором пойдет речь в следующем разделе.

2.1.2 Проблемы фольклорных источников литературного творчества

О значении и особенностях фольклорных изысканий П. П. Бажова, о фольклоризме его произведений, о его вкладе в становление фольклористики на Урале, о причинах столь тесной связи с фольклором практически на протяжении всей жизни – обо всем этом написано большое, труднообозримое количество работ. В любом крупном исследовании о творчестве писателя так или иначе задета проблема фольклорных истоков и источников, соотношения авторского и фольклорного в текстах П. П. Бажова. Причин для этого действительно много, однако, на наш взгляд, коренным следует считать тот факт, что сам писатель систематически ссылался на устное народное творчество как на мощную основу его сказовой прозы, зачастую чрезвычайно занижая значение собственного авторского начала. Оказав, таким образом, влияние как на своих первых исследователей, так и на многих последующих, Бажов, по сути, порождает сильнейшую традицию, в рамках которой фольклор априори становится неотъемлемым элементом концепций творчества писателя.

Своеобразной кульминацией такого подхода можно рассматривать работу В. В. Блажеса «П. П. Бажов и рабочий фольклор»²¹⁹, наиболее убедительную концепцию, выстраивающую генезис поэтики сказов как творческое осмысление Бажовым фольклора горнозаводского Урала. Исследователь опирается на обширный

²¹⁹ Блажес В. В. П. П. Бажов и рабочий фольклор: учебное пособие по спецкурсу для студентов филологического факультета. Свердловск: Изд-во Уральского государственного университета, 1982. 104 с.

фольклорный материал, тщательно анализирует тексты сказов, но решающим, на наш взгляд, становится анализ многочисленных высказываний писателя о природе устного народного творчества, приемах его собирания, специфике рабочего фольклора на Урале.

Однако стоит заметить, что источниками суждений Бажова для Блажеса являются выступления писателя на конференциях и статьи фольклорной тематики, а также свидетельства современников (К. В. Рождественской, Л. И. Скорино, Б. С. Рябинина и др.), которые имели привычку записывать свои беседы с Бажовым. Размышления о фольклоре, дошедшие до нас благодаря сохранившимся письмам, исследователь использует в гораздо меньшей степени. Этот факт позволяет предположить, что анализ эпистолярного дискурса Бажова, посвященный его трактовке фольклора и фольклористики, может быть полезен, несмотря на внушительный объем и авторитет уже написанного по этому вопросу.

Нужно признать, что логика В. В. Блажеса и других исследователей, не уделяющих много внимания эпистолярным размышлениям писателя о фольклоре, вполне объяснима – публичные высказывания Бажова по вопросам народного творчества чрезвычайно схожи с тем, как писатель рассуждает о них же в письмах. Статьи «О путях к чудесному», «Собирание уральского рабочего фольклора», «На главную улицу народного творчества», доклады «Народная история Урала», «Несколько замечаний об особенностях уральского сказа», беседа с М. А. Батиным в августе 1950г. (записанная и опубликованная ученым)²²⁰ формулируют взгляды и оценки Бажова, которые просматриваются и в его письмах самым разным адресатам.

В связи со сказанным, анализ писем на предмет некой системы взглядов писателя на фольклор неизбежно приведет к повторам уже неоднократно написанного другими исследователями. Более продуктивной, притом ранее не предпринимавшейся (во всяком случае, на материале писем), представляется попытка вписать понимание Бажовым данной проблемы в более общую эстетическую си-

²²⁰ См.: Бажов П. П. Статьи, выступления, беседы // Публицистика. Письма. Дневники. С. 31–130.

стему, реализованную в письмах же. Иными словами, в рамках проблемно-структурного анализа эпистолярного наследия фольклорная проблематика интересна прежде всего своими связями с тем комплексом явлений и понятий, который составлял феномен литературы для Бажова.

Прежде всего, эпистолярные материалы позволяют говорить о том, что Бажов совершенно определенно разграничивает для себя явление устного народного творчества как явление общекультурного порядка с одной стороны, и как элемент собственной творческой системы – с другой. Все размышления, касающиеся фольклора, в его письмах довольно четко распадаются на две группы.

Первая – это группа высказываний, связанная с деятельностью Бажова-исследователя, в которой он реализуется как опытный собиратель, теоретик, организатор научно-исследовательских инициатив по изучению фольклора, и общественный деятель, всеми средствами доносящий до широкой публики понимание фольклора рабочих горнозаводского Урала как явления с мощнейшим культурным потенциалом.

Показательным представляется письмо пионерской дружине г. Нижние Серьги, написанное Бажовым в рамках переписки с многочисленными читателями, в котором писатель по собственной инициативе переключает акценты:

«...Мне очень приятно было узнать, что Ваша дружина ознакомилась с уральскими сказами. Но это дело, мне кажется, надо и можно увеличить собиранием таких же сказов и преданий по своему району.

У Вас в районе, например, есть гора Шелом. Знаете, наверно? А спрашивали ли, почему она так называется? Какие предания и рассказы связаны с этой горой? Разве не интересно все это собрать, записать? Или вот береговые скалы в верховьях речки Серьги. Они, наверно, тоже имеют интересные названия, и с каждой, может быть, связан какой-нибудь рассказ. Обо всем этом надо расспрашивать стариков. Не смущайтесь тем, что ответы могут получаться разные и не всегда похожие на рассказ. Так часто бывает. Надо записывать все, что говорят, а потом уж само собой произойдет отбор. <...>

Еще раз напоминаю, не смущайтесь тем, что не сразу будут получаться занимательные вещи. Это придет потом, а пока надо заботиться о другом, чтоб как можно больше сделать записей. Я вот говорил Вам о горе Шелом и береговых скалах речки Серьги, но это вовсе не обязательно. Если рассказывают о другом, то это и записывайте. Причем всегда отмечайте от кого слышали (имя, отчество, фамилия, возраст, занятие). Это называется паспортизацией записи. Такая паспортизация очень нужна. Она помогает собрать людей для дополнительной беседы, где, помогая один другому, а иногда и жестоко споря друг с другом, припоминают многое, о чем раньше не говорили. В результате и начинают получаться такие предания и сказы, которые уже можно печатать...» [в Нижнесергинскую школу №2; февраль 1946; НВФ 7501/2 Л.1–2].

Письмо интересно прежде всего сочетанием, совмещением интересов как чисто научных (например, фрагмент о паспортизации, методологические указания об организации бесед со стариками), так и просветительских (научные принципы излагаются простым, доступным даже для детей языком), и, пожалуй, шире – культуртрегерских (ребята вовлекаются в работу не для себя – результаты имеют шанс быть напечатанными, иметь общественное значение).

Любопытным поворотом темы может послужить другое письмо со схожей коммуникативной ситуацией (Бажов пишет участникам школьного исторического кружка г. Полевской). В нем обсуждаются проблемы иного, исторического порядка – писатель советует, к каким источникам следует обращаться при изучении прошлого Полевского района: «...кое-что можно найти в «Горном журнале» за многие годы. Не следует также пренебрегать церковными источниками. Ведь знаете, что было время, когда только записи церковников и могли остаться. Конечно, к ним надо относиться с большой осторожностью. Факты там освещались со своей точки зрения, но все-таки это факты, которые можно объяснить и по-другому.

Самое же главное заключается в том, что еще до сих пор хранится в заводских преданиях. Эти предания надо продолжать, собирать и записывать [курсив наш]. Наверно, вы читаете газету «На смену» и видели там небольшие

рассказы тов. Тельканова²²¹, которые он совсем недавно записал со слов горщиков Мурзинского района. Если Вы постараетесь порасспросить стариков, то тоже сумеете найти немало ценного.

Не забывайте, что Ваш район и особенно старый рудник имеют [в] свою очередь интересную и большую историю. <...> даже мелкие детали по истории рудника и завода имеют большую ценность. Только надо брать это дело не в отрыве, а в том сочетании, которое имелось прежде. Иногда вопрос, имеющий большое значение для Полевского завода решался в Сысерти. Не безразличны были также и другие селения, входящие в состав Сысертского горного округа...» [Ю. Чистякову; 2.06.1944; НВФ 6960 Л.2].

Данное письмо можно воспринимать как очередное доказательство убежденности Бажова в значимости заводского фольклора в качестве исторического источника. Однако не менее интересна принципиальная целостность исследовательского дискурса писателя: книжные, архивные и фольклорные источники могут браться только в комплексе, причем с учетом контекста эпохи (здесь – административные особенности Сысертского горного округа). Стоит подчеркнуть и, так скажем, демократический характер взглядов Бажова: история края, собирание свидетельств народной памяти, архивные изыскания – задача не избранных, а каждого члена общества, и, к примеру, возможности школьников существенно не отличаются от возможностей профессиональных литераторов.

В целом, наиболее характерными чертами исследовательского осмысления фольклора Бажовым является одновременно и широта взгляда, и пристальное внимание к деталям, вдумчивость в каждом конкретном случае.

«И какая все-таки это изумительная вещь, этот фольклор. Ведь Ваша небольшая книжечка дает больше, чем иное фундаментальное исследование. Не просто через эти сказки видишь жизнь, и начинаешь ее ощущать. Жаль, что многие этого не понимают» [Д. Д. Нагишкину; 30.02.1945; НВФ 6971 Л.1], – пишет он Д. Д. Нагишкину, прозаику, работавшему на материале дальневосточного фольк-

²²¹ Тельканов С. А. – писатель, журналист.

лора. Для Бажова народное творчество – явление общекультурного порядка, в котором наравне с чисто эстетическими, литературными достоинствами скрыт невероятный познавательный, просветительский заряд. В сущности, Бажов оперирует понятием культурной памяти, в котором фольклору он отводит одну из основных ролей. Именно фольклор способен сохранить бесценное многообразие национальных культур и исторических эпох.

Так, по поводу одной из фольклорных записей Бажов пишет Е. А. Пермяку: «Запись Ступина, по моему, превосходна. Именно так с *полной игрой светотеней и надо записывать о прошлом* [курсив наш – Г. Г.]. Согласен с Вашей оценкой “Былей горы Высокой”. Там Злыгостев да и остальные немало поработали, чтоб повернуть все в сторону беспросветного мрака» [Е. А. Пермяку; 20.01.1946; НВФ 5108 Л.91].

А об историческом сюжете открытия гороблагодатского месторождения мансийским охотником Чумпиным рассуждает: «О Чумпине написано очень много. Не случайно же памятник был поставлен. Многие около этого памятника “словесную вязь сплетали”. Но именно вязь, в которой не чувствовалось ни одной национальной черточки. Значит, не та вязь. Распознать это просто, а предложить что-нибудь взамен гораздо труднее. Верней сказать, вовсе не под силу, т.к. у меня нет даже поверхностного знакомства с фольклорными образами и стилевыми особенностями в их передаче у манси» [Е. А. Пермяку; 3.01.1946; НВФ 5108 Л.78]. И, как видно, фольклор для него является едва ли не единственным источником наиболее существенных, глубинных процессов, скрытых в этом сюжете.

«Каждый вид национального фольклора неизменно имеет что-то свое, отличающее его от других видов фольклора» [В. А. Ильину; 25.09.1946; НВФ 7495/3 Л.2], – убежден писатель. И в письме к В. Т. Кучерявенко, размышляя о национальных жанровых особенностях фольклора, возвращается к этому: «Жаль, что наши современные фольклористы не пытаются внести в литературу новые названия, а упорно стараются втиснуть все многообразие народного творчества в готовые группы. Вероятно, у ненцев, нанайцев, якутов, как у манси и хантов есть свои

названия устного творчества, которые можно перевести и не теми словами, к каким мы приучены. Поиски этого требуют, конечно, большой строгости, но обещают и отличные находки» [В. Т. Кучерявенко; 3.06.1947; НВФ 6967 Л.2].

Стоит подчеркнуть и мотив «большой строгости» – любые выводы и обобщения, основанные на фольклоре, возможны лишь при внимательном, критическом подходе к явлению с максимально широким языковым, историческим, бытовым контекстом.

«Вообще, на мой взгляд, запись национального фольклора без совершенного знания языка – дело невозможное. Лучше искать кадры для такого рода работы из тех манси, которые имели возможность получить настоящее образование в русской школе» [Х. Д. Ракитскому; 30.05.1946; НВФ 6957 Л.10], – советует Бажов собирателям фольклора манси, обратившихся к нему за рекомендациями²²².

В другом случае, критикуя литературную обработку мансийской сказки, пишет: «Было бы лучше, если бы точно записали то, что рассказывают о ЧОЧКЕ. Он, видимо, считается основным марийским героем фольклора и не надо сводить его с Айлыпом и вводить подробности о дочери Полоза и пр. Зачем марийцам Полоз, когда они в своей исторической жизни никогда золотоискательством не занимались. У них должны быть другие герои, другие фантастические существа. Так мне кажется, но не уверен, т.к. марийского фольклора не знаю» [В. А. Ильину; 25.09.1946; НВФ 7495/3 Л.2].

Таким образом, собрание, изучение, публикация, литературные интерпретации фольклора расцениваются П. П. Бажовым в первую очередь как задачи самого широкого, общекультурного масштаба. Именно в фольклоре он видит огромные, но лишь частично используемые ресурсы культурной памяти человека, способные обогатить его духовную жизнь, определить дальнейшее духовное развитие.

²²² Характерно, что в первую очередь Бажов замечает: «Давать заключение по этой работе считаю себя не в праве, т.к. сам никогда не занимался этой разновидностью фольклора. Из писательской группы Свердловской области тоже не знаю никого, кто бы занимался этим. Единственным выходом мне кажется пересылка рукописи в филфак Госуниверситета» [Там же, Л.9].

Однако большие задачи подразумевают и большую ответственность. При демократической убежденности, что каждый может поспособствовать реализации культурного потенциала фольклора, Бажов нисколько не снижает требований строгого и многомерного научного подхода к подобным работам. Т.к. он уверен, что только сложная, многогранная и многослойная система исторических и этнографических, экономических и социологических знаний, в которую будет включен критически осмысленный фольклорный пласт, может быть по-настоящему ценна и полезна подлинно культурному и развитому обществу. На наш взгляд, становлению именно такого общества были посвящены, в конечном счете, все усилия писателя.

Вторая группа интересующего нас материала представляет собой высказывания П. П. Бажова, в которых писатель определяет место фольклора в собственной творческой практике. И стоит заметить, что в этом вопросе Бажов довольно последовательно и настоятельно относит себя к обработчикам фольклора.

Примеров такого рода автохарактеристик найдется немало. Так, в письме к начинающему писателю Бажов отмечает: «Ведь я занимаюсь только обработкой фольклорного материала. Правда, состою членом Писательского Союза и даже веду организаторскую работу, но подлинным писателем, в высоком смысле этого слова, то есть человеком, который художественными средствами решает важнейшие проблемы жизни, считать себя не могу» [В. Г. Лымарю; 7.10.1946; НВФ 6950 Л.20].

К одному из читателей обращается: «У Вас, вижу, создалось неправильное мнение о моей литературно-фольклорной работе. Никакого полного собрания моих сочинений нет и не может быть, т.к., в сущности, пишу одну книгу, которая с годами несколько увеличивается в объеме» [В. В. Трапезникову; 5.02.1947; НВФ 6962 Л.2].

Реагируя на просьбу редакции московского журнала «Молодой колхозник» дать сказ для публикации, ссылается на отсутствие материала подходящей тема-

тики и замечает: «При этом прошу учесть зависимость моих работ от фольклорного материала. Любому писателю легче принять заказ на ту или другую тему, а мне приходится считаться с фольклорным материалом, какой имеется в распоряжении» [редактору журнала «Молодой колхозник»; 2.10.1946; КП 23247 Л.1].

Безусловно, наиболее ярко эта позиция прослеживается в переписке с Л. И. Скорино, где он неоднократно возвращается к подобным рассуждениям: «изучаемый вами объект, как осенний листок, совершенно беспомощен, оторвавшись от дерева-фольклора» [27.10.1945; КП 21328 Л.1]; «Я пытался неоднократно убедить, что правильней считать меня фольклористом, в известной степени владеющим литературными данными, Вы изображаете меня литературным мастером, опирающимся в своем творчестве на фольклор» [25.12.1946; КП 21331 Л.1]; «Как фольклорист, работающий на готовом материале, имею немало и такого, который другим мог бы разрешиться в плане "вечных вопросов", но я этого сделать не могу потому, что всякая заумь меня отталкивает» [Там же, Л.2].

Самое пространное высказывание по этому вопросу с характерной для Бажова образностью возникает в переписке в связи с выходом московского издания повести «Зеленая кобылка», которую автор счел непонятой критиками: «Я понимаю, что позиция на Фу-фу (фольклор и только фольклор) в данном случае никуда не годится, но и Вашему туфу (творчество крупным шрифтом и фольклор мелконько) нельзя верить. Спросите у любого геолога или строителя, всяк скажет, что туф – порода ненадежная. Ведь это – окаменевший пепел, отвердевшая земля, мергель²²³, который по-народному зовется рухляком. Ничего путного на рухляке строить нельзя. То ли дело мой фут (фольклор и творчество). Не спорю, мера несколько старомодная, но вполне верная. Сведующие люди без запинки скажут, где хранится эталон этой меры и в каком он состоянии. Таблицы перевода в метры тоже есть. Чего Вам еще? А главное, все это так и есть. Вне фольклора Ваш объект – пыль, прах, мираж, созданный Вами на пустом месте. “Зеленая кобылка” тому явственный знак».

²²³ Смесь известняка с глиной, употребляемая для удобрения земли.

Стоит заметить и то, что эта мысль, в многократных вариантах повторяемая в середине 1940-х годов, не покидает Бажова и позднее. В 1949 году М. А. Батину писатель, признавая распространенность грубых, фривольных вариантов горнорабочего сказа, пишет: «Мест для углубления в сказах очень много, но и ребятам “с худыми словами” не рассказывали. Это, разумеется, показатель, что литературный текст не представлял какой-нибудь особой трудности, и автору по этому пункту не следует приписывать особых заслуг. Очень это легко дается» [М. А. Батину; 20.11.1949; НВФ 6965 Л.6].

Таким образом, понимание своей писательской деятельности как «литературной передачи фольклора», своей работы как работы «на основе фольклора» и даже работы «на готовом материале» проговаривается Бажовым систематически, обдуманно и сознательно. Однако можно заметить и тот факт, что эти суждения появляются прежде всего в письмах более или менее публичного характера (письмах читателям, издателям, критикам)²²⁴. Как мы показывали на примере переписки с Л. И. Скорино, письма Бажова корректно интерпретируются лишь при внимательном учете затекстовой ситуации, в которой они пишутся. Поэтому в подобных высказываниях, на наш взгляд, не стоит недооценивать определенный публицистический заряд эпистолярного дискурса писателя. Исследовательские и просветительские интенции занимают существенное место и в более интимных письмах (дружеских, письмах родственникам), тем более в переписке сугубо делового характера, при уровне популярности писателя неизбежно приобретающей общественную значимость, а соответственно и предполагающей некий общественный резонанс. Исходя из этого, правомерно предположить, что отводя первостепенную роль фольклорному материалу в своем творчестве, П. П. Бажов выполнял прежде всего задачу общекультурного порядка – привлечь внимание к ценнейшему, но плохо изученному, по его мнению, феномену фольклора.

Вполне предсказуемо, что задачи объективной оценки собственных литературных способностей, литературоведческого исследования индивидуального ху-

²²⁴ Характерно, что, например, в дружеской переписке с Е. А. Пермяком такие размышления отсутствуют.

дожественного метода для Бажова имеют гораздо меньшую ценность, и попыткам помочь решению этих задач он уделяет крайне мало внимания.

И действительно, эпистолярные фрагменты, вскрывающие какие-то конкретные приемы работы писателя с фольклором, встречаются редко. По большому счету, «раскошелился» Бажов только для Л. И. Скорино. В одном из писем к исследователю он, отвечая на вопросы о своем творческом процессе, выстраивает следующую логику: «...должен сознаться, что иной раз сказочный образ вызывает аналогии, антитезы, параллели и тянет за собой, конечно, в пределах занимающих тебя идей. Одно несомненно, - *образ у меня не возникает из пустоты, из нета, от письменного стола, а берется, подыскивается, подбирается из фольклора* [здесь и далее курсив наш – Г. Г.]. И в этом, если хотите, и сила образа. Это Вам не метафора, не изящество виляний, а корень. Поверьте, - самая блестящая выдумка – пустяк по сравнению с тем безымянным творчеством, которое называется народным. Чувствую, что это Вам не совсем по пути, но иначе не могу. <...>

По вопросу о детали не ясно понял. Думаю, что без живой детали не выйдет живого ни в реальности, ни в фантастике. *У меня, например, есть кой-какие запасы по башкирскому фольклору, но я их не пускаю в дело именно потому, что чувствую себя слабым в отношении бытовых деталей для этого рода запасов.* <...>

По поводу выписок из своей картотеки²²⁵ должен напомнить, что я очень скуп, но для своего исследователя, конечно, вынужден раскошелиться... хотя бы из тех, которыми не рассчитываю воспользоваться. Видите, какой щедрый!

Записи эти иногда сводятся к одной-двум строкам, иногда довольно обширны. Вот образец коротенькой:

“Девка Азовка печки затопила”. И только. Остальное предполагается в памяти. Речение бытует и понятно в районе Полевского завода. Низкая облачность, как бы начинается из середины хорошо видимой из завода горы Азов. Такая низкая облачность считается признаком затяжного ненастья. От этих печей в горе, разу-

²²⁵ Очевидно, имеется ввиду личный архив Бажова, не раз упоминающийся в письмах, в котором содержался самый разнородный материал как фольклорного, так и исторического порядка.

меется, можно танцевать, и полевские старики ведут занятный танец, но мне он уже не нужен после сказа “Дорогое имячко” и естественно, что я эти дополнительные разговоры забыл.

Вот другая запись. <...>

Сказание относится к эпохе великанов. Краткое содержание: благочестивый бай (не только совершал все указанные законом омовения и посты, но даже не взял себе молодой жены, когда первая стала стариться) имел не менее благочестивого сына. Сына этого женили на богатой и хорошей девушке, но счастье семьи было нарушено сварой между свекровью и невесткой. Старый бай не смог уладить эту бытовую неурядицу и ушел куда-то в пустыню. Не справился и молодой бай. Тоже сбежал. Оставленные женщины подняли такой крик, что аллах разгневался и топнул ногой на сварливых баб. Бабы окаменели, а на том месте, где топнул Аллах, образовалось озеро.

Сказание, как видите, забавное, но только я бы заставил Аллаха выплеснуть на женщин ведро воды и назвал бы сказ “Небесное ведро”»[Л. И. Скорино; 18.09.1945; КП 21327 Л.1].

Анализируя этот фрагмент, можно увидеть элементы действительной картины работы писателя с фольклорным материалом. С одной стороны, конечно, очевидно, что «зависимость» от фольклора как от «готового материала» в существенной степени условна – Бажов готов идти на изменение сюжета (в случае с историей о благочестивом бае); наличие фольклорного материала той или иной проблематики совершенно не означает возможности приступить к созданию произведения (башкирский фольклор не используется им из-за недостатка других необходимых сведений, в данном случае, этнографических).

Все-таки и в приведенной цитате очевидно абсолютно искреннее восхищение художественной силой фольклорной образности («Поверьте, – самая блестящая выдумка – пустяк по сравнению с тем безымянным творчеством, которое называется народным»). И нужно признать, что декларируемая писателем «беспомощность» в отрыве от фольклорных источников является хоть и в известной

степени полемически заостренной, но в действительности выводит на вполне убедительную логику Бажова: яркие и емкие образы, составляющие внушительную долю успеха «Малахитовой шкатулки», не являются интеллектуальной собственностью, «выдумкой» писателя, это народное, коллективное творчество, в созидаании которого автор имеет право участвовать, но которое не имеет право присваивать полностью.

Вообще для Бажова характерно именно такое восприятие фольклора – как творчество хоть и специфического, но все же конкретного автора, обладающего определенным мировоззрением и мироощущением, имеющего свой набор поэтических и сюжетных приемов²²⁶. И, очевидно, наибольшее восхищение у него вызывает совершенно оригинальная образность народного творчества. На образы, возникающие в процессе коллективного осмысления действительности, он обращает внимание в первую очередь.

В письме к Е. А. Пермяку, рассказывая о поездке в Манчажский район («По существу, чудеснейший осколок народа, сохранившийся в окружении русского и башкирского населения»), размышляет о возможностях использования того материала, с которым столкнулся: «По подстрочникам только не поймешь марийский фольклор и по трем-пяти книгам не станешь в курсе особенностей края <...> Эти старые марийские боги, между прочим, имеют какое-то сходство с “Хозяйкой горы”, в них также теряются грани мрачного и веселого» [Е. А. Пермяку; 9.01.1946; НВФ 5108 Л.78].

Заинтересовавшись предложением Совинформбюро написать что-нибудь, связанное с Балканским полуостровом, пишет Л. И. Скорино: «А что Вы думаете, это, пожалуй, находка: при одинаковости геологической структуры и какой-то общности национального характера могут быть очень интересные сплетения образов. Всерьез, нет ли у Вас под руками или дальше книг по фольклору Чехии и Югославии?» [Л. И. Скорино; 30.05.1947; КП 21335 Л.3].

²²⁶ В очерках «У старого рудника», некоторых главах «Уральских былей» и докладах по фольклорной проблематике Бажов дает вполне развернутую характеристику этой поэтике (подробнее см.: В. В. Блажес «П. П. Бажов и рабочий фольклор»).

Таким образом, наиболее близким к действительности, по нашему мнению, будет следующая логика, соединяющая бажовское понимание фольклора, литературы и собственного творчества. Народ как создатель фольклора для писателя является, по сути, соавтором – из него он черпает потрясающей глубины образы. Тогда как своей литературной задачей он видит, с одной стороны, передачу, сохранение этой глубины и в то же время актуализацию, обращение увиденной им художественной мощи на проблемы современности.

Невозможно игнорировать и чисто исследовательские интенции, проявленные в письмах (как и в жизни) писателя. Бажов в состоянии довольно четко различать, где фольклор является *объектом* изучения, а где фольклор становится практически *субъектом* литературного процесса посредством творческих литературных интерпретаций²²⁷. Но, как кажется, для уяснения всей специфики эстетических воззрений Бажова необходимо понять, что научные и творческие интересы писателя находятся во взаимосплетении. Так мы вновь сталкиваемся с неизбежностью выхода в более широкий контекст культуры в целом, который для него был связан, в свою очередь, как с общественной ипостасью человеческой жизни, так и с неразрывным единством ее временной перспективы, органической связью прошлого и современности. Категория культурной памяти общества, не названная напрямую, по нашему мнению, пронизывает эпистолярный дискурс Бажова, организуя единство всей эстетической системы.

И все же нужно сказать, что при столь широкой перспективе мышления писатель не теряет стремления к конкретности, детальности, полноте и наполненности в осмыслении каждой грани феномена литературы. В данном разделе мы сосредоточили внимание на том, что, по Бажову, должно предшествовать любой творческой литературной работе. В следующем разделе попытаемся разобраться, из чего складывается уже непосредственно творческий процесс.

²²⁷ Показателен фрагмент письма к начинающему писателю-фольклористу: «Исключительно плоха сказка “Алмазное слово”, как грубо сделанная попытка приблизить *неизученный еще* фольклор к вопросам современности» [Х. Д. Ракитскому; 30.05.1946; НВФ 6957 Л.10].

2.1.3 Языковая стихия творческого процесса

В истории изучения творчества П. П. Бажова можно выделить несколько вопросов, которые возникли уже у первых его исследователей, но вызывают зачастую диаметрально противоположные ответы и мнения до сих пор. Причины столь позднего и столь стремительного творческого расцвета, принадлежность сказовой прозы к тому или иному литературному направлению или методу, характер совмещения фольклорного и индивидуального начала в художественном феномене «Малахитовой шкатулки», попытки выявить целостность всего творческого пути писателя – несмотря на внушительные успехи бажоведения, эти, казалось бы, фундаментальные проблемы остаются без однозначного и даже без какого-либо общеупотребительного решения. В связи с этим каждый исследователь либо выносит эти вопросы «за скобки» своих рассуждений, либо отдает, в сущности, субъективный приоритет той или иной позиции. На наш взгляд, это довольно пагубно влияет на такой важный аспект научного знания, как некая накопительность, встроенность в общее движение мысли каждого обоснованного высказывания – интересные, продуктивные суждения одного специалиста оказываются не востребуемыми другими лишь по причине коренных, притом не слишком рациональных, разногласий между ними.

Однако наряду с этим существуют и такие положения, касающиеся творческого феномена автора уральских сказов, которые вызывают единогласную поддержку в научном сообществе. И в первую очередь это, безусловно, касается оценки языка сказовых текстов. По мнению абсолютного большинства специалистов (да и читателей), язык сказов Бажова – это уникальное достижение писателя, бесспорно входящее в «золотой фонд» русской словесности. Секретам работы Бажова со словом посвящены сотни страниц самых разнообразных исследований, которые, впрочем, чаще всего лишь убеждают в чрезвычайной сложности вопроса, демонстрируя, как анализ своеобразия одного аспекта бажовского текста неизбежно требует анализа множества других.

Обращаясь к эпистолярным материалам, стоит заметить, что «напряженность» вопросов языка в исследовательском дискурсе вполне сопоставима с пристальным вниманием к нему в эпистолярном дискурсе самого писателя. Языку как эстетическому явлению в письмах Бажова посвящено немало строк, отличающихся чрезвычайной эмоциональностью и, вместе с тем, обнаруживающих очень интенсивную работу по его осмыслению.

Эмоциональность, свойственную Бажову при разговоре о языке, речи действительно легко заметить. Например, вспоминая о своей работе в «Крестьянской газете» с письмами читателей, он совершенно не сдерживается: «Поток писем тогда мог измеряться тоннами, а диапазон — от «терпения козы» (целую зиму прожила зарытой в стог сена) до международных проблем в понимании деревенского малограмотного человека. Какие ситуации, сколько материала для самых неожиданных поворотов, а язык! О! Это то самое, что только в молодости присниться может. Я уже об этом писал восторженную страницу в «Краеведческих истоках», да разве это выразишь. Каким надо быть сухарем и чурбаном, чтоб не испытать воздействия этой первозданной красоты» [Л. И. Скорино; 20.09.1944; КП 21322 Л.8].

В этом же письме, чуть ниже отвечая на вопрос Л. И. Скорино о знании других языков («Придерживаюсь здесь требований анкет записывать лишь тот язык, на котором свободно говоришь, читаешь и пишешь»), довольно неожиданно раздражается следующим фрагментом: «Я, конечно, говорю с запинками, читаю через очки, усиленные лупой, пишу, — ох, как не свободно, — но это не останавливает меня в графе о знании языков с разгонкой писать р у с с к и й. Это, понятно, лишь условность: нельзя же сказать никакой, коли тебя все-таки понимают.

Уж очень огромен наш язык, и каждый из нас перед ним козявка козявкой. Можно восторгаться обилием слов, удивляться своеобразным ходам приставок, тонкой игре глагольных суффиксов и т. д., но знать... Сказать по секрету, едва ли даже Академия наук может это сказать про себя. По крайней мере по академическому словарю этого не видно. Довольно часто там и двойное ударение и двойное

окончание, дескать, так и сяк, и разночтение без настойчивого указания, что же правильно. А сколько всякого рода не решенного. Почему депо ходит иностранцем, а деповских рабочих считаем коренными русаками. К пальто не прикасайся, а его производное пальтишко, пальтушка резвятся по всем падежам наравне с зипунишком и кофточкой. И ничего, - будто так и надо. А бесконечное количество случаев, когда историческое написание не сходится с бытовым. Да и мало ли всего. Вот и утверждай, что ты знаешь свой язык» [Там же, Л.9].

Стоит заметить, что процитированный фрагмент хорошо иллюстрирует и другую особенность размышлений Бажова о языке – рядом с восторженным признанием его величия всегда стоит стремление и к аналитике, если не к научной, то во всяком случае рациональной попытке уяснить природу этого величия. Писатель не выглядит «беспомощным» поклонником – для него язык является, с одной стороны, действительно стихийным явлением, но с другой стороны, очевидно, что мощь этой стихии им глубоко продумана, прочувствована.

Не случайно, что любимый писатель, А. П. Чехов, осмыслиется именно в таких категориях. Реагируя на рассуждения Скорино о степени близости своего творчества к творчеству других писателей, Бажов пишет: «Ну, ваш объект и Лесков – это еще стерпеть можно, как разновидность старой темы Муска эт таурус²²⁸, но Чехова приплетать даже в самой завуалированной связи – это, извините, кощунство, святотатство, литературное неприличие. Чехов для меня фигура несоизмеримая, почти стихийная. Порой кажется, что он многое делал по наитию. Присел вот к столу на часок, на два – и написал “шуточку”, заключив в этой капельке самый сложный вопрос человеческих взаимоотношений. Ведь у Куприна, даже у Бунина все-таки можно узнать, как это делалось, а у Чехова, особенно до его “хмурого периода” никаких концов не видно. Что это? Высшая степень искусства или то, что зовется наитием? Отвергаете такой термин? Ну, ваше дело, а оно все-таки у Чехова было. Кажется, что многое у него отливалось в совершеннейшие формы без предварительной кропотливой формовочной работы и не требовало последу-

²²⁸ лат. Taurus et Musca – бык и мышь.

ющей чеканки. Недаром же он в минуту смерти сказал два немецких слова. Самые противные слова на самом омерзительном для себя языке. Попробуйте придумать что-нибудь более выразительное, и Вы убедитесь, что это как раз та самородная отливка, та натурная огранка, совершеннее которых не представишь. Так что Вы не шутите около этого имени. Мне вон не нравится даже издание писем А. П. Чехова. Там много блеску, немало всяких литературоведческих ключей и отмычек, но это все-же как-то приземляет его, придает ему черты просто мастера высшего разряда, а мне этого не хочется. Для меня он несоизмерим, несравним, почти стихийен» [Л. И. Скорино; 27.10.1945; КП 21328 Л.2].

Сколь ни парадоксально для профессионального литератора с достаточной образованностью и начитанностью порой сознательно избегать рационалистического анализа высоких художественных достижений, все же в случае с Бажовым это представляется программным.

Об аналитических способностях писателя и даже некой «привычности», определенной склонности к аналитическому способу мышления свидетельствует немало отрывков из писем. По поводу того же Чехова он может быть намного более рассудителен, рационалистичен: «Протоиерей Змиежалов, дьячок Вонмигласов, акцизник Почечуев, корреспондент Оптимахов — все это для людей нашего поколения уже портреты. Знаешь, что это сделано. Для корреспондента нарочито придумана фамилия – сплав из латинского слова *optimo* и русского — махать, для акцизника подобрана из старого медицинского учебника, где геморрой назывался почечуем (у литературоведов и бухгалтеров начинается раньше, чем у представителей других профессий). Фамилии Змиежалов и Вонмигласов откровенно шаржированы, но когда ты знаешь о “жале змия” в соответствующем контексте и когда ты слышал уныло-ленивую голосянку “вонми гласу моленья моего”, тебе кажется это шаржирование тем сгустком обобщения, дальше которого идти невозможно» [Л. И. Скорино; 20.09.1944; КП 21322 Л.5].

Неравнодушен писатель и к вопросам непосредственно языкознания. Одному из своих редакторов Бажов пишет: «Из посланного Вами словарика меня

больше всего удивил таловый куст. Как-то никогда не думал, что эти слова могут быть непонятны. Такова сила окружения. У нас здесь слова тальник, талина, чернотал, краснотал, желтотал общеупотребительны настолько, что забываешь о других названиях ботанической группы *salix*. Попутно возникает вопрос, нет ли здесь элементов башкиризации языка, т.к. образования в роде краенотала, несомненно, носят характер русских, но *talıq* и *talınə* совпадают с башкирскими. Тоже и со словами ‘без гач’²²⁹. Объяснение взял по Далю, но у самого осталось сомнение, - может быть, это своеобразная, свойственная нашему языку переработка башкирских *qasız, qasız buı* = бессильный, слабый, не быть в состоянии, изнемогать. Интересно ведь это? Следовало бы порыться или не стоит?» [И. М. Резниковой; 1944-1945; КП 23245 Л.1–2].

К языку того или иного писателя Бажов далеко не всегда склонен относиться «без разбора», даже если тот вызывает у него положительную оценку: «...покойный Всеволод Владимирович [Лебедев] серьезно и глубоко интересовался вопросами языка и очень серьезно работал над этим во время своих уральских поездок и походов. <...> Если в его книжке “Товарищи” еще заметен уклон к словесному изыску, к языковому фокусу, то в последней его работе “Заводы” совершенно явственно выступает на первое место та красота языковой простоты, которая дается не без труда. Может быть, это последнее произведение мне ближе потому, что в нем узнаю много бисеринок, которые в записной книжке привозил Вс. Вл. из своих экскурсий» [Л. И. Скорино; 21.01.1944; КП 21321 Л.4].

О творчестве Н. С. Лескова Бажов пишет уважительно, определяя такие произведения, как, например, «Соборяне», «Несмертельный Голован», «Очарованный странник», «Тупейный художник» как «блещущие выдумкой и словесной игрой, при их жизненной правдивости». Однако замечает: «”Огорчительный плакон”, “краеграние”, “подвод дела под красный святительский хер” и т.д. кажется мне большим словесным переигрыванием, порой сближающим Лескова с Горбуновым, который на потеху публики нарочито преувеличивал речевые и фонетиче-

²²⁹ Без гач - без ног, не владеет ногами; из сказа «Жабреев ходок»: «...кто в ту ночь вовсе без гач пьяный лежал».

ские неправильности и выискивал *rarite personnelle*²³⁰, чтоб посмешнее» [Л. И. Скорино; 20.09.1944; КП 21322 Л.2]. В письме к Е. А. Пермяку Бажов несколько иначе, но близко по смыслу сформулирует свою оценку лесковских сказовых текстов: «Область отбора тысячной детали и фразеологических фокусов. Словом, та филигранная работа, которая из сочетания простых дырок дает чудесный узор, попадающий иногда в кладовые искусства» [Е. А. Пермяку; 14.04.1944; НВФ 5108 Л.24].

Как видно, в эпистолярном дискурсе писателя действительно легко уживаются восторженность, некая принципиальная аналитическая неприкосновенность к языку с достаточно критическим, порой близким к научному подходу осмыслением языковых явлений. Справедливым будет отметить то, что Бажов зачастую и не скрывает – восторг у него вызывает только близкое ему по духу. Легко увидеть, что внешняя простота, безыскусность, «жизненная правдивость», оправданность словесных экспериментов ему намного ближе, чем надуманность словесной игры, в которой не видна художественная необходимость, результативность (то, что он называет «словесный изыск, языковой фокус»). Поэтому, вероятно, противоречивость бажовских оценок имеет объяснение и в простой эстетической субъективности писателя²³¹. И все же в контексте всего эпистолярия, на наш взгляд, такое положение необходимо понимать как закономерное.

Дело в том, что, во-первых, человеческая, да и писательская субъективность, неизбежна, и ее констатация малоинформативна. А во-вторых, наряду с описанным противоречием можно говорить и о другой «странности». При всей искушенности в вопросах языка, которую Бажов демонстрирует по отношению к произведениям других писателей, о собственной языковой работе он пишет крайне мало и скупо даже в ситуации, например, прямых расспросов Л. И. Скори-

²³⁰ *Rarites personnelles* – фр. Здесь - своеобразные словечки.

²³¹ В языковом плане Бажов «не трогает» только А. П. Чехова, А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого, при этом высоко оценивает В. В. Лебедева, А. П. Бондина, П. И. Мельникова-Печерского, но может критиковать А. К. Толстого, Н. С. Лескова, И. А. Бунина.

но. В отрывке письма в ответ на очередную серию вопросов исследователя Бажов говорит:

«На вопрос о значении слова именно в сказе не знаю, как отвечать. Думается, что вся забота здесь сводится к тому, чтобы не выйти за пределы лексического запаса, которым пользуются люди, от лица которых ведется сказ.

Сказы ложатся на бумагу, конечно, по-разному. Иногда почти сразу, но чаще с многократным переписыванием. Главная трудность найти подходящее слово. Все-таки ведь обычно говоришь и пишешь на привычном литературном языке, и переключение на народную речь прошлого не легко даже и тем, кому эта речь была лянг матернель²³². Много путают все эти сложно-сочиненные и сложно-подчиненные с удобными, как обношенные сапоги, связками: который, когда, чтобы и т. д. Не думайте, что это легко! Вторая трудность — подыскивание выразительного слова, которое бы, даже будучи совершенно новым для читателя, не заставляло бы его лезть в словарь, а укладывалось в сознании, как привычное, вполне понятное. О своем отношении к фонетическим неправильностям, какими “смешил почтенную публику” Горбунов, я уже Вам писал. Там, где подобного сорта слова лезут в диалог, всегда стараюсь заменить их адекватными словами и выражениями, которые бы не содержали насмешки над речью неграмотных людей прошлого. Это, между прочим, тоже не всегда легко.

Вот, кажется, все...» [Л. И. Скорино; 18.09.1945; КП 21327 Л.1].

Из более или менее развернутых авторефлексий по поводу очевидно напряженнейшего аспекта работы над собственными текстами этот отрывок – единственный пример. В более непосредственной переписке с Е. А. Пермяком (притом писателем, который явно мог «поддержать разговор») Бажов много размышляет о проблеме языка в литературе, но и здесь о собственном творчестве высказывается очень редко. «Сказ ведь, знаете, штука ажурная, которая может держаться лишь на очень прочном фундаменте, а не на тумане», – замечает он, рассуждая об исторической мотивировке сюжета о горе Благодати. Второй фрагмент – из письма,

²³² фр. *langue maternelle* – материнский язык

где писатель делится впечатлением об отзыве одного из читателей: «Прочитал он из моего только “Сказы о немцах” да “Васину гору” в “Молодом колхознике”, а наговорил столько ласковых слов, что мне стыдно стало за “Веселухин ложок”. Поторопился и испортил хорошую тему, которая даже в таком виде может задеть читателя. А ведь могла стать совсем ладной, если бы раз-два ее перепечатать» [Е. А. Пермяку; 01.01.1946; НВФ 5108 Л.75-76].

Если опираться сугубо на процитированные фрагменты, можно сделать лишь самые отрывочные выводы о том, что писатель осознает всю ответственность языковой проработки избранного им жанра сказа и выделяет, например, такие уровни этой проработки, как лексика и синтаксис сказового текста.

В случае с бажовской манерой рассуждения, когда важный вопрос всегда подается им как минимум в виде нескольких положений, очерчивающих серьезный диапазон и сложность, чаще всего неоднозначность проблемы (именно так происходит с исторической и фольклорной проблематикой), данный эпистолярный материал прежде всего наталкивает на мысль об особом положении языка для эстетики писателя. В контексте всего эпистолярия собственная языковая практика оказывается для Бажова своеобразной фигурой умолчания, неким действительно интимным, сокровенным вопросом, не предназначенным для обсуждения.

И, как кажется, в поисках причин такого положения мы можем приблизиться к пониманию существенной черты бажовской эстетической системы – по мнению писателя, творчество в высшем своем проявлении содержит обязательный элемент иррационального, необъяснимого, стихийного, которое столь же необъяснимо воздействует на читателя²³³. Если проследить за оценками Бажова, таковыми для него являются очень немногие – раннее творчество Чехова²³⁴ и то

²³³ Ср. отрывок из письма по поводу картины Ван Гога: «Не могу понять, чем это достигается, но впечатление вполне определенное и неотразимое» [Е. А. Пермяку; 1945; НВФ 5108 Л.48].

²³⁴ Ср. отрывок из письма к Л. И. Скорино: «Одно повторю, Чехов последних лет никогда не заслонит в моем сознании молодого Чехова, когда он легко и свободно, блестя молодыми зубами, плыл по безграничному простору великой реки. И всем было ясно, что и река русская, и пловец русский» [Л. И. Скорино; 20.09.1944; КП 21322 Л.5], – в котором опять возникает мотив стихии – «великой реки».

«безымянное творчество, которое называется народным»²³⁵. Как мы показывали, Чехов для Бажова во многом принципиально необъясним, неприкосновенен. Вероятно, то же можно сказать и о народном творчестве – его истинная глубина и мощь открывается, по Бажову, лишь в определенной степени сакральном, недоступном для анализа, процессе восприятия.

Смыкая данные рассуждения с ситуацией некой сознательной недоговоренности Бажова о работе со своими текстами, можно утверждать, что, во-первых, для него именно язык является той стихийной составляющей художественного произведения, в которой как бы спрятано, заложено будущее «вполне определенное и неотразимое» читательское впечатление. Во-вторых, вычерченная таким образом творческая система писателя (вся художественная сила сказов – в стихийной мощи фольклорного материала, на котором они основаны, а язык сказов – главный ключ, проводник этой мощи) действительно наводит на мысль о том, что корпус высказываний Бажова о собственном творчестве вскрывают чрезвычайно продуманную и последовательную позицию, в которой, например, скромность или авторское благородство играют самые незначительные роли.

Однако, как уже неоднократно показывалось, окончательных выводов о том или ином элементе бажовской эстетической системы невозможно сделать в отрыве от множества связей, сцепляющих каждый из них в единое целое. Помимо уже проговоренной связи языка непосредственно с творческим, художественным началом любого литературного произведения, в эпистолярном дискурсе Бажова и о языке и о творчестве в целом постоянно возникает самая обширная категория – категория жизни и жизненного материала. В следующем разделе попытаемся увидеть, каким образом эта категория входит в общую систему.

²³⁵ Мотив стихии появляется в статье, посвященной уже упомянутым письмам в «Крестьянскую газету»: «краеведческая река, мощная, полная красоты и неисчерпаемых стилистических, художественных и научных богатств». Краеведческие истоки (крестьянские письма в газете) // Бажов П. П. Уральские были. Свердловск, 1951.

2.1.4 Индивидуальное авторское начало творческого процесса

Язык рассматривается П. П. Бажовым в качестве некой среды творческого литературного процесса, притом среды с определенной степенью сопротивления, преодоление которого, с одной стороны, требует больших усилий художника (неслучайно «несоизмеримый» Чехов, по его представлениям, создает тексты легко, без усилий – стихия языка равномащтабна стихии чеховского таланта). С другой же стороны, именно эта работа придает произведению «неотразимость» – высшую степень воздействия на читателя (это справедливо и по отношению, например, к изобразительному искусству, как в случае с картиной Ван Гога, где воздействие языка линии, цвета сколь сильно, столь и необъяснимо).

Однако если язык, слово воспринимается как материал выразительного плана художественного текста, подвергающийся обработке, то логично предположить, что и сама обработка имеет свои принципы, свои организующие начала. В эпистолярном дискурсе П. П. Бажова можно выделить три категории, которые составляют основу содержательного аспекта произведения. Писатель систематически обращается в своих рассуждениях к таким понятиям, как *жизненный материал*, *авторский взгляд* и *идея*. Но прежде чем понять систему взаимосвязи этих понятий, необходимо провести, так сказать, терминологические уточнения.

Жизненный материал произведения, т.е. факты и явления действительности, которые в нем отражены, обеспечивают, по Бажову, первоначальную, фундаментальную связь литературы с жизнью. «Считайте это – ересью, а я продолжаю думать, что знание материала в писательской работе должно занимать первое место, а не второе. Вот недавно прочитал роман покойного И. Сигова “На старом Урале”. Как роман сооружение примитивнейшее, без всяких оснований разделено на три части, который с какой-то математической точностью распадаются на главы, скорей рубрики. Нет ни одной фигуры, которую можно считать типической, каждая полна противоречий. <...> Для законников от литературы это хлеб с маслом, медом, икрой и еще чем-нибудь. И все–таки вряд ли найдутся даже в этой среде

такие развязные, чтоб раздраконить этот “Роман”. <...> Даже самый обалделый от литературных канонов не может не почувствовать в этой работе струю той первозданной красоты и силы, которую никому не дано выдумать, кроме самого великого художника, именуемого жизнью. Неискушенный читатель поверит этой книге полностью, искушенный может улыбаться наивности построения, неслаженности, противоречиям, но тоже должен поверить, т.к. все не в Переделкине выдуманно, а взято из правды жизни, только нарисовано с большими пропусками» [Е. А. Пермяку; 28.01.1945; НВФ 5108 Л.52–53].

Жизненность, достоверность, узнаваемость литературных образов для Бажова является едва ли не решающей чертой истинного искусства. Оценивая произведения классиков, он видит в них прежде всего чрезвычайную писательскую зоркость, умение увидеть яркую деталь, осмыслить типичность частного явления. Так, например, он не без восхищения пишет: «Взять хоть Бальзака. Он не только кончил Сорбонну, но еще слушал лекции по праву. Это, однако, не помешало ему писать плохие романы и повести, которые он потом сам отбросил. В этом, между прочим, и ответ о природном даровании. Оно, бесспорно, было, но само по себе, даже усиленное прекрасным образованием, не создало Бальзаку заметного имени. Имя пришло потом, после 30 лет, когда Бальзак сел в затвор отрабатывать свои долги. А их накопилось до 50 000 франков. В золотой валюте первых десятилетий прошлого века это, наверно, вытянет, примерно, на полсотни Переделкинских дач наших дней. Чтоб сделать такой долг, человеку, конечно, не просто приходилось “вращаться в жизни”, а вращаться винтом с предельной скоростью, доступной для техники того времени. Повидал-таки, повстречался! До конца бы дней хватило, но он не потерял вкуса к тому вращению, которое ему уже много дало. Мы знаем, что он пытался выставить свою кандидатуру в депутаты. Провалился, но не в том суть. Дальше опять издательская деятельность, и опять денежный провал на сакраментальную для него сумму 50 000 фр. Не остыл и на этом, затеял разработку старых серебряных рудников в Сицилии. А его роман с Ганской, потребовавший путешествий в Италию, и в Питер, и даже в Бердичев. Понятно, почему у Бальзака

типы, встречающиеся в его произведениях, считаются тысячами. Сколько тысяч, - это литературоведы знают до тонкостей, а почему он так разбогател – это почему-то остается в тени» [Е. А. Пермяку; 30.09.1946; НВФ 5108 Л.114].

Характерно, что и исторические темы и материалы прошлого воспринимаются Бажовым в том же ракурсе – это то, что невозможно выдумать ни при каком таланте и одаренности, это написано самой жизнью, и подлинный писатель должен относиться к таким материалам как к самым ценным источникам творчества. «У стариков надо учиться именно этому непривычному для нас искусству. Разве наш национальный гений А.С. Пушкин не поразителен и своей трудоспособностью? Работая над историей пугачевщины, он не только месяцами сидит в архиве, но он едет на Урал. Это ведь не на самолете и даже не в вагоне, а на перекладных. Попробуйте представить, что кто-нибудь из наших современников проделал адекватный труд! Да он бы написал несколько томов своих дорожных впечатлений, десятка два рассказов, два романа, четыре пьесы, пять сценариев, один малоформистский сборник, а у Пушкина все это вошло частично в “Капитанскую дочку”, немножко в “Станционного смотрителя” да в отдельные строки стихов. Вот и выходит густо. Читаем современников и говорим: “А у предшественников лучше”. Да, потому что у предшественников больше предшествовало, чем у нас. Словом, был и остаюсь сторонником труда в литературе» [Е. А. Пермяку; 27.10.1945; НВФ 5108 Л.74].

Из предыдущего фрагмента важно вычленил и еще одну не менее характерную мысль – столь высокая оценка Бажовым «знания материала» основывается и на том очевидном для него потенциале, который он видит в знании, добытом *своим трудом* (будь то работа с историческими архивами и первоисточниками, или же собственный жизненный опыт). По мнению писателя, именно этот труд являлся залогом успеха «предшественников», однако, что еще более важно, только в таком труде он и видит условие развития литературы современности. Так, в письме к Л. И. Скорино он замечает: «Недавно вот побывал в одном колхозе, километров за 200 от Свердловска, побыл там три дня и обалдел от новых впечатле-

ний. Срок, разумеется, мал, чтоб написать даже очерк, но вполне достачен, чтоб лишний раз сказать о причинах нашего бесплодия на темы современности. Со всей очевидностью выступает, что, сидя за городским письменным столом и вращаясь в кругу себе подобных, мы абсолютно ни черта не знаем о жизни страны <...> По секрету скажу, - темок в нашей советской действительности для всякого, кто не сидит, как пришитый к своей чернильнице, сверх головы. Даже мне, старому человеку, при случайных выездах в нос бьет. А будь бы помоложе, годов хоть на десяток!» [Л. И. Скорино; 17.09.1946; КП 21330 Л.3].

И все же, оставляя первое место знанию материала, Бажов, конечно, не упрощает писательские задачи. И следующим звеном в его творческой логике становится понятие «своего» голоса, образа, взгляда. «Оригинальное больше всего ценится среди писателей и вообще работников искусства. Там даже оригинальный примитив котируется несравненно выше, чем наилучшим образом сделанные повторы» [Е. А. Пермяку; 27.10.1945; НВФ 5108 Л.74]. Можно сказать, что эта фраза выражает одну из самых выношенных мыслей писателя.

Оригинальности, своего свежего образа Бажов неоднократно требует в многочисленных отзывах на творчество начинающих поэтов и писателей. «При известном навыке можно изложить стихами любую статью, но от этого она ни поэмой, ни элегией не станет, а будет рифмованной прозой, которая хуже обычной прозы. Поэзия начинается там, где поэт приносит свежий образ, какого еще никто не давал. Возьмите Маяковского. Идея о высоком достоинстве советского гражданина у него развернута о образной картине, как принимают паспорта. Исаковский свое яркое антифашистское выступление выразил в простецком по видимости рассказе “Старик и смерть”, а вопрос о выборе пары у него вылился в стихотворение “Одинокая гармонь”. Точь-в-точь эта же последняя тема у А.К. Толстого выражена в стих. “Средь шумного бала”. А разве есть какое-нибудь сходство образов? И это везде. Прочитайте наших великих классиков и выдающихся современников, и Вы увидите, что новый образ и есть самое главное в поэзии» [Александру Владимировичу; 2.08.1950; НВФ 6953 Л.7].

Трафаретность, банальность в описаниях и образах неприемлема для Бажова. В одном письме, настаивая на том, что занятия поэзией должны предваряться «теоретической подготовкой» (изучением правил стихосложения и «глубоким изучением классической литературы и особенно стихотворной»), пишет: «Это всесторонне обогатит Вас и в то же время обезопасит от повторения чужого, от так называемой литературщины. Что это за штука, поясню примером из Ваших стихов. Там у Вас есть: реет победное знамя в Берлине. Фраза по размеру правильная, слова красивые, звучные, но фраза никуда не годна, как миллионное повторение. Столько уж раз ставились слова “реет победное или гордое, или красное знамя”, что стало надоевшим сочетанием, штампом, литературщиной» [Г. С. Плотникову; 8.02.1947; НВФ 6951 Л.1].

Стоит подчеркнуть, что художественная несостоятельность для Бажова не компенсируется ничем другим. Так, в другом отзыве писатель признает «остроту конфликта, за которой ясно видна большая осведомленность автора в производстве», однако высказывая остальные замечания (в том числе о характере главного героя), приходит к заключению: «...Это удел тех, кто не очень склонен находить удовольствие в прогулке против ветра. Между прочим, эту деталь надо выбросить, как давно заезженный образ. Этот же совет и при всяком введении пейзажа. Он законен и нужен при обязательном условии, чтоб не был выражен хрестоматийными формами: голубое небо, колосистая рожь и прочее в этом роде.

Общий вывод. Замысел интересен, конфликт правдив и необычен, но делать все надо заново» [С. К. Радостеву; 12.01.1949; НВФ 6953 Л.2].

Как видно, даже при детальном знании предмета творчество не может состояться без оригинального, свежего, именно *своего* взгляда автора на действительность, реализацией которого во многом и является художественное произведение. Бажов, конечно, понимает всю трудность обретения, а тем более выражения этого своеобразия. Неслучайно, что подавляющее большинство его отзывов на опыты начинающих литераторов являются хоть и мягкими, но однозначно отрицательными оценками. Но не менее закономерно и то, что ни в одном из этих

отзывов он не отказывает в праве продолжать попытки. И, на наш взгляд, причины этого кроются не столько в осознании субъективности своих оценок (в частности, рецензируя любые стихи Бажов всегда оговаривается: «Я не поэт, поэтому не считаю себя в праве давать оценку стихотворным работам»), сколько в довольно своеобразных, но принципиальных установках.

Одна из них – это уже указанная установка на «труд в литературе». В том же письме писатель развивает свое утверждение: «Словом, был и остаюсь сторонником труда в литературе. Стоя на этой позиции, утверждаю, что каждый через какой-нибудь десяток лет работы²³⁶ может дать изумительное по своей неожиданности полотно, скажем, о Демидовых. Наиболее одаренный и быстрый сделает это, может быть, за пять лет. Но тот, кто захотел бы еще ускорить это, неизбежно должен просто ворошить тени прошлого» [Е. А. Пермяку; 27.10.1945; НВФ 5108 Л.74]. Принципиальной кажется та демократичность Бажова, с которой он видит потенциальную возможность *каждого* создать нечто ценное, но и, впрочем, твердую уверенность в беспомощности «голового таланта», не развитого систематической работой.

Вторую установку писатель особо отчетливо формулирует в письме к Л. И. Скорину: «Пусть знают, что всякий может послужить искусству, если его самого какая-нибудь разновидность искусства хотя бы на примитивнейшем ткацком станке взволнует, и ему захочется это свое волнение как-то передать. Для того, чтобы передать, понадобится, конечно, настоящим образом изучить все, связанное с тем или другим явлением и особенно теми пунктами, которые вызывают твое волнение, а слово, характер придет в процессе изучения. Ересь это или нет? Это уж Вы разберите, а мне так кажется. Разумеется, говоря так легонько о слове и характере, имею в виду, что изучение вопроса будет достаточно длительным и серьезным, предполагающим знакомство и с сотнями людей той или другой профессии, их словарем и бытом вплоть до самых интимных его сторон. Все это бе-

²³⁶ Напомним, что в данном контексте речь идет об исторической романистике, в которой, по мнению Бажова, возможно «всего достичь, не утруждая ни глаза, ни зада, - за счет “голового таланта”», т.е. без кропотливой работы с первоисточниками.

рет много времени, но не перестает быть лишь служебной частью, главное же, по моему, в желании передать испытанное тобой волнение, если оно чем-то интересно, нужно или даже полезно твоим читателям. Если этого нет, то ни слово, ни характер не спасут вещи» [Л. И. Скорино; 25.12.1946; КП 21331 Л.2].

Таким образом, искусство, по Бажову, вырастает из прочного сплетения двух начал – жизненности и искренности. И если жизненность произведения во многом складывается за счет неких рациональных предпосылок – систематической учебы, досконального знания материала, тщательного изучения работы предшественников (будь то поэты-классики, или же историки, занимавшиеся тем или иным вопросом²³⁷), то искренность, «взволнованность» - аспект сугубо иррациональный, но ценный именно своей непредсказуемостью, «изумительной неожиданностью» когда искусством становится работа на «примитивнейшем ткацком станке». Обратим внимание, что и то, и другое требование принципиально достижимо действительно для каждого – демократизм общекультурных интенций Бажова находит логичное воплощение и в этом вопросе. Однако, не менее последователен Бажов и в строгости своих убеждений об истинности и уникальности произведения искусства – легко увидеть, что удовлетворить этим немногим требованиям все же удастся лишь очень малому числу взявшихся за перо. Насколько настойчив он в утверждении абсолютного равноправия каждого в творческом порыве, настолько же он требователен к присутствию ничем не поддельваемой искры, «струи первоизданной красоты и силы» в любой работе. Демократизация искусства и культуры в целом, по Бажову, необходима, но его профанация недопустима, бесполезна и зачастую вредна. Иными словами, желание стать писателем, попытаться зафиксировать свой опыт, осмыслить его – без-

²³⁷ Ср. реакцию Бажова на работу Е. А. Пермяка над книгой о горе Благодать: «Ваши гороблагодатские письма читаю с *нарастающим удовольствием*: чувствуется, что гора захватывает по-серьезному, как и следует по положению магнитной горы. Штука, что говорить, большая. Мотив “денежки-погонялочки” еще звучит, но уже его заметно приглушили мелодии из Генина, Белова, Струмилина. Того гляди, за Беловым пойдут Беляев и Фирсов, за Струмилиным – Бакланов, за Туганом – Сигов и т.д. вплоть до Колюпанова и Чупина» [Е. А. Пермяку; 9.01.1946; НВФ 5108 Л.79]

условно полезно для каждого и, возможно, ценно для культуры, но к литературе и искусству это имеет отношение далеко не всегда.

Таковы, на наш взгляд, наиболее общие положения эстетики Бажова, которые проявляются как в максимально широких вопросах искусства и культуры (подробнее о литературе как об одном из видов искусств и как о составляющей культурной жизни в целом мы будем говорить ниже), так и в самых частных случаях, которые, впрочем, не менее органично вписываются Бажовым в самый обширный контекст²³⁸. Третья категория, необходимая при постановке вопроса об организующем начале любого творческого процесса, имеет в эпистолярном дискурсе писателя не столь масштабное, общественное звучание и значение. Категория *идеи* появляется в рамках более камерных размышлений, касающихся творческой лаборатории более или менее состоявшегося писателя, и, очевидно, имеет отношение уже далеко не к каждому.

Идея для Бажова является тем логическим звеном, которое непосредственно связывает авторское мироощущение, миропонимание с феноменом языка как словесного материала для построения текста. «...мне хотелось бы думать, что всегда действую по правилу, сформулированному Д.И. Писаревым, - *идея* прежде всего. Но должен сознаться, что иной раз *сказочный образ вызывает аналогии, антитезы, параллели и тянет за собой*, конечно, в пределах занимающих тебя *идей*», — пишет он [Л. И. Скорино; 18.09.1945; КП 21327 Л.1].

В этом фрагменте отчетливо проступает именно характер соположения художественной ткани, структуры текста (образ, аналогии, антитезы) и авторского начала, очерченного «пределами занимающих тебя идей». Знаковым здесь представляется парадоксальное замечание о некоторой самостоятельности, исподво-

²³⁸ Ср. характерный фрагмент из письма к начинающему писателю: «Вы захотели передать свои наблюдения в форме романа, а это Ваша основная ошибка. То ценное, что бесспорно, имеется в Вашей рукописи, безнадежно испорчено ученической литературщиной пейзажа и наивной выдумкой <...> Каждый, кто хочет поделиться опытом своей жизни, может дать интересную книгу рассказов искренно и правдиво, что он сам видел, сам слышал, сам переживал, кого он знал из своего ближайшего окружения, что говорилось в этой среде и т.д. Художественного произведения здесь не получится, но может оказаться вещь высокой ценности. Причем иногда такие воспоминания живут дольше, чем художественные произведения среднего качества». В данном случае воспоминания пожилого человека с богатым жизненным опытом воспринимаются Бажовым, по сути, в масштабах культурной памяти общества.

льности текста по отношению к автору²³⁹. Этому чрезвычайно созвучно другое признание: «Мне все кажется, что план в художественном произведении очень немного значит. Может быть, это очередная ересь, но себя постоянно ловлю на том, что даже основная мысль не укладывается так, как вначале предполагаешь» [Е. А. Пермяку; 5.12.1946; НВФ 5108 Л.81]. В нем так же автор и создаваемый им текст мыслятся не в линейной зависимости полного подчинения одного другому. Речь идет о более сложном соотношении неких полей: поля авторских идей, составляющих его мировоззрение, и поля языка и стоящих за ним образов («Назовешь, скажем, проходящий персонаж Михей Кончина – это тебя обязывает к одному, назови его Яша Кочеток – надо представить дело совсем по-другому. Камнерезы, по моему, были правы, когда говорили: хочу вырезать виноградную ветку, а, может, капустный листок выйдет. Неожиданность поворотов, в зависимости от деталей, настолько существенна, что любая заявка мне кажется лишь первоначальным намерением, т.е. тем, чего не найдешь в сделанной вещи», - продолжает Бажов в том же письме). Таким образом, художественный текст, по мысли писателя, является в немалой степени предопределен языковым материалом, на котором он построен. Однако текст все же принадлежит автору, ибо выражает лишь то, что лежит «в пределах» авторских идей.

Стоит вспомнить, что, следуя бажовским размышлениям, необходимо говорить и об определенной обусловленности на идейном уровне – жизненный материал собственного опыта или исторические факты прошлого, по Бажову, не терпят совершенного произвола, в них изначально заложена своя структура и логика (естественно, в полной мере не доступная никому), позволяющая (как раз по причине неполноты) творчески интерпретировать, домысливать частности и обобщать характерное, но лишь в рамках достоверности и жизнеподобия.

Заметим, что с проявлениями такой концепции мы сталкивались уже не раз. Таковыми являются, например, критические замечания писателя о самых разных

²³⁹ Отметим, что парадоксальность снимается, если учитывать концепцию «стихийности» языка и фольклорных образов, о которой мы говорили выше.

неувязках в исторических романах современников, от чисто бытовых (то, что он называет «развесистой клюквой») до принципиального несоответствия художественной детали исторической эпохе. В несоблюдении автором бытовой и исторической достоверности Бажов прежде всего видит его пренебрежение (или хуже — неосведомленность) по отношению к материалу, которое, по его логике, имеет прямое отношение и к идейному, и к художественному уровню произведения. Представляется справедливым, что научно-просветительскую и художественную ценность таких произведений Бажов считает весьма низкой.

Другим примером можно считать размышления о ситуации, сложившейся вокруг повести «Зеленая кобылка». В письме к Скорино он замечает: «В библиографических заметках отмечают: живо, весело, занятно и коротенько передается содержание. Вот и все, а о главном никто даже не упоминает. О чем это говорит? Только о том, что изучаемый вами объект, как осенний листок, совершенно беспомощен, оторвавшись от дерева-фольклора. Беспомощен настолько, что даже редактирующие его люди не очень отчетливо понимают, что же он хотел сказать» [Л. И. Скорино; 27.10.1945; КП 21328 Л.1]. И чуть ниже Бажов напрямую проговаривает («Хотелось по-другому показать условия воспитания ребят в средней рабочей семье в противовес тому, что у нас нередко изображалось...») основные положения *своей, авторской интерпретации*, своего взгляда на тот материал (быт рабочих семей Урала на рубеже XIX-XX веков), с интерпретациями которого другими писателями он принципиально расходится («Да, была темнота, но не такая беспросветная, как в “Растеряевой улице”, в подъячевских²⁴⁰ рассказах, или даже в чеховских “Мужиках”» [Там же]). В этом же фрагменте он перечисляет некоторые идеи, своеобразные тезисы-сопоставления, призванные на конкретных примерах раскрыть суть бажовского видения проблемы. Так, в общепринятых ценностях детского заводского коллектива («ребята все же знали, кто сильнее, кто ловчей, кто лучше плавает, лучше бегают, кто более меток не только среди своих ближайших товарищей, но и у “врагов”, — в соседних улицах. Ведь это же все

²⁴⁰ Семен Павлович Подъячев (1866—1934) — русский крестьянский писатель.

измерялось, проверялось, всячески взвешивалось» [Там же, Л.2]) Бажов видит предпосылки к будущему «спорту в привычном для современного читателя виде», спорту как немаловажному аспекту современной ему общественной жизни. В «заединщине», особом виде ребячьей дружбы в заводской среде («Это не то же, что школьная дружба, и это явление не городское и не сельское, а именно заводское» [Там же]) видит влияние социально-психологического феномена профессиональных сообществ («своего рода отражение в детской жизни того, что у взрослых выражалось понятием “наша смена”, “человек нашей смены”» [Там же]).

Легко понять, что своей «беспомощностью» Бажов называет неудачу в третьем пункте писательской работы – созданный им язык, поэтика повести, по его мнению, не позволила убедительно реализовать комплекс идей, сложившихся в связи с основной целью – по-новому, иначе осмыслить общественно-психологический опыт горнозаводского прошлого.

Сходный мотив, мотив языковой неудачи в литературной работе при наличии важной для писателя идеи, проступает в другом письме: «Недавно хотел попытать себя в озорном роде. Не решился - побоялся детского читателя. Не умеем мы это делать так легко, как французы. Написал же Ромэн Ролан, при всей его рафинированности, такую вещь, как “Кола Брюньон”. Там он не боится рассказывать, что молодая женщина, скатившаяся с крепостного вала, “ослепила вражьи очи звездой полуночи”. Или утверждение самого Брюньона, что он производил детей, не жалея труда и материала. Ведь это изящно, хотя выражено *самое то, что всегда считалось и должно считаться для литературы запретным* [здесь и далее курсив наш – Г. Г.]. У нас в подобных случаях получается либо очень грубо, либо так смазывается, что и не почувешь. Знаю, - недавно над этим бился. Ни черта не вышло. Попутно пробовал припомнить, у кого бы поучиться, - не припомнил. А мне это надо бы, *т.к. при переплаве озорного в мелодраматическое много уходит и занятного, и яркого*» [Е. А. Пермяку; 1945; НВФ 5108 Л.56]. Нашим курсивом выделены размышления прежде всего художественного порядка: вопрос полноты отражения действительности в литературном произведении – вопрос суще-

ственной сложности, но и не менее существенной значимости. Однако, по Бажову, идея «занятности» «озорного» может быть ценной лишь при сопровождающем ее удачном словесном выражении.

Проявляется в письмах и действительная актуальность для Бажова мысли об эмоциональной подоплеке литературной работы, о «волнении» писателя как о важном условии художественного успеха произведения. Комментируя работу Е. А. Пермяка над книгой о горе Благодати, в частности о поездке в Кушву (город вблизи этой горы), Бажов говорит: «Особенно мне пришелся по душе “Тришка”»²⁴¹. Такие встречи, конечно, большая удача не потому, что можно достать много материала, а потому, что сама по себе встреча удивляет, а для писателя удивиться – получить, как говорится, зарядку» [Е. А. Пермяку; 1.01.1946; НВФ 5108 Л.75].

Примеров отражения сформулированных нами эстетических положений П. П. Бажова в его же эпистолярных рассуждениях действительно много, ниже мы к ним вернемся. Но для полноты описания необходимо заметить, что предварительная работа писателя с материалом, который войдет в его произведение; выработка оригинального, своего взгляда на этот материал; формулирование идей, неких линий, по которым пойдет уже художественная, образная и языковая реализация авторской интерпретации жизненного материала – все эти пункты некоего творческого алгоритма Бажова неизбежно смыкаются, по его мысли, с еще одной плоскостью.

2.1.5 Социально-культурные аспекты литературного процесса

Безусловно, ни одна эстетическая система не может существовать без категории рецепции, без разъяснения характера взаимосвязи создающего и воспринимающего начала. Эстетика П. П. Бажова в данном вопросе не просто не исклю-

²⁴¹ Вероятно, имеется ввиду встреча Пермяка с кем-то из местных жителей.

чение – литература для него принципиально погружена в поле социальных отношений, призвана играть далеко не последнюю роль в общественной жизни. «Что пропало для литературы, то пропало для народа» – эта мысль, к сожалению, дошедшая до нас лишь в воспоминаниях, не закреплённая документально, все же весьма достоверно и органично вписывается в общий строй эстетических суждений писателя.

Приступая к анализу писем Бажова, в которых категория читателя, проблематика эстетической рецепции и функционирования литературы в целом подвергаются действительно интенсивному осмыслению, необходимо признать, что и эпистолярный дискурс писателя выводит данную проблему на одну из основных позиций в разговоре о литературе как феномене действительности.

В письме к Л. И. Скорино Бажов признается: «Вы же, как исследователь данного объекта, лучше моего знаете о моей склонности к определенно направленному творчеству, причем творчеству всегда представляющему какой-то интерес для широкого, а не узкого круга читателей» [Л. И. Скорино; 25.12.1946; КП 21331 Л.1]. Кажущаяся тривиальность сказанного (редкий писатель сознательно откажется от претензий на широкую публику) довольно противоречива по отношению ко всем предыдущим, тщательно выверенным, взвешенным в том числе и с точки зрения художественной ценности творческим задачам писателя. Однако продолжение письма позволяет убедиться в уже знакомой нам сложности, многокомпонентности любой концептуальной установки Бажова. Далее он пишет: «Как фольклорист, работающий на готовом материале, имею немало и такого, который другим мог бы разрешиться в плане "вечных вопросов", но я этого сделать не могу потому, что всякая заумь меня отталкивает. Помню в юношеские годы, когда каждый "взвешивает судьбы мира", мне случилось прочитать высказывания Достоевского по вопросам искусства. Там приведено было стихотворение Фета "Диана", по поводу которого сказано, что по всей русской литературе не найдется более сильного и яркого, чем две последние строки этого стихотворения. Тогда, под свежим впечатлением недавно прочитанного Писарева, отнесся к стихотворению,

как к побрякушке. Потом, в жизни, когда уж "судьбы мира были взвешены и окончательно определены», а Достоевский вырос в моих глазах несравнимо с Писаревым, я неоднократно смотрел это стихотворение, но мнение оставалось прежним. Даже больше. Оно казалось хуже многих фетовских стихов. Там меня не устраивали "округлые черты", "ясные воды", прямая бестолковщина, в роде: "Его (чела) недвижностью вниманье облегло, - и дев молению в тяжелых муках чрева внимала чуткая и каменная дева", сомнительной казалась поэтичность "бесцветных очей" и т.д. И, главное, никак не пойму желание поэта, его ожидания, что богиня оживет. А зачем? Чтоб смотреть на "вечный город, на желтоводный Тибо, на группы колоннад, на стогны длинные". Какой во всем этом смысл? Неужели одна счастливая деталь о движении светотеней может вызвать такой восторг? Как будто нет. Несмотря на авторитет Достоевского, стихотворение все-таки забыто. Понимают его так, как понимал Достоевский, разве очень немногие. Так вот я для этих немногих никогда не хотел бы писать» [Л. И. Скорино; 25.12.1946; КП 21331 Л.2].

Парадоксальное на первый взгляд понимание Бажовым «вечных вопросов» как темы, не способной привлечь внимание широкого круга читателей (хотя что может быть шире вечных вопросов жизни, смерти, судьбы, красоты), как кажется, вскрывает истинную расстановку оппозиций и их взаимосвязей, характерную для писателя при решении проблемы читательского восприятия художественного произведения. Уже из приведенного фрагмента можно увидеть, что оппозиция автор – читатель для Бажова является совершенно не бинарной, нелинейной – эстетическое напряжение этих двух полюсов возникает только в поле взаимодействия нескольких сил. Попытаемся разобраться, каких именно.

Первым существенным разграничением в этом вопросе является показанное нами разграничение самим писателем сферы языка и сферы идей и тем в литературном произведении. Языковая, словесная беспомощность, по Бажову, не может компенсироваться самым захватывающим содержанием. В одном из писем начинающему писателю он говорит: «Гораздо важнее другое – умение рассказывать

живо, образно, интересно. Иным это дается, как подарок природы, другим приходится добиваться этого большим трудом. Знаете вот, как при устных рассказах. Иной говорит о пустяках – и все слушают, а другой, более бывалый, начинает говорить – и никому слушать не хочется.

Судя по тому, что Вы пишете о своей жизни, она очень богата событиями, вероятно, в большинстве тяжелыми, но вот удастся ли Вам ее рассказать так, чтоб ей заинтересовались читатели, - этого предсказать нельзя» [В. Г. Лымарю; 7.10.1946; НВФ 6950 Л.20].

Однако и прекрасное владение словом вовсе не означает художественную состоятельность. «Мне вон перед болезнью прислали из одного завода прелестный с внешней стороны рассказик "Золотой браслет". Очень живо, с большим знанием быта, с хорошо поставленными фигурами и прекрасным словом рассказывается, вероятно, действительный случай жизни завода. Жена управляющего во время купанья утопила браслет и добилась, чтоб муж спустил пруд и организовал поиски браслета. Читаешь это и думаешь: а зачем это печатать теперь? Не ради же одной словесной стороны? Кому и что может дать эта - пусть хорошо отделанная – иллюстрация прошлого?» [Л. И. Скорино; 25.12.1946; КП 21331 Л.2], – пишет он по поводу рассказа другого литератора.

Наиболее показательным здесь является критерий, по которому писатель выносит оценку – в обоих случаях это интерес читателя. Но легко заметить, что и здесь характерная двойственность понимания Бажовым природы литературного произведения находит свое отражение: воздействие идейного содержания на читателя поддается анализу, рациональному осмыслению, работа в сфере языка намного более непредсказуема, стихийна.

Эта двойственность находит развитие в других письмах, касающихся вопросов читательского восприятия того или иного произведения. Так, языковые аспекты обсуждаются Бажовым в самых общих и довольно очевидных чертах: неоднородная стилистика, трафаретность выражений, логичность и достоверность

описываемого. Например, в письме-рецензии начала 30-х гг. по поводу рукописи о строительстве Камского бумажного комбината он пишет:

«Наряду с изыском, который, по-моему, граничит с манерностью у Вас идет самая затасканная газетная трафаретка.

“Хозяйственные организации Бумкомбината еще не перестроили своего руководства на основе решений XVII съезда партии и по прежнему варятся в соку противоречий и неувязок” (стр. 6).

“Имея перед собой неподготовленную рабочую силу, бились за освоение корпуса к сроку, давая ударные образцы работ” (стр. 17).

Причем подобные выражения вовсе не редкость, а преобладающий стиль. Уход от него имеется лишь в начале работы да в конце, но это, пожалуй, ухудшает дело, так как сильней подчеркивает разностильность работы.

Изыск – точнее более сделанные куски – показался мне тоже неудовлетворительным. Он, как говорится, “не взвешен по читателю”. Рядовой читатель – мы имеем в виду главным образом лесоруба²⁴² – не поймет ни задремавшего стола, ни символической форточка, ни динамики слова идут, хотя бы его повторить десяток раз на одной странице. <...> Квалифицированному же читателю... многое покажется банальным» [В. Блоку; 1934; КП 23684 Л.6].

В другом письме Бажов отзывается о прочитанном схожим образом: «Рассказ “На допросе” не годится для печати, как тысячное повторение того, о чем уже рассказано. Сцены подобного рода может писать любой грамотный человек, пользуясь бесчисленным количеством фактических подробностей, рассыпанных в газетах, журналах и пьесах военного времени. Чтоб занять читателя рассказом на эту тему, надо сделать теперь гораздо лучше того, что уже печатали, а Ваш рассказ похвалиться качеством не может. В нем есть и несогласованность деталей, в роде того, что полуумирающая девушка поражает здорового фрица письменным прибором, и разнобой в изложении речи (то немец говорит, “ломаю язык”, то

²⁴² Бажов выступает в данном случае как редактор «Библиотеки лесоруба».

нормальным слогом), и прямое неумение взять нужное слово (“элегантно развалившись”»)» [Н. Е Манушину; 5.08.1949; НВФ 6954 Л.3].

Как видно, Бажов последователен в своих взглядах: понимая писательскую работу с языком как наиболее интимный, скрытый от посторонних глаз этап творческого процесса, он не склонен обсуждать, анализировать и ее результаты, ограничиваясь или самыми общими выводами, или замечаниями о совсем грубых нарушениях литературных норм. На наш взгляд, бажовская логика такова: слово в художественном произведении по своей природе обладает мощнейшей энергией непосредственного эстетического воздействия на читателя, и задача писателя заключается в том, чтобы реализовать, раскрыть эту мощь. Сколь стихийно и непредсказуемо взаимодействие языка и автора, столь же невозможны прагматические рассуждения о воздействии художественного слова на читателя. С определенной степенью вероятности можно говорить лишь об удаче или неудаче в работе по «укрощению», в целом же для Бажова этот аспект принципиально неприкосновенен. Неслучайно, о языке как инструменте воздействия на читателя в произведениях более или менее состоявшихся писателей Бажов говорит чрезвычайно редко и скупо²⁴³.

Совсем другая ситуация складывается тогда, когда Бажов размышляет о другой составляющей рецепции литературного текста – о тематическом и идейном аспекте восприятия художественного произведения. Стоит отметить сразу, что в этих вопросах писатель проявляет почти противоположную позицию: идеи, так или иначе выраженные в произведении, могут и должны поверяться определенным внешним требованиям. Условно эти требования можно разделить на оценку той или иной литературной вещи с точки зрения культуры и с точки зрения общества, социальных процессов. При этом именно читатель является основным источником и тех, и других оценок.

²⁴³ Практически единственным примером можно считать оценку Бажовым работ И. Ф. Горбунова: «О своем отношении к фонетическим неправильностям, какими “*смешил почтенную публику*” Горбунов, я уже Вам писал. Там, где подобного сорта слова лезут в диалог, всегда стараюсь заменить их адекватными словами и выражениями, которые бы не содержали насмешки над речью неграмотных людей прошлого» [Л. И. Скориню; 18.09.1945; КП 21327 Л.1].

Описанное выше отношение Бажова к жизненному материалу как к эстетически значимому феномену литературного процесса во многом обусловлено его пониманием такой категории, как «современный читатель». Обсуждая проблемы взаимоотношений издателей и писателей Свердловска, он замечает: «Теперь это легко прикрывается – нас не печатают, а если бы печатали в полную силу, то явно обозначилось бы другое: мало и не о том, и не так пишем. Единственно кто работает с напором, так это Мурзиди и Рябинин. По-разному, но оба делают много. Костя написал целый роман “Беспокойное чувство”. Он, этот роман, пока обсуждается, “поправляется”, но все же принят издательством, а главное самый факт: написано на тему *наших дней* по вопросам дружбы и любви. <...>

Ценность вещей Рябинина иная, но работает он напряженно. Пишет Н.А. Попова, но над ней тяжелый груз житейской замкнутости. Одними языковыми средствами тему не поднимешь. Имею ввиду тему, которая бы захватила современного читателя» [Б. Н. Михайлову; 1946; НВФ 6970 Л.1].

Уже знакомая нам мысль о бесплодности «кастовой замкнутости» писательского сообщества развивается Бажовым в первую очередь по отношению к читательским запросам. «Со всей очевидностью выступает, что, сидя за городским письменным столом и вращаясь в кругу себе подобных, мы абсолютно ни черта не знаем о жизни страны, хотя бы в таких простейших звеньях, как колхозы. Вероятно, мешают и литературные образцы, в которых в свою очередь можно различить старую основу. А ведь на деле и основа, и уток²⁴⁴ готовятся теперь по иному, из другого материала и видоизменяются не по десятилетиям, а по годам <...> По секрету скажу, темок в нашей советской действительности для всякого, кто не сидит, как пришитый к своей чернильнице, сверх головы. Даже мне, старому человеку, при случайных выездах в нос бьет» [Л. И. Скорино; 17.09.1946; КП 21330 Л.2]. Быстрые темпы изменения самой жизни для Бажова означают самую насущную необходимость трансформации литературного дискурса, отражающего эту жизнь. Но продуктивная трансформация невозможна прежде всего без пере-

²⁴⁴ Основа и уток – инженерные термины, связанные с водоснабжающим оборудованием.

стройки писательского сознания – оригинальность идеи напрямую зависит от степени связи литературы и живой, современной жизни.

Таким образом, идейное и тематическое содержание в сильнейшей степени связывается Бажовым с социальными процессами. Однако нельзя не заметить и второй мотив, неизменно сопутствующий уже названному, мотив «литературных образцов», мотив встроенности любого произведения в общий литературный процесс. Дело в том, что именно в эпистолярном дискурсе по вопросам литературы Бажов обнаруживает одну из наиболее характерных черт своего эстетического сознания. По мнению писателя, литература – это глобальный, сложный, неоднозначный процесс, а подлинный литератор – прежде всего осознает свое место в нем, сообразуя, координируя свои творческие интенции как в поле реальной жизни, так и в поле культуры.

Свободное, притом интенсивное обращение к писателям-предшественникам в письмах Бажова можно проиллюстрировать множеством примеров.

«Бросим. Далеко поехало. Поговорим лучше о Бальзаке, Флобере и прочих не членах Союза. Мне кажется, они вовсе и теперь не снимаются с повестки дня» [Е. А. Пермяку; 30.09.1946; НВФ 5108 Л.111];

«Не умеем мы это делать так легко, как французы. Написал же Ромэн Ролан, при всей его рафинированности, такую вещь, как “Коля Брюньон”» [Е. А. Пермяку; 1945; НВФ 5108 Л.49];

«Нам с Валентиной Алекс[андровной], живущим на окраине города, осуждать Теокрита не приходится. В Москве от ее большой сутолоки он, как видно, стал еще сильнее. Об этом говорят и дачи с многочасовыми переездами и вот такие расписания на будущее потомства. Темка, между прочим, - Теокрит в Москве. Это Вам не бажовский юбилей с коровой и шампанским в стиральном корыте, а гораздо занятнее и с двойным поворотом: хоть в трагедию, хоть в комедию» [Е. А. Пермяку; 26.04.1946; НВФ 5108 Л.96];

«Не тревожа великие тени литературы прошлого, хочу привести примеры из “срединки”. Вот “Обломов” жив наши дни, т.к. он дан по правильно поставлен-

ному дальномеру, а “Обрыв” отмирает, хотя сюжетно он сложнее» [Е. А. Пермяку; 14.04.1944; НВФ 5108 Л.23];

«Не сбивайте себя и тем, что некоторые из наших величайших поэтов выступали совсем мальчиками. Ставить себя в одну меру с гениями, во-первых, нельзя, а, во-вторых, они воспитывались в другой обстановке и обучались не в общей школе, а в одиночку, что, разумеется, одаренному мальчику давало больше возможностей. Если, например, Лермонтов совсем еще мальчиком написал стихотворение “По небу полуночи...”, то не следует забывать, что в это время он уже владел тремя языками, чего при общей учебе не достигнешь и кончивши высшую школу...» [В. И. Пузанкову; 3.06.1946; НВФ 7495/6 Л.1] и т.д.

Вместе с тем, Бажов прекрасно осведомлен и о текущей литературной жизни. В качестве примера приведем письмо, в котором он дает советы по работе с литературным сборником о Дальнем Востоке: «Мне кажется, правильной ограничиться тем, что полностью связано с Дальним Востоком, как, скажем, “Разгром”, “Последний из удэге” Фадеева, а не так, как “Хорошо” Маяковского. Особенно строго надо отбирать стихи и прозу о пограничниках. Если собрать литературу на эту тему, то она заполнит все издание. Ведь уже свыше сорока лет пишут об этом, чаще всего не выезжая из столицы. Раньше, помню, было обязательно название слов: чумиза, гаолян, фанза, кан, хунхуз, теперь обходятся еще проще, употребляя только два: самурай да банзай и три географических названия. Такие, органически не связанные с Дальним Востоком, с дальневосточными красками из газет, надо безжалостно выбрасывать. На мой взгляд. Лично предпочел бы менее совершенные по форме, но плотно связанные с краем, отражающие какую-то сторону его жизни и быта. В частности, мне вспомнилась книжка, изданная еще ЗИФ-ом²⁴⁵. Забыл ее автора, но название, кажется, “Рыцарь скалистых гор”. Это простенько и даже простовато написанный роман для детей среднего возраста, но в нем отражается жизнь Забайкалья в пору существования ДВР. Другой пример. В списке я не нашел А. Наумова. Может быть, потому, что он писал о золотоискателях той

²⁴⁵ Издательство «Земля и Фабрика».

части, которая не входит в границы Дальнего Востока уверенности нет, но стоит посмотреть, так как его очерки едва ли не первоисточник для “Угрюм-реки” В. Я. Шишкова. А как эта книга и вообще Шишков? А. Наумов – народнический писатель, которого переиздавали уже в советское время. Он проще, яснее, и, пожалуй, актуальнее, чем Богораз²⁴⁶, который всегда выкомурирует. Можно ли что-нибудь взять у Ядринцева, Потанина и Сапожникова? Мне не случалось читать их полностью, но сдаётся почему-то, что кроме публицистики и географии, у них имеются и очерки, впрочем, не знаю. Имена Сапожникова и Потанина, правда, в какой-то степени и сейчас одиозны, но ведь есть же у Вас Мельшин, Богораз и др. По моему, стоит посмотреть, так как все они писали на подлинно сибирском материале. Кстати, почему нигде не мелькнуло имя П. А. Словцова с его “Историческим обзором Сибири”. Там же ведь тоже и стихи есть. Да и вообще это имя выигрышно.

У Гарина, кроме “Корейских”, надо посмотреть “Зарисовки карандашом”, которые печатались в “Мире Божиим” в начале столетия. Они, кажется, не вошли полностью в собрание сочинений, а там много прелестного. И опять должен оговориться, - твердо не помню» [Д. Д. Нагишкину; 7.10.1946; НВФ 6971 Л.4–5].

Даже из немногочисленного процитированного видно, с одной стороны, профессиональная компетентность писателя, но не менее очевидна и значима, с другой стороны, органическая связь обширных знаний с личными и творческими интересами Бажова. Однако самым важным представляется, что все эти знания и представления стали органическим фундаментом для эстетической системы писателя. Вполне закономерным представляется, что для Бажова любое конкретное произведение принципиально встраивается в общий ход литературного процесса, оценивается не только с точки зрения непосредственных художественных достоинств, но и в контексте общего творческого дискурса. «Писать теперь что-нибудь в манере “Аси” или “Первой любви”, конечно, было бы дико. Цвет времени не тот. Но ведь Тургенев тоже не писал своих вещей в манере своих предшественни-

²⁴⁶ В. Г. Богораз – этнограф, писатель.

ков. В этом, на мой взгляд, и вопроса нет. То, что у новеллистов библейских времен рассказывалось, как “хождение Иакова”, то в средние века передавалось, как “Дафнис и Хлоя”, у Тургенева, как “Первая любовь”, а вот как у нас этот же мотив? Наше горе как раз в том, что мы не можем вырваться из плена старых заголовков, противопоставить им что-нибудь более выразительное и “созвучное”. “Большой конвейер”, “Скважина бис-2”, “Штурм”, “Разбег”, “Наступление” кажутся примитивными, грубыми, а для “Первой любви” и “Гранатового браслета” время прошло. И не стоит на них оглядываться с таким вздохом: “А напиши теперь так”. Надо наоборот, выпрыгнуть из плена прошлого, не попав, однако, в “Скважину бис-2”» [Е. А. Пермяку; 27.10.1945; НВФ 5108 Л.73].

И именно в категории читателя Бажов находит и логичное, и естественное переплетение мотивов истории и современности, литературы прошлого и современных социальных явлений. Чрезвычайно показательным с этой точки зрения комментарием представляется отзыв писателя о литературной работе на тему духовных училищ конца XIX века: «Главное же все-таки, на мой взгляд, еще не в этом, а в том, что в работе нет и как будто даже не намечается самого основного, чем эти журналы²⁴⁷ могли бы привлечь внимание читателя. Нет ответа на вопрос, чем же отличалась бурса наших годов от бурсы времен Помяловского²⁴⁸ и как могло случиться, что ученики Химер, Единорогов, Сусликов²⁴⁹ не отставали в своем развитии от питомцев “светских школ”, а порой и превосходили их» [В. И. Уповову; 1950; НВФ 6957 Л.19].

Таким образом, анализ образа читателя в письмах Бажова помогает выстроить нам теперь уже весьма обширную систему, в которой феномен литературы вписывается им в качестве неотъемлемого элемента и в культурную и в социальную жизнь человека. Сугубо личные, индивидуальные творческие «лабораторные» поиски литератора, по Бажову, могут стать фактом общекультурного, да и общечеловеческого масштаба. Механизм глубокой взаимосвязи, взаимосозидания

²⁴⁷ Имеются ввиду журналы, которые могли бы напечатать присланную рукопись.

²⁴⁸ Имеется ввиду книга Н. Г. Помяловского «Очерки бурсы».

²⁴⁹ Прозвища преподавателей семинарии.

жизненного материала, языковой стихии, творческой индивидуальности автора, сознания читателя в контексте глобального хода мировой культуры в целом – это и есть механизм подлинной литературы.

Однако при всем масштабе бажовского эстетического мышления существенная абстрагированность его рассуждений²⁵⁰, на наш взгляд, принципиально соседствует с замечаниями по поводу очень конкретных явлений литературной деятельности. В следующем разделе мы обратимся к осмыслению Бажовым таких ее аспектов, как издательское дело, критика, литературоведение и цензура.

2.1.6 Проблемы литературы как общественного института

Стоит заметить, что описываемая в предыдущем разделе категория читателя, помимо прочего, обладает принципиальной характеристикой пограничности – в определенной мере обуславливая непосредственный внутренний, творческий процесс, читатель также является и элементом внешнего, затекстового порядка. Собственно, читатель, акт его восприятия и делает результаты писательской работы, книгу, объективным фактом действительности. Авторский текст становится произведением литературы, искусства – камерный, индивидуальный контекст писательской лаборатории сменяется полем общественной и культурной жизни, в котором книгу ожидает, как говорится, «своя судьба» – результат взаимодействия факторов, о которых Бажов в своем эпистолярном наследии размышляет достаточно много и интенсивно.

Для начала необходимо выделить те явления, которые, по Бажову, становятся значимыми в функционировании литературного произведения. И в первую очередь писатель обращает внимание на роль **редактора**. Элементы анализа редакторской работы возникают в письмах довольно часто.

²⁵⁰ Особенно если учесть действительный художественный уровень современных текстов, с которым ему приходилось иметь дело на редакторской практике. Представления о них вполне составляется из процитированных выше фрагментов.

«Видели московское издание “Зеленой кобылки”? Оно немножко приглажено со стилевой стороны, так как редактор боится всяких “провинциализмов”. Беда, впрочем, небольшая, хотя свердловское издание с текстовой стороны мне больше нравится» [Л. И. Скорино; 27.10.1945; КП 21328 Л.1].

«Думаю, что кой-что в романе и улучшено. Не мог же редактор Гихла допустить, чтоб противопоставленный Демидову Сенька Сокол объяснял своему другу башкиру: - Враги твои не русские, а Демидовы...»²⁵¹ [А. А. Суркову; 1945; НВФ 7491 Л.2]

«Особо подобрал критические статьи за подписью Чипонева. Это не столько рецензии, сколько протест против безответственных редакторов, выпускавших временами совершенно недопустимую халтуру» [А. Г. Богачеву; 22.03.1950; НВФ 6992 Л.2].

Как видно, для Бажова роль редактора является весьма значительной. Редакторская работа может влиять на стиль произведения, на литературные образы и даже на принципиальную эстетическую состоятельность той или иной книги. При этом стоит подчеркнуть, что Бажов признает такую ситуацию «законной», естественной и логичной: большая ответственность редактора должна подразумевать и соответствующие возможности.

Однако не менее характерно и понимание субъективности редакторских решений. «Как бы Вы ни писали, кому-то приходится оценивать, и тут надо иметь в виду, что оценка может быть разная. Ни один редактор не может из себя выпрыгнуть, поэтому один может признать работу приемлемой или даже хорошей, а другой найдет в ней множество недостатков» [В. Г. Лымарю; 7.10.1946; НВФ 6950 Л.21], – пишет он начинающему автору.

В целом, Бажов трактует редакторство как профессию в существенной степени творческую: с одной стороны, она имеет некие нормативные ориентиры, но с другой – личное, индивидуальное начало сколь неизбежно, столь и приемлемо. Так, о повести Н. А. Поповой «Встреча» и ее негативной оценке в писательской

²⁵¹ О романе Е. Федорова «Демидовы».

организации он размышляет: «...должен сказать, что, по-моему, все-таки в стране не найдется такого редактора, который бы выпустил эту вещь в том виде, в каком она была дана для альманаха. Объярлычивать ее было нельзя, но и печатать тоже нельзя. Стоит ли ее переделывать, - не знаю. Мне кажется там ложная основа: нельзя свести два мировоззрения и сделать их одинаково симпатичными. Борьба есть борьба, а эта вничью кончаться не может. Дело это, впрочем, спорное. Может быть, и найдутся такие ловкие редакторы, кто сумел бы так взвесить тонкости, что видно станет, где побеждающая сторона и в чем тени милого прошлого, которое все же покажется не очень плохим» [Е. А. Пермяку; 7.07.1946; НВФ 5108 Л.106].

Знаковой в приведенной цитате представляется и постановка проблемы соположения авторских интенций, заключающихся в идейном плане произведения, и результатов редакционной работы, которая, по мнению Бажова, в конечном счете имеет прямое отношение к комплексу идей, так или иначе выраженных в книге. Очевидно, что Бажову чужда позиция редактора, абсолютно не вмешивающегося в эту сферу. В качестве доказательства можно привести, например, такой фрагмент его рецензии работу начинающего литератора: «"Плотина" не понравилась потому, что эта часть сопоставляет старое с новым не к выгоде последнего. Крепостники умели построить и сохранить плотину, а мы не могли. Если прибавить к этому, что Висимский пруд и до прорыва был сильно испорчен бороздами от драг, то картина получается не того плана, чтоб ее описывать. Здесь скорей нужна разоблачительная публицистика, если бы она могла предупредить эту потерю. <...> Упор на историю в этом случае воспринимается, как скрытое осуждение, а это гораздо хуже, чем прямая гневная статья против тех, кто в первую очередь должен был отвечать за сохранность нужного нам наследства. <...> Понятно, что Вам краеведу и историку тема прошлого не только не заказана, но, наоборот, "предуказана", но никогда все-таки не следует забывать, что советский историк должен найти какие-то нити, связывающие старое с новым, если нет основания подать материал совсем в новом освещении.

Еще один совет. Там у Вас в первом рассказе есть скорбь по уходящему бою. Боюсь, что эта нота может завести Вас на неправильный путь возражения против технической культуры.

Рассказ все же оставил для “Уральского современника”, но не уверен, что удастся поместить. Неблагозвучно получается: раньше умели управлять водой настолько, что даже ради женского каприза могли незаметно для хозяев спустить пруд, а мы так запустили это хозяйство, что не смогли спасти ее от паводка.

Рад с Вами познакомиться и буду ждать других вещей с учетом совета о созвучии» [С. Н. Панкратову; 16.12.1946; НВФ 6950 Л.23].

Однако принципиальными, на наш взгляд, нужно считать два мотива, переплетающиеся как в этой, так и в предыдущей цитате. Право на вмешательство редактора в высказывание автора («нельзя свести два мировоззрения и сделать их одинаково симпатичными», «эта нота может завести Вас на неправильный путь возражения против технической культуры») у Бажова **всегда** соседствует с признанием авторского суверенитета («Объярлычивать ее было нельзя, но и печатать тоже нельзя. *Стоит ли ее переделывать, - не знаю*» [курсив наш – Г. Г.]). Но имея собственный огромный редакторский опыт, Бажов прекрасно чувствует и третью сторону в диалоге писателя и читателя – цензуру. Поэтому, понимая редакторскую позицию как связующее, передающее звено в этом диалоге, к естественным функциям редакции по очищению художественного текста от объективных ошибок (по лингвистической терминологии, порождающих коммуникативную неудачу) он, конечно, не может не добавить к обязанностям редактора предотвращение ситуаций, в которых этот диалог просто не сможет состояться – текст не пройдет цензуру. Иными словами, Бажов-редактор не считает ту или иную тему закрытой, а идею – неправильной, но ясно видит, когда авторская работа сможет обрести статус литературного факта, то есть дойти до читателя, а когда литературные способности останутся нереализованными, бесполезными (поэтому, например, пред-

лагает: «Здесь скорей нужна разоблачительная публицистика, если бы она могла предупредить эту потерю»²⁵²).

Между тем, не менее проблемна для Бажова и обратная ситуация – когда вполне «проходимый» текст, по его мнению, не должен пропускаться редактором. Рассуждая о современной исторической литературе, в частности, о романе В. И. Костылева «Иван Грозный», он замечает: «Не сомневаюсь, что годов через пятьдесят будет в этом деле поправка. Скажут не о цифровом соотношении, а о том новом в литературе, что должен дать советский писатель без отношения к тому, занимается ли он темами старины или современности. Подрастут и те редакторы, которые без труда будут решать, что, например, фундаментальный труд Костылева не так уж сильно нужен советскому читателю, а менее фундаментальный труд С. Бородина²⁵³ очень нужен, т.к. дает новое освещение исторического периода. Новые редакторы заметили бы, что Костылев перебирает старые пески с тем же фонариком, как и его предшественники, и видит почти то же, что и они <...> Допустить, чтоб такой ревностный блюститель царского ритуала, каким должен быть Грозный, любовался на то, как его царица в татарских штанах скачет на аргамаке по кремлевскому двору, и сам снимает ее с седла – это, конечно, исторический нонсенс. Нонсенс кричащий, но его печатают не в Балахне или Пензе, а в ГИХЛ'е» [Л. И. Скорино; 10.07.1946; КП 21329 Л.2].

Как кажется, в процитированном фрагменте необходимо подчеркнуть принципиальную и, очевидно, решающую для Бажова установку, установку на «то новое, что должен дать советский писатель». Цензура как таковая для него не является неким камнем преткновения – высшая задача редактора заключается в работе

²⁵² Другим примером этой стратегии можно считать отзыв Бажова на книгу А. В. Астафьева о городе Златоусте. Отправляя прочитанные и помеченные им гранки, он пишет директору издательства: «... Имеющиеся на полях отметки красным карандашом, мне кажется, легко устранимы редакционной правкой или просто исключением неточных формулировок и спорных мест. Кстати, таких отметок очень немного. Больше смущает меня та часть книги, где рассказывается о революционном движении в Златоусте. Слабость этой части, на мой взгляд, в том, что рассказывается это попутно, а об этом попутно говорить нельзя. Это не дает развернутой картины движения в то же время отвлекает от основной темы книги. Кроме того, здесь можно легко ошибиться в именах, которые окажутся одиозными. Впрочем, не зная истории златоустовской партийной организации, боюсь что-нибудь советовать, в частности, по этому разделу книги...» [Н. Кузнецовой; 20.04.1950; НВФ 6994 Л.2].

²⁵³ Роман «Дмитрий Донской» С. П. Бородина.

на благо и пользу литературы в самом широком смысле, в смысле продуцирования новых, оригинальных взглядов на действительность, которые могли бы стать достоянием общества (то есть как минимум вышедших в печати), обогащать культуру свежими, «неожиданными» художественными образами (но не перебиранием «старых песков с тем же фонариком»).

Между прочим, схожие мотивы присущи письмам Бажова, когда писатель обсуждает проблемы взаимодействия писательского сообщества и издателей. «С нашей типографией сплошная мука. Какая-то она у нас потусторонняя получилась: печатает здесь, а разнарядку получает не дома. В пору поднимать вопрос о своей городской типографии. Ведь это же и есть тот огонек, около которого люди собираются. Когда этого нет, то и остатки разбредутся» [7.08.1946; НВФ 5108 Л.61], – пишет он Е. А. Пермяку. В письме к Л. И. Скорино жалуется на то же: «У нас, когда сдают рукопись в типографию, это похоже на сбрасывание в бездонный колодец, от верстки до сигнального экземпляра проходят годы, а от сигнального до сдачи тиража еще столько же. Жизнь же человеческая, как Вам известно, не особенно длинна, совсем неприспособленна к издательским темпам. Причины Вы знаете: нельзя заниматься издательством, когда не имеешь твердо закрепленной за собой полиграфической базы, хотя бы в какой-то части. Сегодня вот этот вопрос об издательских темпах даже обсуждается на Бюро Обкома, но боюсь, что дело мало изменится, если Свердловск по-прежнему не отвоюет себе полиграфической базы» [17.09.1946; КП 21330 Л.1].

Как опытный организатор подобной деятельности, Бажов взвешен в своих суждениях и стремится к трезвой оценке ситуации – помимо личных и профессиональных усилий действуют факторы, на которые невозможно повлиять (в данном случае, административная структура полной зависимости от Москвы²⁵⁴). Ха-

²⁵⁴ Чрезмерная зависимость от столичных решений не раз очень негативно оценивается Бажовым. Например, в письме к Л. И. Скорино он пишет: «Огорчен, что наше здешнее решение о приеме в члены Союза рассматривается за что-то, близкое к нулю. Считаю такое отношение к решениям периферийных организаций неправильным. Если подобная политика будет продолжаться, то очень скоро мы вовсе не будем иметь сколько-нибудь правомочных организаций на местах, как это уже имеет место в Молотове, Челябинске, Кургане и др. областях» [21.01.1944; КП 21321 Л.1].

рактен фрагмент, в котором писатель четко формулирует свое отношение к происходящему: «Слушать издателей о писателях, как и писателей об издателях – время терять. Их можно разбирать только в порядке судоговорения, когда обе стороны представлены. А без этого полная однобокость. Та и другая сторона такого накаплет, что вспотеешь, и вовсе зря.

Конечно, нашу братию хвалить не за что, но издательских работников тоже. Если издатели правы, что свердловские писатели не дают чего-нибудь приближающегося к “Молодой гвардии”, то писатели не менее правы в жалобах, почему у нас нет таких издателей, которые сами решают вопрос о книге, а не смотрят глазами рецензентов, которые, может быть, лишь мимо литературы проходили²⁵⁵» [Е. А. Пермяку; 12.12.1946; НВФ 5108 Л.87].

Тот же мотив трезвого разграничения личной профессиональной ответственности и объективных причин, по которым складывается та или иная ситуация (будь то цензурные препятствия или ограниченность технического порядка), свидетельствует о коренной установке Бажова на мышление определенного масштаба, при котором индивидуальные творческие усилия поверяются прежде всего конкретной потенциальной пользой для общего хода культурного процесса, тогда как хоть и справедливые, но абстрактные и, в конечном счете, бесполезные суждения он предпочитает оставлять в стороне.

Опираясь на материал сохранившихся писем, можно говорить о реализации этих принципов и в собственной практике писателя. Мотив обхода бюрократических препятствий звучит в письме к Л. И. Скорину: «... Андрея Ладейщикова укололи вовсе зря. Если даже он был в то время редактором альманаха, то за подписи он меньше всего отвечает. Подписи делались мной без какого-то ни было нажима со стороны Ладейщикова, а в целях дать возможность печатать вещь в книге, над

²⁵⁵ Сюжет с этой проблематикой просматривается в письме к В. П. Бирюкову: «Читали, разумеется, рецензию Ильичева в “Уральском рабочем”? Сугубо невежественно. Послал свою контрстатью, но, видимо, замылят, охраняя часть мундира. Особо меня возмутило отношение к фольклорным записям да еще со ссылкой на Горького. Глупость, можно сказать, редкая» [В. П. Бирюкову; 25.12.1946; НВФ 7488 Л. 5]. Подробнее об истории вокруг сборника «Золото», подвергнувшегося необоснованной критике, см. статью В. В. Блажеса (Бажовская энциклопедия, с. 157-158)

которой стояли другие аргусовы глаза²⁵⁶» [20.09.1944; КП 21322 Л.9]. Как видно, для Бажова оказывается существенным «дать возможность печатать вещь», тогда как проблема авторства отступает на второй план.

Однако стоит отметить и другую линию поведения писателя – когда предсказуемые негативные реакции со стороны литературного сообщества не являются достаточным основанием для смены творческой линии²⁵⁷. В письме к Скорину, оценивая упадок современной литературы с исторической тематикой как последствие неграмотной и непрофессиональной работы как писателей, так и редакторов («...И ведь пьеса предварительно прошла не одну контрольную инстанцию, видят ее десятки тысяч зрителей, а деталь [одна из многих исторических нестыковок, о которых Бажов пишет выше – Г. Г.] остается неизменной. Даже когда скажешь об этом, отнесутся с явной прохладцей: пустое, кто это знает!» [10.07.1946; КП 21329 Л.1]), писатель проговаривает следующие выводы:

«Понятно, что при таких условиях надо прописать большое воздержание от исторической тематики, но мне от этого легче, т.к. занимался вопросами старины своего края не в качестве перелицовщика, а пытался осветить эту старину с позиций другого мировоззрения и старался найти в ней то, что еще не было показано. Теперь все это приходится бросить. Оставлять в прок мне уж возраст не позволяет. <...>

Может быть, кой-что еще у меня напечатают, но это уж будет с оглядкой: надо ли? Под такой маркой ходить мало приятного, а сходить со своей тропинки и прокладывать новую мне уж не по годам, да и жаль того, что подкапливал в своей жизни» [Там же].

²⁵⁶ Речь идет о подписи к сказам «Записано П. Б.» при их публикации в 1938 в «Уральском современнике». В это время Бажов еще не был реабилитирован по делу 1937 года и, вероятно, считал свое авторство «одиозным».

²⁵⁷ Как уже подчеркивалось, в качестве феномена цензуры Бажов воспринимал не только и не столько постановления партийной верхушки, сколько действия бюрократического аппарата в связи с этими постановлениями: «В руководящих статьях, правда, говорится, что история вовсе не отвергается, нужна лишь пропорция, но ведь практически вопрос будут решать те, кто порой не могут заметить даже крыжа. Из боязни ошибиться начнут действовать обычным способом. Сказка? Нет, не нужно. Легенда? Что Вы, батенька, газет разве не читаете? Сказ? Ну, знаете, подальше от всяких сказов! Нам нужна современность! Понимаете – современность, а не какие-то там посказульки из старины».

Если же говорить в целом о диалоге писатель–редактор, то достаточно исчерпывающим кажется следующий фрагмент из письма к Л. И. Скорино как редактору издательства «Советский писатель»: «В отбор и расположение материала тоже не хотел бы вмешиваться, предоставив это усмотрению редакции. Но мне далеко не безразлично, по какому тексту печатать тот или другой сказ. Все-таки в разных изданиях есть разные ошибки, порой мело переносимые. <...> Итак, главное иллюстрации и текст, также срок и свобода плавания по большим и малым рекам. Объем, подборка и расположение материала, как и предисловие – дело редактора, – “Как воны похочут”» [25.03.1945; КП 21326 Л.1].

Легко просматриваемая линия взаимоотношений автора и редактора, скажем так, культуртрегерской прагматики, когда индивидуальные, авторские интересы ставятся в подчинение интересам обогащения культурного поля в целом («найти ... то, что еще не было показано»), проступает и во взаимоотношениях писателя и издателей.

В частности, финансовая сторона этих отношений, очевидно, менее важна для Бажова, нежели тот символический капитал, который содержится в очередном издании или публикации в периодике. Так, тема авторских гонораров в письмах возникает в совершенно спокойных, деловых тонах, более того, с некоторой долей юмора²⁵⁸. Тогда как в отношении авторских экземпляров писатель намного настойчивее – письма о гонорарах обязательно содержат напоминания о них, а порой письмо пишется только ради этого²⁵⁹.

Стоит сказать и то, что зачастую за заботой Бажова о символическом капитале своего литературного имени очевидно просматривается работа на символи-

²⁵⁸ Например, в письме к Е. А. Пермяку он благодарит адресата: «Большое спасибо, что исправили ошибку мурзилочной бухгалтерии. У них, как видно, и в счетном деле мурзилки сидят» [8.10.1946; НВФ 5108 Л.69]. К Л. И. Скорино пишет: «За время своего перемогания, которое и до сих пор не прошло, я сильно подсох карманом, а бухгалтерия наших искусственных учреждений не очень тороплива на рассылку гонораров тем, кто к ним не ходит» [27.10.1945; КП 21328 Л.2].

²⁵⁹ Примером может быть письмо директору Гослитиздата: «Анатолий Константинович, дорогой! Не тронул или не дошел до Вас вопль о книге? Не думаю, чтоб это было технически невозможно. Поэтому повторяю свою просьбу. Пошлите хоть напоглядку 2-3 экземпляра. Уж очень хочется мне на пороге семидесятой годовщины поглядеть, что из этого вышло. Наши ведь тоже готовят в ближайшие дни выпустить свое издание, но его я, конечно, знаю в работе, а Ваше ведь не видал в собранном виде. Сугубо интересуюсь» [А. К. Котову; 15.01.1949; НВФ 6981 Л.5].

ческий капитал Уральского региона. Так, в письме в редакцию одного из московских журналов он говорит: «...Потом еще, у меня привычка все свои вещи сначала печатать в областной газете и уж после этого посылать в другие органы печати»²⁶⁰ [В. В. Панову; 9.08.1947; КП 23250 Л.1]. А в письме к Скорино, упоминая о переводах сказов на английский, итальянский и китайский, просит разузнать подробнее о своих «прогулках по чужеземным местам» и в конце замечает: «При этом имейте в виду, что я далек от мысли усложнить вопрос продвижения наших уральских сказов (по Вашему – работ П. Бажова) какими-нибудь денежными требованиями» [25.02.1945; КП 21324 Л.2].

В другом письме к Скорино писатель не без иронии, но и не без удовлетворения рассказывает: «В Свердловске меня уже перестали печатать, в “Уральском рабочем” тоже не поместили мою статью-возражение по поводу выпущенных сборников, по поводу последнего моего потения на совещании актива славянских деятелей, даже не отметили в статье, кто проводил это собрание, давно не стали давать информацию о прохождении сказов в переводах. Словом, люди стараются, но результатов пока не видно. Вместо Свердловска приходит... картографическая фабрика: нельзя ли сказы перевести в картинку, что печатать на обрезках карт? У нас 8 красок! Резиновый завод, выпуская в ширпотребе школьную резинку, обдумывает, – не следует ли фабричной маркой поставить ящерицу из сказов: ребятам понятно, и тема уральская» [30.05.1947; КП 21335 Л.3].

Размышления о литературной работе как о работе созидающей, стимулирующей общекультурный процесс развития общества определяют позицию Бажова и в вопросе о месте критики и литературоведения в феномене литературы.

Стоит заметить, что по отношению к литературно-критической деятельности в письмах Бажова возникают чаще всего высказывания негативной тональности. Оценивая роман Сигова «На старом Урале», он замечает Л. С. Римской: «Об

²⁶⁰ Эта тенденция просматривается и на фактическом материале первых публикаций сказов. А также ср. фрагмент из письма А. А. Суркову как редактору «Огонька»: «Посылаю свой последний сказ “Коренная тайность”. По обычаю уже пропустил его через свою областную газету, в порядке, так сказать, апробации на местах. Теперь хотелось бы выпустить его на широкую волну, так как пример из уральской старины подбирался к теме (о “винтике”), которая не бесполезна и за пределами Урала» [январь 1946; НВФ 6976 Л.1].

одном следует пожалеть – нет редакционной статьи, которая бы дала коротенькую справку об авторе, чтоб литературоведы знали, с кем им приходится иметь дело, а то ведь у нас не перевелась порода развязных критиков, которые сперва разделяют “под орех”, а потом узнают, что предъявляли слишком повышенные требования» [январь 1945; НВФ 6990 Л.3]. Ту же мысль писатель проводит в письме к Пермяку: «Для законников от литературы это хлеб с маслом, медом, икрой и еще чем-нибудь. И все-таки вряд ли найдутся даже в этой среде такие развязные, чтоб раздраконить этот роман» [28.01.1945; НВФ 5108 Л.53].

Суть своего отношения, как кажется, Бажов формулирует в другом письме: «Если писатели мало знают советскую жизнь, то критики еще более книжная, кабинетская животишка, которая обо всем судит по меркам литературных образцов. А между тем, эти мерки как раз больше всего и мешают новому, такому, чего еще не было в литературе» [Е. А. Пермяку; 30.10.1946; НВФ 5108 Л.112]. Для писателя неприемлема чрезвычайная узость мышления критика, «обалделого от канонов», так как эта узость и мешает, очевидно, главной задаче критики – видеть литературное произведение не только в контексте предшествующих образцов, но и в контексте современной действительности, требующей, по Бажову, новых образов, методов, способов ее художественного отражения.

Едва ли не единственный доброжелательный отклик по поводу критической работы можно найти в письме к Л. И. Скорино по поводу рецензии С. Матвеева на ее книгу «Павел Петрович Бажов»: «Скажите лучше, кто этот С. Матвеев. Раньше мне никогда не случалось его читать, а по всему видно, – интересный и новый. Как будто смотрит не совсем с той горы, с которой разглядывают многие другие критики» [3.07.1947; КП 21337 Л.1]. Наиболее ценным Бажов считает в этой рецензии как раз выход в более широкий контекст современной литературной ситуации: «Словом, это не просто приятная рецензия, а очень содержательная, и объекту²⁶¹ едва ли надо обижаться, когда он оказывается лишь трамплином

²⁶¹ Под «объектом» подразумевается автор рецензируемой книги, Скорино.

для прыжка к обобщению, очень полезному, ценному и чреватому выводами в практической работе» [Там же].

Очевидно, что для писателя критик ценен именно как авторитетный представитель, с одной стороны, культурного поля, с другой стороны, общественных сил. Профессиональная критика для Бажова – это актуализация литературы в социальном пространстве, в пространстве, где возможна «практическая работа». Как видно, последний логический шаг выводит на уже знакомые мотивы культуры как общественно значимого поля, в котором, по мысли писателя, усилия отдельных людей должны смениться четко скоординированной работой научных и творческих социальных институтов²⁶².

Отношение писателя к литературоведам не многим отличается от оценок критиков. Ирония часто сквозит в эпистолярных рассуждениях о них.

«Ваши уважаемые собраты прошлого – литературоведы и критики — к этому времени уже полностью “признали и оценили” Чехова и даже общими усилиями дотолкали его до “Палаты № 6”, “Мужиков” и др. произведений этой группы» [Л. И. Скорино; 20.09.1944; КП 21322 Л.3].

«...Для корреспондента нарочито придумана фамилия сплав – из латинского слова *optimo* и русского — махать, для акцизника подобрана из старого медицинского учебника, где геморрой назывался почечуем (у литературоведов и бухгалтеров начинается раньше, чем у представителей других профессий)» [Там же, Л.7].

«Понятно, почему у Бальзака типы, встречающиеся в его произведениях, считаются тысячами. Сколько тысяч, – это литературоведы знают до тонкостей, а почему он так разбогател – это почему-то остается в тени» [Е. А. Пермяку; 30.09.1946; НВФ 5108 Л.114].

²⁶² Ср., например, такие рассуждения Бажова: «Университет у нас до сих пор не стал общественно-заметным, в “Уральском рабочем” положение знаете, а Совет краеведения превратился в кормушку для людей, из которых с трудом наберешь трех праведников» [Е. А. Пермяку; 7.08.1946; НВФ 5108 Л.60]; «С историей Урала у нас плохо так, что и хуже не может быть. Займется же когда-нибудь наш университет этим непаханным полем, над которым теперь увидишь лишь малюсенькую горсточку людей, вооруженных доисторическими орудиями производства» [Е. А. Пермяку; 18–20.11.1945; НВФ 5108 Л.32].

Подобная позиция, очевидно, является следствием принципиальной установки Бажова на творческий процесс как на процесс в существенной степени иррациональный. Как видно, основной упрек заключается в схематичности и механистическом подходе литературоведения. «Терминологическая постановка»²⁶³ вопросов, по Бажову, чаще всего не в состоянии уловить стихийную суть произведения, тогда как ее игнорирование приводит к ситуации совершенного непонимания того или иного писателя. «Может быть, это мое невежество, но мне почему-то сдается, что смех молодого Чехова, его национальные особенности до сих пор остаются белым пятном на литературоведческой карте», – пишет он Скорино, настаивая: «...по-моему, сила этой вещи»²⁶⁴, в частности, и в том, что она подана в манере “Пестрых рассказов”, а не “хмурых людей”, как “Палата № 6”, “Спать хочется” и др. произведения, которые критикой прошлого особо выделялись, а читателем и прошлого и настоящего чаще всего пропускаются. И вовсе не потому, что тема мрачна. “Дачники” не менее страшная вещь, но только подана в той национальной манере, которая формулируется: “Коли живешь, реветь рано, а умрешь, тогда поздно”» [Л. И. Скорино; 20.09.1944; КП 21322 Л.7].

При этом, если «белые пятна» и могут быть изучены, исследованы, если творчество писателя может обрести в литературоведении актуальные и продуктивные повороты, то не менее существенна для Бажова и та область творческого феномена, которая не поддается научному анализу. Вероятно, наиболее ярко подспудное желание писателя выделить некую сакральную область в лаборатории подлинного искусства, которую не нужно трогать, нельзя подвергать рациональным объяснениям, выражается в уже цитированном фрагменте письма к Скорино: «...издание писем А. П. Чехова. Там много блеску, немало всяких литературоведческих ключей и отмычек, но это все-же как-то приземляет его, придает ему черты просто мастера высшего разряда, а мне этого не хочется. Для меня он несо-

²⁶³ В одном из писем к Скорино писатель замечает: «Я же, как Вам известно, не очень умею анализировать, не привык к абстрагированному мышлению и не настолько грамотен, чтоб понимать вопросы в терминологической постановке литературоведов» [Л. И. Скорино; 18.09.1945; КП 21327 Л.1].

²⁶⁴ Имеется в виду рассказ “Человек в футляре”.

измерим, несравним, почти стихийен» [Л. И. Скорино; 27.10.1945; КП 21328 Л.2]. Тот же мотив невозможности анализа, неразложимости произведения на приемы как признак подлинного искусства звучит во фрагменте о картине Ван Гога: «...Не могу понять, чем это достигается, но впечатление вполне определенное и неотразимое. Под картиной издевательски-проникновенная надпись: “На пороге вечности”. Чувствуете? На такую штуку способны лишь подлинно одержимые от искусства» [Е. А. Пермяку; 1945; НВФ 5108 Л.48].

Подводя итоги, стоит заметить, что обсуждаемые в этом разделе явления близки Бажову не только как писателю, но и как человеку, который непосредственно занимался и редакторской, и издательской, и критической деятельностью (лишь литературоведческую работу можно отнести к разряду единичных случаев). Поэтому, вероятно, наиболее продуктивным будет акцент не столько на теоретической составляющей приведенных размышлений (об аргументированности и вероятной спорности которых и сам Бажов периодически оговаривается – «Может быть, это мое невежество...»; «Литературоведы это, конечно, разобьют вдребезги, но ведь не возбраняется и покустарничать в домашнем порядке...» и т.д.), сколько на практические, прагматические интенции писателя, которые являются прямым следствием его убеждений.

Именно в суждениях о категориях данного раздела проявляются, на наш взгляд, фундаментальные принципы эстетики Бажова, вписывающие литературу в самый широкий и, между тем, весьма подробный, конкретный жизненный контекст. И если с одной стороны литературное творчество имеет в своей основе «не-соизмеримые, почти стихийные» явления жизни (такие, как языковая стихия, наитие, неисчерпаемая образность народного устного творчества), то с другой стороны литература взаимодействует с самыми, быть может, прозаическими, бытовыми подробностями этой же жизни – проблемами с издательскими планами, субъективности редакторской правки, бестолковостью и невежеством критики и т.д. Однако, по Бажову, эта же сторона литературы и делает ее реальной общественной силой (отсюда и его любовь к «книжке», к «авторским экземплярам» как

к некому символу материализованности, объективированности художественных усилий автора в реальном мире, отсюда же, между прочим, и бесспорное уважение к редакторам и издателям, имеющим непосредственное отношение к этому процессу). Для Бажова очевидно, что только книга, напечатанная и дошедшая до читателя, может стать объективным событием, фактом искусства и культуры, а затем действительно сыграть ту или иную роль в процессе становления общества. Без редактора и издателя индивидуальный творческий процесс останется бесполезным, невостребованным, ненужным.

Сложно обойти вниманием и вторую характерную черту бажовской эстетики в ее социальном разрезе. Это почти безграничная вера в силу подлинно художественного слова. Однако с существенной оговоркой. Сам являясь фигурой бесспорно исторического масштаба, Бажов и в искусстве видит феномен мироздающего порядка, но, прежде всего, настойчиво проводит в своих письмах мысль о соположении индивидуального творческого начала с общим ходом жизни, культуры, мироздания: «Уж очень огромен наш язык, и каждый из нас перед ним козявка козявкой». Наряду с писательскими задачами по освоению жизненного и языкового материала Бажов требует от настоящего художника осмысления своего места в общем культурном поле, складывающемся и из деятельности других творцов, и из восприятия читателей, но и из деятельности редакторов, издателей, критиков, литературоведов. Залогом масштабности силы, возможностей искусства в целом он видит внутреннюю упорядоченность, скоординированность сил единичных, отдельно взятых талантов²⁶⁵. Иначе говоря, безграничность общих, коллективных творческих сил напрямую зависит от самоосознания ограниченности сил частных, индивидуальных. Оттого неслучайны систематические попытки Бажова донести свое самоопределение в «ранге» собственного дарования²⁶⁶, но

²⁶⁵ См.: «С А.А. Сурковым мне было гораздо легче. Тут все ясно. Человек сам горит в жизни, и это горение отражается в стихе. Майтр'ом от него не пахнет. Говорит о себе, как об одном из заместителей поэтических вакансий в ожидании тех настоящих поэтов, для которых творчество переходного периода будет лишь удобрительным туком. С таким вот легко и свободно говорить!» [Е. А. Пермяку; 2.05.1944; НВФ 5108 Л.79–80].

²⁶⁶ См.: «Ведь я занимаюсь только обработкой фольклорного материала. Правда, состою членом Писательского Союза и даже веду организаторскую работу, но подлинным писателем, в высоком смысле этого слова, то есть че-

еще более программна его установка на, так скажем, государственное мышление в вопросах организации литературного процесса. Большие возможности для него подразумевают не только большую ответственность, но и огромную стратегическую и тактическую работу по расстановке «боевых единиц»²⁶⁷, в которой необходимо учитывать максимальное количество факторов, деталей, условий, будь то глобальные, бытийные «язык», «наитие», «жизнь» или же бытовые нюансы – порядок на писательском столе²⁶⁸, цена за книжку²⁶⁹, годовой план городской типографии.

2.2 Проблемы систематического описания эстетических воззрений

П. П. Бажова на материале его эпистолярного наследия

Так как задачей второй части нашего исследования является анализ литературной проблематики, так или иначе возникающей в письмах П. П. Бажова, но одной из задач всей работы намечалось осмысление цельности всего корпуса писем, в заключительном разделе данной части необходимо как сведение всех предыдущих рассуждений в связную эстетическую систему писателя, так и осмысление места этой системы в рамках эпистолярия в целом.

Приступая к разговору об эпистолярных размышлениях Бажова как о дискурсе, в котором репрезентируется вполне последовательная и законченная система творческих установок писателя, нужно заметить, что существуют два веду-

ловеком, который художественными средствами решает важнейшие проблемы жизни, считать себя не могу» [В. Г. Лымарю; 7.10.1946; НВФ 6950 Л.20].

²⁶⁷ Ср. письмо С. А. Тельканову: «Рад, что ты сел за повесть. Что ни говори, стихи – высокое оружие, а проза – пешота, то есть основная сила литературы» [25.10.1947; НВФ 7492 Л.4].

²⁶⁸ См.: «Распределить же работу по-другому не умею. Меня вон тут учил один американствующий дядя, как надо работать, да я оказался неспособным учеником. Даже конверты подписываю саморучно. Глупость, может быть, это, но не упрямство, а привычка, от которой, знаете, не так-то легко освободиться и в более раннем возрасте, а старикам и пытаться не стоит. Да и в литературной работе техническая часть не совсем канцелярия. Сколько ни правишь вещь, а начни переписывать или перепечатывать, обязательно видоизменишь. И не всегда к худшему» [Е. А. Пермяку; 14.11.1946; НВФ 5108 Л.116].

²⁶⁹ См.: «Издание “Малахитовой шкатулки” мне понравилось. Технически книжка сделана неплохо. Бумага, печать, краска, переплет – все довольно прилично. Цена, конечно, высокая, но при малом тираже она тоже вполне оправдана. Интересно только, не выйдет ли затоваривания на этой книжке. Все-таки ведь в Латвии не могут так знать сказы, чтоб стали их покупать по такой высокой цене. Если не затруднит, не откажитесь через некоторое время сообщить, как пойдет книжка» [К. М. Федоровичу; 19.04.1948; НВФ 7494 Л.3].

щих принципа, проявляющиеся, на наш взгляд, и непосредственно в творчестве, и в событийной канве жизни Бажова, и, конечно, нашедшие свое отражение в его письмах.

Первый из них можно охарактеризовать как постоянный поиск конструктивного, продуктивного сопряжения единичного и общего, индивидуального и универсального. Настаивая на необходимости *своего* взгляда, *своих* тем и *своих* задач, соответствующих *своим* же возможностям и способностям, Бажов никогда не игнорирует и вопрос некой встроенности той или иной деятельности в общий процесс. Будь то собственная приверженность, например, к исторической тематике, которая к середине 40-х годов стала очевидно проблемным жанром в плане конъюнктуры, но, по мысли писателя, окажется востребованной позже («Сам понимаю трудность положения. А бросать тоже не думаю. Раз выдержал свою длинную полосу боязни демонического в советской литературе, то дождусь и демаркации, что в истории нам всегда нужно, что вовсе не нужно» [Л. И. Скорино; 17.09.1946; КП 21330 Л.2]). Или же творческая манера другого литератора, не вписывающаяся в современные тенденции, но реализующая ценные для искусства творческие установки (в письме к Л. К. Татьяничевой по поводу публикации ее стихов он пишет: «...Впрочем, эта публика вряд ли поймет в полную меру прелесть образа “сосны босые сбегают с задымленных скал”. В лучшем случае, прикроют многоспальным одеялом “счастливых находок”. Ну, и пусть! Мы-то знаем, что эти находки не приходят на писательский столик ни с книжных полок, ни с городских улиц, даже идеально асфальтированных, как знаем и то, что подлинную любовь нельзя подменить виртуозностью версификации» [Л. К. Татьяничевой; 26.07.1945; НВФ 6977 Л.1]). Очевидно, что Бажову чуждо творчество «в стол», как чуждо и творчество для заведомо небольшой, «узкой» аудитории. И, собственно, в принципиальном сопряжении этих зачастую взаимоотрицающих стремлений писатель избирает ту позицию, при которой индивидуальное творческое начало становится максимально востребованным, полезным обществу и культуре (то есть как минимум публикуется, имеет читателя, а в идеале – продук-

тивно включается в развитие литературного процесса²⁷⁰), но не теряет той питательной почвы, на которой сохраняет свою оригинальность, своеобразие.

Второй принцип заключается в сознательном сохранении определенной доли стихийности, непредсказуемости в любом рациональном, упорядочивающем умопостроении. Безусловно, для Бажова творческий, художественный акт в значительной степени предполагает именно аналитическую деятельность – обобщение, выявление закономерностей, поиск логики в беспорядке жизненных явлений. Однако не менее важным для писателя остается некая «живительная» мера хаоса. Неслучайно, что удачное произведение он определяет как «неожиданное», а крупное писательское дарование для него прежде всего стихийно, непостижимо в рациональных и логических категориях (см. высказывания о Чехове).

Нужно заметить и то, что мера непредсказуемости закладывается Бажовым не только в непосредственный процесс создания текста, но и в творческую стратегию в целом. Отсюда и его призыв уходить от «кастовой замкнутости» писательского сообщества (характерно, что в письмах Союз советских писателей возникает лишь в сугубо бытовых аспектах, совершенно не осмысляясь в качестве источника положительной творческой энергии); и восприятие действительности как соавтора²⁷¹; и чрезвычайный интерес к откликам самых разных читателей как к возможности постижения механизма взаимодействия человеческого сознания с уже готовым художественным текстом (на наш взгляд, именно этим интересом продиктованы множество письменных обращений от «не откажитесь через некоторое время сообщить, как пойдет книжка» до «И еще такой уговор. Всякий, кто прочитает книжку, должен мне ответить на вопрос: кто из трех мальчиков больше понравился и почему?»²⁷²).

²⁷⁰ См.: «И какая все-таки это изумительная вещь, этот фольклор. <...> Отсюда вывод, что тем, кто грешен этим, надо держаться плотнее, рассчитывая группой сильнее воздействовать на окружение» [Д. Д. Нагишкину; 30.02.1945; НВФ 6971 Л.1].

²⁷¹ Ср. высказывание о романе И. С. Сигова: «Даже самый обалделый от литературных канонов не может не почувствовать в этой работе струю той первозданной красоты и силы, которую никому не дано выдумать, кроме самого великого художника, именуемого жизнью».

²⁷² Письмо написано школьникам г. Златоуста. Вовлечение детей в разговор о прочитанном – общее место всех подобных писем.

Указанные принципы составляют, скажем так, поле напряженного взаимодействия, взаимовлияния и пересечения краеугольных для эстетического сознания Бажова понятий. И фундаментальными здесь необходимо считать три феномена, слагающих, по мысли писателя, пространство, в котором происходит любой творческий процесс. Речь идет о триаде жизнь-язык-индивидуальное творческое начало, вокруг которой выстраивается эпистолярный дискурс Бажова, достаточно исчерпывающе осмысляющий и проговаривающий комплекс творческих и эстетических установок писателя.

Оппозиция жизни (или жизненного материала, действительности) и языка во многом обусловлена отношением Бажова к слову как к ресурсу, с помощью которого происходит осмысление действительности человеком (подчеркнем – любым человеком, далеко не только литератором). Через слово происходит некое закрепление текучей, быстро меняющейся жизни, при этом особо ценным для Бажова является коллективная ипостась языка («Уж очень огромен наш язык, и каждый из нас перед ним козявка козявкой»). Язык становится средоточием подчас уникальной информации, так как является результатом мыслительной деятельности огромного количества людей, ведь в расчет берется не только синхронный срез языка на современном этапе (а значит в процессе уже задействованы миллионы людей, говорящие, к примеру, на русском языке), но и языковой материал в его исторической перспективе, и тогда язык концентрирует в себе наблюдения, мысли, оценки целого народа, его многовековой опыт. Таким образом, писательская деятельность, по Бажову, обретает ценность уже потому, что именно писатель, благодаря своей «профессиональной» близости к языку, получает возможность реализовать хотя бы часть той познавательной мощи, которая в нем кроется²⁷³.

²⁷³ Ср. высказывание о крестьянских письмах: «Какие ситуации, сколько материала для самых неожиданных поворотов, а язык! О! Это то самое, что только в молодости присниться может. Я уже об этом писал восторженную страницу в “Краеведческих истоках”, да разве это выразишь. Каким надо быть сухарем и чурбаном, чтоб не испытать воздействия этой первозданной красоты. Да посадите на это дело на целых семь лет человека чеховского дарования, чтобы он сделал!» [Л. И. Скорино; 20.09.1944; КП 21322 Л.8].

Легко заметить, что сформулированное нами положение прежде всего согласуется с творческой манерой самого Бажова. Притом язык сказов, с очевидной авторской установкой на реализацию специфики речи уральских жителей, нельзя назвать отдельным явлением в масштабе всего творчества. Пристальный интерес к слову как к важнейшему источнику информации просматривается и в «Уральских былях» 1924 года, и в упомянутом нами письме-шифровке 1919 года: «говор тоже мешаный: старорусское мост – пол, переплелось с сибирским сутунком, хохлацким – трошки, польским – жупаном, паперками и пр.» [В. А. Бажовой; начало 1919; КП 23216 Л.4]²⁷⁴

Вторая оппозиция, жизнь – индивидуальное творческое начало, помимо всего того, что уже было сказано о первостепенном значении «знания материала в писательской работе», интересна с точки зрения распределения названных категорий хаоса и упорядоченности, всеобщего и индивидуального. Очевидно, что для Бажова жизнь, действительность является наиболее масштабным, всепоглощающим феноменом: любые эстетические умпостроения писателя рано или поздно обнаруживают конечную цель – сделать факт искусства, культуры фактом действительности, так или иначе материализовать, вдвинуть в физическую реальность результаты работы в реальности эстетической²⁷⁵. Таким образом, принцип взаимодействия авторского начала с жизненным материалом становится, по сути, круговым – писатель черпает из жизни то, что он должен творчески осмыслить и сделать... жизнеспособным, вернуть в процесс той же жизни. Стоит заметить, что такое построение, казалось бы, замкнутого круга в системе взглядов Бажова не является ситуацией дурной бесконечности, а как раз напротив – выражает глубинную специфику мировоззрения писателя.

²⁷⁴ Более того, в повести «За советскую правду» (1926), теснейшим образом переплетающейся с письмом, этот мотив станет одним из ведущих – речевые характеристики героев неотъемлемы от образной системы произведения.

²⁷⁵ Ср. «Ваш объект, который, как видите, пока что анализирует, но не унывает и чаёт воскресения мертвых до 17 века включительно. Не с тем, чтоб рассматривать старую одежду-обузу, на которой насажены преувеличенно красные заплатки порой в самых неподходящих местах, а для того, чтоб нашим современникам можно было перемолвиться запросто. Нашим, скажем, внешторговцам спросить у внешторговцев времен Алексея Михайловича: "Как бы вы поступили с кротовловами: руки бы им рубили, или кафтаны жаловали?" А те бы и рассказали: - У нас случай похитрее был, так мы вот что придумали...» [Л. И. Скорино; 17.09.1946; КП 21330 Л.3].

Отсюда вполне понятно, что жизнь, по Бажову, становится средоточием стихийности, непредсказуемости, как, впрочем, и всеобщности. Тогда как авторское начало и принципиально индивидуально, единично и в максимально возможной степени упорядочено, выстроено (заметим, что эта упорядоченность не абсолютна – некоторая степень необъяснимости, «неожиданности» необходима и здесь, достаточно вспомнить размышления о Чехове). То есть в данном случае оппозиция авторского и жизненного начала имеет характер неких крайних, полярных точек, без взаимодействия которых, однако, невозможно дальнейшее развитие (можно предположить, что такая логика и выстраивала характерный бажовский дискурс, когда создается ощущение, что полемика, противоречивость, парадоксальность заложена в нем на имманентном уровне, является структурно необходимой: *«Считайте это – ересью, а я продолжаю думать [курсов наш – Г. Г.], что знание материала в писательской работе должно занимать первое место, а не второе», «Литературоведы это, конечно, разобьют вдребезги, но ведь не возбраняется и покустарничать в домашнем порядке», «Ересь это или нет? Это уж Вы разберите, а мне так кажется».*)

И, наконец, третья оппозиция, которую, опираясь на письма писателя, можно считать одной из основополагающих, это оппозиция авторского начала и языка. Опять же оппозиция, обусловленная и почти диаметрально расходящимися сущностями, и обязательностью их взаимодействия. Наиболее показательными и здесь оказываются категории порядка и всеобщности. Язык является для Бажова единственным феноменом, приближающимся по масштабу к феномену жизни. И прежде всего таковым его делает абсолютно непостижимая безграничность возможностей, способность вместить (а главное – хранить) в слове невероятное количество подробностей, нюансов, живых черточек человеческого существования как в пространстве, так и во времени. Вместе с тем язык и слово, в отличие от самой действительности, все же имеют механизмы некоторой упорядоченности, правильности, логичности.

Собственно, в этом и заключается обоснование бажовской модели творчества: жизнь совершенно безгранична в своих вариациях и проявлениях, она неисчислима и не поддается никакой логической схематизации; творческие усилия автора принципиально единичны в этой безразмерности, а все, что он может противопоставить стихии действительности – это некая художественная логика, способная осмыслить, зафиксировать тот или иной ее фрагмент, обратив его «дикий» потенциал в хотя бы отчасти управляемую энергию²⁷⁶; и в этой ситуации творческого противостояния человека и жизни (очевидно, неравного) поистине уникальным ресурсом является именно слово – творение, с одной стороны, человеческого, рационального происхождения, с другой же стороны, имеющее коллективное авторство тысяч и миллионов творческих начал²⁷⁷.

Исходя из этого, можно утверждать, что именно в поле напряжения взаимодействия автора и языка разворачивается творческий акт, скажем так, лабораторный этап творчества. И если, как мы уже показывали, непосредственно написанию текста, подбору нужных слов в нужном порядке в эпистолярной Бажова уделено крайне мало внимания, то о выстраивании художественной логики, приемах осмысления мира в художественных образах и деталях, в конце концов, о творческом методе писатель говорит много и достаточно подробно. Представляется, что и здесь можно выделить три опорных момента, с одной стороны, «хрестоматийных» для большинства писателей, с другой стороны, осмысленных Бажовым в достаточной мере оригинально, а потому во многом определяющих специфику его поэтики.

Речь идет о выделении писателем в любой творческой мысли трех линий: линии рациональной, логической (можно сказать, исследовательской), линии образного мышления и эмоциональной подоплеку творческого акта.

²⁷⁶ Можно заметить, что данное рассуждение вполне применимо к программной для писателя ситуации Данилы-мастера и его каменной чаши: «Вот мне и припало желание так сделать, чтобы полную силу камня самому поглядеть и людям показать».

²⁷⁷ Характерно замечание Бажова о постановках сказов на сцене, то есть переводе художественного слова на театральный язык: «А вообще-то не очень высок театральный потолок. Не то выходит, что хотелось бы видеть. Или тут большое преклонение перед установленными канонами?» [Е. А. Пермяку; 15.08.1944; НВФ 5108 Л.26].

«Пусть знают, что всякий может послужить искусству, если его самого какая-нибудь разновидность искусства хотя бы на примитивнейшем ткацком станке взволнует, и ему захочется это свое волнение как-то передать. Для того, чтобы передать, понадобится, конечно, настоящим образом изучить все, связанное с тем или другим явлением и особенно теми пунктами, которые вызывают твое волнение, а слово, характер придет в процессе изучения». В этом фрагменте легко увидеть, во-первых, принципиальную установку Бажова на теснейшее переплетение всех трех линий. А во-вторых, не менее важный для него момент, связанный с универсальностью, доступностью для «всякого» предлагаемого механизма, алгоритма служения искусству.

И действительно, из приведенных нами фрагментов видно, что в письмах и к только пробующим силы, и к уже состоявшимся коллегам писатель, по сути, последовательно проводит именно эту мысль, с той лишь разницей, что в каждом конкретном случае он смещает акцент на ту или иную недостаточно, по его мнению, реализованную линию. В письмах к Е. А. Пермяку, опытному литератору, у которого нет недостатка ни в образности мышления, ни в эмоциональности подачи материала, общим местом становится призыв к тщательной исследовательской работе. В письмах к поэтам-новичкам, понимая невысокую степень актуальности аналитической, научной работы в их произведениях, но изначально подразумеваемую эмоциональность поэтической натуры, наиболее частотны рассуждения об особой образной природе языка стиха. Не менее характерны его замечания о неудачных работах вполне признанных писателей, когда неудача напрямую связывается с недостатком чистой, высокой с нравственной точки зрения авторской эмоции, заложенной в произведении²⁷⁸. Стоит заметить, что и отмеченная уста-

²⁷⁸ Ср. едкий комментарий по поводу деятельности поэта А. Я. Гольдберга: «Повидал и подоплеку литературы: там это с особой отчетливостью показал Гольдберг с Кировского завода (помните тот, что справлялся о стоимости подмосковных дач). Он, - этот Гольдберг, - разгорячившись по какому-то случаю, козырнул цифрой, что за годы войны он написал 37 с половиной тысяч строк стихов. Попробуйте перевести это на язык бухгалтерии! Стало понятно, что стоимость дачи в шестикратном выражении такого многострочного поэта не удивляет» [Е. А. Пермяку; 6.08.1945; НВФ 6973 Л.6]. Или, например, одно из рассуждений по поводу исторической несостоятельности романа Е. А. Федорова «Демидовы»: «роман писался, грубо говоря, не отходя от кассы, под девизом: “Не обскакал бы кто”. Тут не до распутывания вопросов. Гораздо скорее пересказать что попикантнее. Тем более условия удобные: сколько-нибудь серьезной истории уральской металлургической промышленности нет, а всякого рода анекдотики

новка Бажова на чрезвычайный демократизм в искусстве реализуется, в том числе, и в его, на первый взгляд, довольно противоречивой стратегии, когда писатель благожелателен даже к откровенно графоманским литературным попыткам, однако, может быть достаточно резок по отношению к куда более талантливым авторам.

Между тем, наибольший интерес, конечно, вызывает наложение данной формулы на творческую практику самого Бажова. Дело в том, что, во-первых, довольно разнородное (в том числе, и по эстетическим достоинствам) творчество писателя от «Уральских былей» (1924) до «Дальнего-близкого» (1949) сопровождается вполне монолитным, последовательным, не проявляющим каких-то значительных эволюционных изменений эпистолярным дискурсом по эстетическим вопросам. Во-вторых, высшие достижения в сказовой прозе, до сих пор воспринимаемые как чрезвычайно самобытные, во многом уникальные в русской литературе тексты, как кажется, меньше всего укладываются в сформулированные, более чем традиционные авторские эстетические установки.

Однако, эти противоречия поверхностны и объяснимы именно в предлагаемых координатах непосредственной работы над текстом, творческого акта²⁷⁹. Так, первое противоречие снимается хотя бы тем фактом, что названный «набор» исследовательских, художественных и эмоциональных интенций характерен для абсолютно всех произведений писателя. Стремление к упорядоченному, объективному, во многом напоминающему научно-исследовательскую манеру повествования отчетливо просматривается и в первых очерках и в последней повести²⁸⁰.

много. В роде Демидовых Никит немало. Это тоже удобство: можно дедам приписать то, что делали внуки. Автор так и делает» [А. А. Суркову; 1945; НВФ 7491 Л.8]

²⁷⁹ В противовес распространенным в современной литературе рассуждениям о большом значении различных конъюнктурных соображений в творческой эволюции Бажова.

²⁸⁰ Показательно, что научно-исследовательский аспект отмечается во всех работах исследователей-историков творчества Бажова, И. Ф. Плотникова, Д. В. Гаврилова, А. В. Иванова. Например, Иванов пишет: «Как это ни парадоксально, именно труды человека, не являющегося профессиональным историком, оказались наиболее содержательными и информативными в ряду региональных исследований, опубликованных в 1930-1940-е годы» (Иванов А. В. Павел Петрович Бажов – историк Гражданской войны на Урале // П. П. Бажов в меняющемся мире : сб. ст. Екатеринбург : Объединенный музей писателей Урала, 2014. С. 50). Гаврилов отмечает: «Сейчас невозможно правильно понять и верно оценить многие события и явления уральской жизни конца XIX – начала XX вв. без учета скрупулезно подобранных или подмеченных зорким глазом современника ярких фактов и описаний, содержащихся в исторических очерках, автобиографических рассказах и повестях, воспоминаниях П. П. Бажова» (Гаври-

Художественно выписанные образы действующих лиц также характерны для всего корпуса произведений писателя. Достаточно вспомнить колоритные галереи горнозаводских типажей «Уральских былей», бергульских староверов из повести «За советскую правду» (1926) или красноармейцев из «Формирования на ходу» (1936).

Стержневой для всего творчества Бажова можно считать и определенную эмоционально-субъективную интенцию. Так, в кратком предисловии к книге «За советскую правду» автор пишет: «Партизанское движение в Сибири не раз освещалось в воспоминаниях участников и в художественной литературе.<...> Но мне кажется интересной и та полоса, когда движение еще не оформилось, но уже везде чувствовалось [курсив наш – Г. Г.]». И впоследствии никогда не отказывается от личной, субъективной оценки как от важного фактора рождения замысла книги²⁸¹. Неслучайным кажется и, к примеру, такой комментарий исследователя И. Ф. Плотникова по поводу «Дальнего–близкого»: «Для повести характерно соединение краеведческой точности и эмоциональности влюбленного в свой город жителя»²⁸².

Таким образом, методологическая последовательность явно присуща Бажову на протяжении всего творческого пути – в любом его произведении обнаруживается характерный комплекс авторских задач, решать которые ему, хоть и с разной степенью успеха, но удается.

В буквальном смысле выдающийся эстетический прорыв «Малахитовой шкатулки», на первый взгляд, не укладывается в эту стратегию. В сказах нет исследовательской обстоятельности, образность нарратива возрастает на несколько порядков (притом, как в качественном отношении, так и в количественном – лаконичные прозаические тексты, можно сказать, насквозь поэтичны²⁸³), авторская

лов Д. В. П. П. Бажов как историк // Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире : материалы межвузовской научной конференции. Екатеринбург, 2004. С. 54).

²⁸¹ Ср., например, признания Л. И. Скорино по поводу замысла повести «Зеленая кобылка».

²⁸² Плотников И. Ф. Исторические очерки в творчестве П. П. Бажова // Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. С. 192.

²⁸³ Неслучайно, одно из наиболее частотных «званий» Бажова – это *певец* Урала.

позиция, его оценки совершенно теряются на фоне сильнейшего образа старика-повествователя. Однако, на наш взгляд, сказовая проза является реализацией все той же бажовской триады, к которой он пришел в 20-е годы и осмыслял до конца жизни. И творческий прорыв произошел не в связи с отходом от нее, а в связи с совершенно незаурядным экспериментом, основанным на привязке к тем же традиционным категориям литературного творчества совсем нетрадиционного материала²⁸⁴.

Если внимательно присмотреться, то наличие в сказах всех трех линий безусловно. Без блестящего знания бытового и исторического материала, без тщательной языковой отделки каждого образа, наконец, без очевидного пристрастия к уральской земле и веры в уникальность ее истории и культуры феноменальный успех «Малахитовой шкатулки», очевидно, был бы невозможен. Попутно заметим, что эти мотивы же составляют проблемно-тематический костяк эпистолярного наследия Бажова как цельного эстетического высказывания. Новаторским являлось то, что к решению каждой из трех задач писатель подошел, скажем так, с альтернативной стороны.

Так, исходным материалом для произведений стали не только, а порой и не столько, традиционные исторические источники (документальные и книжные), сколько фольклорные предания и легенды, народная история.

Психологический и сюжетно-событийной рисунок, система персонажей, логика повествования также не сводятся ни к чисто фольклорным источникам, ни к научно-исторической, рациональной логике, при этом обнаруживая незаурядную для художественной, авторской литературы близость и к тому, и к другому.

Максимально эффектную и эффективную реализацию получила и чрезвычайная внимательность Бажова к языку, словам. Аутентичные диалектизмы или же окказионализмы писателя, созданные на основе языковых наблюдений (такие, например, как живинка, простяга, запокапывало), синтаксические приемы, беру-

²⁸⁴ Распространенное мнение о политическом и идеологическом протесте Бажова, как кажется, может иметь место лишь в вопросе, что заставило решиться, подтолкнуло писателя на этот эксперимент, но не может рассматриваться как значимый эстетический фактор.

щие начало в своеобразии народных речений, становятся не только чисто стилистической находкой, в существенной степени опознавательной для «бажовского языка», но и во многом обеспечили понятие художественного мира сказов, его эстетическую цельность, вопреки, например, многим сюжетным и психологическим «нестыковкам»²⁸⁵. Можно сказать, что к таким объективным творческим ресурсам, как история и фольклор, Бажов прибавил ресурс языковой, сделав слово не только традиционным *инструментом* писательской работы, но и неким почти самоценным *объектом* художественного показа.

Интересным решением сказовая форма является и в плане реализации подтекста авторских оценок и позиций. Эмоциональная нагруженность, субъективное авторское начало ощущается в сказах вполне отчетливо (аксиологические системы писем и художественных текстов Бажова, безусловно, очень близки), при этом часто встречающийся в таких случаях ущерб эстетической ценности зачастую отсутствует²⁸⁶.

Заметим, что такой методологический сюжет творческого пути писателя «пересказывается» и в предложенных категориях субъективно-объективного и рационального-стихийного. Так, в поисках сопряжения в творчестве субъективного и рационально-упорядочивающего авторского начала и объективной беспорядочности реальности Бажов уже в первых своих произведениях обнаруживает стремление к некому принципиальному балансированию между общепризнанными, наиболее распространенными схемами восприятия того или иного явления и конкретным, *лично* увиденным и явно не вписывающимся в эти схемы. Необходимо подчеркнуть, что писатель придерживается именно баланса, не отбрасывая вовсе ни готового, *ожидаемого* образа мысли, ни наблюдений, способных его опрокинуть. На таком сопряжении, очевидно, и созданы убедительные типажи горнозаводского населения «Уральских былей», которые, с одной стороны, не

²⁸⁵ См.: Жердев Д. В. Поэтика сказов // Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. С. 308.

²⁸⁶ Пожалуй, самым убедительным аргументом здесь нужно считать феноменальный успех Бажова среди массового читателя. По многочисленным воспоминаниям, произведения писателя очень быстро обрели и до сих пор сохранили статус «народных», выражающих систему ценностей очень внушительной части общества.

претендуют на абсолютную уникальность – их описания даны в довольно строгой, исследовательской манере (нередко с помощью цифр, статистики, экономических данных), принципиально вписаны в контекст исторического процесса России. С другой же стороны, систематически вписанные в такую «сухую» подачу материала живые зарисовки действительно расшатывают привычную схему восприятия, к примеру, взаимоотношений приказчика и подчиненных ему рабочих, рабочих завода и «чертознаев» (людей, кормящихся от промысловой деятельности), младшего и старшего поколения заводского поселка. При этом, речь идет именно о расшатывании, приглашении конструктивно задуматься над многообразием закономерностей жизни, но не напрочь отказаться от того или иного стереотипа. Характерно и то сочетание авторских интенций, которое будет сопровождать все дальнейшее творчество Бажова. Рационалистичность, почти научная строгость нарратива «мирно» соседствует с художественно насыщенными фрагментами, выражая, как кажется, вполне осознанную творческую позицию, при которой образное, художественное мышление и фактологический, исследовательский подход являются взаимодополнительными по отношению друг к другу. Эта установка на поиски максимально эффективного гибрида беспристрастного научного взгляда и субъективности, единичности взгляда художника, по причине их явной «беспомощности» при попытках применения по отдельности, отчетливо просматривается как во всех произведениях писателя, так и не раз проговаривается в письмах²⁸⁷.

Параллельно с данным процессом поиска содержательного плана (обратим внимание, что тематика несказового творчества довольно пестра – горнозаводский быт рубежа XIX-XX вв. в «Уральских былях», жизнь мирного населения сибирских городков во время Гражданской войны в повести «За советскую правду», боевая история партизанского движения в «Бойцах первого призыва» и «Формировании на ходу», коллективизация в повести «Через межу», дореволюционные

²⁸⁷ Совершенно прямо об этом говорится во фрагменте о тагильском вокзале (с. 130), красной линией эта же установка проходит через все размышления писателя об истории как творческом источнике (см. соответствующий раздел).

массовые волнения в повести «К расчету!», история и культура Екатеринбурга в «Дальнем-близком» и т.д.²⁸⁸) не менее важным нужно признать поиск и, как его результат, эволюцию плана формального. И одной из наиболее ярких линий этой эволюции, безусловно, является линия усложнения языка произведений. Сам Бажов охарактеризовал свою первую книгу как «работу в простейшем, мемуарном роде», что кажется справедливым – язык «Уральских былей» еще во многом укладывается в публицистический стиль писателя. В последующих работах художественное напряжение текстов очевидно сопровождается и все более тщательной и изощренной стилистической работой. Представляется закономерным, что высшая точка творческого расцвета характеризуется, помимо прочего, и высшими достижениями Бажова в словесном мастерстве.

Такая тенденция может объясняться, прежде всего, теми эстетическими исканиями писателя, которые мы охарактеризовали как сопряжение упорядоченности и стихийности. И если степень порядка, логичности, последовательности художественной реальности напрямую зависит от собственно художника, его творческого начала, то необходимая для художественной значимости степень живости, стихийности для Бажова находится именно в языковом материале, в работе с языком как с серьезнейшим ресурсом образности, изобразительности²⁸⁹. Достаточно вспомнить, что в письмах наивысший эстетический восторг у Бажова вызывается очень коротким «списком» авторов: «самый великий художник, именуемый жизнью», «почти стихийный» Чехов и крестьянские письма в редакцию «Крестьянской газеты». Легко заметить, что и сам писатель в сказовых текстах добивается той ситуации, когда словесная ткань становится едва ли не самостоятельным эстетическим объектом, чей эффект во многом является действительно

²⁸⁸ При этом и сказовое творчество представляет собой далеко не монолитный тематический комплекс, в котором даже стержневая принадлежность к проблемам истории и культуры Урала нарушается сказом «Дорогой земли вилок».

²⁸⁹ Интересным в этом вопросе фрагментом представляется совет Бажова Б. С. Рябинину: «У тебя в рассказах почти вовсе нет или очень редки “играющие слова”, и это, на мой взгляд, не вполне понятно. Не все же время ты обращаешься в кругу себе подобных интеллигентов, где *ценное слово* только в анекдоте и то в большой чести фривольном. Или ты не привык ни при чтении, ни при разговоре следить за словом. У тебя даже как-то нет “ребячьих слов”, хотя встречи ведь бывают и нередко» [Б. С. Рябинину; 1945; НВФ 6975 Л.6].

«играющим»), независимым от автора. Говоря же иначе, эстетический прорыв сказов заключается в находке Бажовым тщательно сбалансированного сочетания авторского начала и собственной, стихийной выразительной силы языка. Ярким примером может послужить свидетельство Е. А. Пермяка об одной из реакций на творчество Бажова: «... И у нас в Свердловском баешник есть. Только он без придума, готовые байки берет. Услышит какую побасее, живехонько в тетрабочку занесет, а потом начисто перемахнет на хорошую бумагу и в “Уральский рабочий” стащит»²⁹⁰.

И, наконец, третий, интенсивно осмысляющийся Бажовым в письмах, аспект литературного процесса – отношения читателя и писателя. С одной стороны, эти отношения обуславливают для него ту необходимую жизнеспособность литературы, о которой говорилось выше («...чтоб нашим современникам можно было перемолвиться запросто...»), т.е. ввести художественный текст в реальную жизнь, по сути, материализовать его²⁹¹.

С другой стороны, в поле этих же отношений входят и такие представители литературного сообщества, как редактор, издатель, критик, литературовед, задачей которых, по Бажову, является, во-первых, сделать произведение доступным читателю, а во-вторых, ввести это произведение в поле культуры в целом. Посредством профессиональной оценки, интерпретации, выявления культурологических связей эти институты обязаны поместить результат работы творческой индивидуальности, единицы в сферу коллективной творческой интенции человека по отношению к жизни, притом на то место, на ту позицию, которая позволит ему максимально плодотворно влиять на самые глобальные культурные процессы нередко и государственного порядка²⁹².

²⁹⁰ Пермяк Е. А. Долговекий мастер : о жизни и творчестве Павла Бажова. М., 1974. С. 190. Подобная распространенная реакция неискушенного читателя на бажовские тексты, демонстрирует то, что автору действительно удается слиться с изображаемым миром, подобно хорошему пловцу, которого вода «сама несет».

²⁹¹ Вероятно, отсюда чрезвычайное внимание Бажова к книге в *ее материальности* – изданию, оформлению, цене (доступности). Понятным становится его немного небрежное отношение к авторским гонорарам, но строгость к рассылке авторских экземпляров. В связи с этим же напрашивается вывод, что писание «в стол» Бажову абсолютно чуждо именно по причинам эстетического порядка.

²⁹² Достаточно вспомнить приводимые многочисленные сетования писателя в адрес издателей, редакторов, критиков, которые «не видели главного или видели его не так, как надо».

Нетрудно заметить, что эстетическому мышлению Бажова присущ действительно внушительный масштаб, в котором рядовой читатель обнаруживает взаимосвязь со структурами целого государства, а самый скромный начинающий писатель способен сделать вклад в развитие культуры всего общества (и здесь опять прослеживается та сакраментальная для писателя линия сопряжения индивидуальности и всеобщности, частности и закономерности). Между тем, обвинить его ни в упрощении, ни в излишней схематизации культурных процессов нельзя. Условия такого участия, вклада и уровень ответственности, которые налагаются Бажовым на каждого участника, если призадуматься, жестки и обдуманно.

Кажется уместной аналогия с таким направлением в физике, как синергетика, когда ученый ставит перед собой задачу анализа того или иного явления природы не в какой-то замкнутой системе, лишенной влияний непредсказуемых внешних сил (так называемой, математической модели), а в системе, где возможны самые неожиданные события, в системе с определенной долей хаоса. Бажов не просто не схематизирует творческий, литературный, культурный процессы, но принципиально вдвигает изначально умозрительную эстетическую систему в поле взаимодействия уже совершенно реальных сил и факторов действительности, т.к. только в этом случае вызванная объективными причинами потребность человека и в самой эстетической сфере, и в систематическом представлении об этой сфере может стать объективно полезной, нужной, а следуя логике писателя, и определенно необходимой.

Впрочем, сам Бажов в письмах подсказывает и другую аналогию, если вспомнить его не однажды встречающееся сравнение поэзии с артиллерией, а прозы – с пехотой. Логика писательского дискурса выстраивает его эстетические суждения в систему, напоминающую некие *стратегические* выкладки. Прагматика, отчетливая установка на конкретные цели²⁹³; сложная рекогносцировка сил и

²⁹³ По терминологии П. Бурдьё, создателя теории литературного поля, такая прагматика заключается в борьбе за «символический капитал». Необходимо сказать, что применение данной теории к творческому и эпистолярному наследию Бажова кажется очень перспективным, но требует очень обширного и тщательного анализа, который не представляется возможным в рамках нашей работы.

факторов, задействованных в анализируемом процессе; стремление к выработке определенного алгоритма, плана действий; ценность умения одновременного оперирования «боевыми единицами» и «видения поля» в целом; наконец, понимание своих целей как по-настоящему серьезных и жизненно необходимых для большого числа людей – все это сильно сближает манеру эстетического мышления писателя с мышлением военных стратегов²⁹⁴.

В частности, представляется плодотворным выстраивание логики внутрижанровой эволюции сказов в существенной опоре на традиционно внелитературный контекст, притом учитывая не только некие крупные исторические события и явления²⁹⁵, но и менее яркие исторические процессы, которые, однако, судя по письмам, серьезно волновали Бажова.

Так, просматривается интересная параллель идеи сказа «Дорогой земли виток» и некоторых эпистолярных высказываний об организационных перипетиях, связанных со столицей: «Самый бестолковый, небось, это понятие имеет, что в Москве наш головной узел завязан, и про то слышал, что там, на Красной площади самый дорогой земли виток. Такого нигде больше не найдешь, потому как там крупинки со всякого места есть. Коли на такой, всякому родной, земле огни зажгут, *так еще поспорить надо, кому они яснее светят*: тому ли, кто близко стоит, али тому, кто на краю нашей земли живет»²⁹⁶. При таком подходе возможно выстроить во вполне связную цепочку и принцип Бажова о первой публикации в «Уральском рабочем», и важную для него мысль об отстаивании региональной специфики как о деле прежде всего связанном с государственностью, и о ясно просматриваемой интенции творчества писателя по осмыслению Урала и в его

²⁹⁴ Трудно не вспомнить тот факт, что с 1948 года постоянно живший в Свердловске маршал Г. К. Жуков и П. П. Бажов очень быстро сблизились и дружили до смерти писателя (Жуков был одним из тех, кто нес его гроб на торжественной панихиде). См. об этом воспоминания В. А. Старикова, Е. Е. Хоринской, А. П. Бажовой-Гайдар (Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове / сост. В. А. Стариков. М., 1978)

²⁹⁵ Некоторые достаточно успешные попытки в этом направлении были предприняты лишь по отношению к циклу «Сказы о немцах». Впрочем, во многом эти попытки связаны и с очевидностью связи этих текстов с обстановкой в стране, и с прямыми публичными автокомментариями писателя.

²⁹⁶ Цит. по : Бажов П. П. Избранные произведения : в 2 т. М., 1964. С. 494.

краевой уникальности, и в то же время, принципиальной принадлежности к России в целом²⁹⁷.

Другим примером может послужить фундаментальный для всего бажововедения сюжет о самоидентификации Бажова как не самоценного автора, а лишь литератора-фольклориста, «работающего на готовом материале». Прослеживая этот сюжет по письмам, можно сказать, что, во-первых, он придерживался этой позиции до конца жизни. А во-вторых, набор его аргументов далеко не исчерпывался его скромностью или же соображениями о «проходимости» текстов. Так, в разрезе чисто творческом, коль скоро он считал художественный образ, порожденный зачастую иррациональным, неподдающимся логике творческим сознанием, за основную единицу художественной состоятельности произведения в целом, а сказовые образы относил к достижениям именно коллективного сознания, то кажется справедливым, что и успех сказов автор не мог относить полностью к своим заслугам. Но к этому нужно прибавить и то, что популярность «Малахитовой шкатулки», ее символический капитал, Бажов, верный своей культурологической системе ценностей, мог абсолютно искренне предпочитать «тратить» на развитие не авторитета «творческой единицы», а на реализацию того культурного потенциала, который он видел в истории, фольклоре, региональных ресурсах языка²⁹⁸.

Таким образом, при всей теоретической значимости, выстроенности, законченности размышлений Бажова, все же наиболее убедительным в вопросе об их актуальности и ценности стоит считать, конечно, творческие опыты писателя, которые, как мы попытались показать, вполне укладываются в некую практическую

²⁹⁷ Ср.: «Путь развития этого города настолько своеобразен, что надо удивляться близорукости наших историков и экономистов, которые до сих пор не догадались заняться всерьез этим городом» [Л. И. Скорино; 18.09.1945; КП 21327 Л.1]. Вместе с тем, в другом письме Бажов указывает: «Нехорошо звучит и слово уралец, как что-то особое, географическое. Уральцы – люди как люди. Есть между ними и рослые и низкорослые, сильные и слабые, и нет оснований выделять их в особую группу» [Александр Александровичу; 8.08.1946; НВФ 7022 Л.1].

²⁹⁸ Очень ярким примером и в аспекте позиции Бажова в данном вопросе, и в аспекте многогранности его видения ситуации представляется следующий фрагмент из письма П. С. Комарову, в котором, делаясь впечатлениями о творчестве Н. П. Задорнова, автор с явным раздражением пишет: «...мне, как фольклористу, первая книга кажется интереснее. Там больше краевой лексики, которой у нас почему-то стали так бояться. Не понимаю, откуда это идет: из желания ускорить процесс вокабулирования языка, из “перепончатых” высказываний А. М. Горького или из боязни запутаться в оценке и отборе “новых” слов, но в книге “Амур-батюшка” уже не встретишь той языковой непосредственности, неожиданности и свежести, как в первой книге» (18.8.1946).

часть собственной теории. Притом стоит заметить, что творческий феномен Бажова вписывается в его же эстетические построения не только там, где авторское начало играет определяющую роль, т.е. в принципах работы над произведением. Многие из созданного писателем продолжают следовать авторским интенциям и по выходе из-под пера, при погружении в культуру, жизнь, историю. О вкладе Бажова, большом и разноплановом, в уральскую, русскую и мировую культуру говорить не приходится – этому посвящено немалое количество работ. Но сколь убедителен этот успех, сколь масштабно культурное влияние его текстов, столь же необъяснимы механизмы этого явления – чаще всего попытки понять секреты мастерства заканчиваются либо слишком общими высказываниями о таланте, творческой удаче и счастливом стечении обстоятельств, либо существенными натяжками и игнорированием не вписывающихся в концепцию фактов, тогда как письма отчетливо свидетельствуют, что специфический для отечественной традиции культурный резонанс сказов был в немалой степени заложен уже на этапе замысла, притом совершенно сознательно и обдуманно.

Как мы попытались показать, эпистолярное наследие писателя представляет собой материал, позволяющий говорить о Бажове как о по-настоящему оригинальном мыслителе, мировоззрение которого полноценно понять можно лишь при учете сложной аналитической системы внутренних предпосылок и ориентиров, внешних факторов, а также характера их взаимосвязи.

Заключение

Научный потенциал эпистолярного наследия П. П. Бажова можно рассматривать в трех плоскостях, условно разводящих три смысловых пространства такого рода текстов, как письма писателя.

Первую плоскость составляет фактологический слой эпистолярия, то есть совокупность сведений, позволяющих сделать тот или иной вывод исторического или биографического характера. Несмотря на довольно высокую степень изученности жизни и деятельности писателя, письма стоит признать важным источником подобной информации. Переписка с издательствами позволяет расширить список прижизненных изданий. Дружеские письма и письма родным открывают не только сугубо бытовые детали, но и указывают на факты, имеющие значение для любого биографа – к примеру, различные сведения о состоянии здоровья писателя, о постоянных болезнях на протяжении сороковых годов, об угрозе полной слепоты и т.д.

Безусловно, здесь же стоит упомянуть и о ценности писем как документов эпохи, а учитывая масштаб личности и роль Бажова в культурном процессе, их незаурядный потенциал в вопросах истории страны, культуры, литературы. Автор писем довольно часто оказывается свидетелем самых примечательных явлений жизни, притом свидетелем весьма наблюдательным и способным ярко запечатлеть это явление. Достаточно вспомнить письмо-шифровку 1919-го года, изображающее старообрядческую деревню Бергуль, или письма, рисующие обычаи и нравы Пермской духовной семинарии. Характерные для Бажова любознательность и широчайший кругозор делают из его писем богатый источник наблюдений далеко не только за близкими ему по профессии областями жизни (писательское и издательское сообщество, например). Представляют интерес и впечатления писателя от поездок в Москву, Ильменский заповедник или колхозы Артинского района, и замечания по поводу научной конференции или заседания по вопросу передачи гранильного дела, и отрывки мемуарного характера, где Бажов, вспоми-

ная тот или иной отрезок своей жизни, дает весьма информативные с исторической точки зрения бытовые зарисовки.

Вторая плоскость, в которой эпистолярный является уже по-настоящему уникальным источником – это плоскость личностного начала. Письма позволяют проникнуть в сферу внутреннего мира пишущего с максимально возможной достоверностью. Психологические установки, характер, эмоциональная подоплека известных нам биографических сюжетов практически не поддаются рациональному анализу, их крайне сложно однозначно вывести из совокупности событий или поступков. При этом именно внутренние интенции нередко составляют ту логическую цепочку, на которую можно нанизать наиболее полный ряд событий внешних.

Судя по воспоминаниям современников писателя, Бажов довольно часто объяснял свои поступки и оценки тех или иных ситуаций отнюдь не прагматическими соображениями и здравым смыслом. Именно внутренние движения, сугубо субъективные ориентиры нередко руководили им и в быту, и в профессиональной деятельности. Как вспоминает о своем отце А. П. Бажова-Гайдар, «...заниматься огородом как земельным участком отцу было скучно, и он всегда что-нибудь придумывал. Так, однажды весь наш сад и огород расцвел белыми, Красными, розовыми маками ширли, семена которых отец откуда-то выписал. В другой раз на самом лучшем участке огорода был посажен турнепс, и отец водил всех смотреть, как из земли вылезают его могучие лиловые плоды. Турнепс уродился. Отец очень гордился урожаем и уверял, что он хотя и невкусен, но страшно полезен»²⁹⁹. А вот признание самого писателя о времени написания первых сказов в передаче В. А. Старикова: «Не всякий свою тропку в жизни сразу находит, - медленно заговорил Павел Петрович глуховатым голосом. — Вот и я тому пример... — Он помолчал. – Выдалась такая невеселая полоса в моей жизни, когда я оказался не у дел. Ну, и взялся всякие давние задумки обрабатывать. Так и получилась эта книжка. Как говорится, велению сердца подчинился <... > Правду говорят — нет

²⁹⁹ Бажова-Гайдар А. Глазами дочери // Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове. М., 1978. С. 49.

худа без добра. И, признаюсь вам, начал я сказы писать как бы для того, чтобы боль свою потушить... Думал: никому это не нужно, сам себе сказки рассказываю, все равно без своей работы жить не могу. А что сказы интерес вызвали, это меня самого удивило. Я, признаться, и не надеялся, что их опубликуют. Думал, может, пойдут они в народе вроде побасенок, а кто их сочинил, важно ли? И так ладно...»³⁰⁰.

Подтверждает эту установку и эпистолярный материал. Можно привести немало фрагментов, в которых Бажов демонстрирует логику размышлений, при которой рациональные доводы явно уступают в приоритете доводам субъективным. Но письма обнаруживают и то, что такая расстановка приоритетов абсолютно не случайна, а является выношенной, принципиальной жизненной позицией. Иначе говоря, Бажов не просто поддается чувствам и эмоциям, вопреки доводам разума – следование внутренним, иррациональным ощущениям для него и является разумным и рациональным. Это приводит к выводу о существенной значимости личностного начала как в вопросах биографического порядка, так и в проблемах, касающихся жизненной и творческой стратегии писателя. Однако на действительно конструктивный уровень данные рассуждения выходят с привлечением третьей плоскости эпистолярного наследия. А именно, плоскости, в которой комплекс эпистолярных текстов является репрезентацией мировоззрения автора.

Как было показано во второй части исследования, письма Бажова могут быть богатым источником эстетических воззрений писателя, более того способны подсказать некие ключевые позиции, исходя из которых, непосредственно творчество становится вполне последовательной реализацией этих воззрений. И все же необходимо признать, что бажовский эпистолярный дискурс тяготеет к сведению и ряда биографических фактов, и вольно или невольно проговариваемых личностных интенций, и эстетических установок в единое, концептуально организованное целое. Другими словами, при всей обширности контекста, в рамках ко-

³⁰⁰ Стариков В. Встречи сквозь годы // Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове. М., 1978. С. 244–245.

того происходил поиск опорных категорий эстетической системы Бажова, выход в еще более отдаленные от литературы сферы его жизни (такие, например, как семейную или хозяйственную) будет оправдан и продуктивен.

Как уже неоднократно подчеркивалось, мировосприятие писателя столь гетерогенно, но при этом цельно, что принципиальная связь всего со всем становится одной из фундаментальных установок его сознания и мышления. Реализуется эта установка и в эпистолярном дискурсе. В частности, письма демонстрируют вполне актуальную (но что еще интереснее, вполне обыденную, закономерную, привычную для бажовского склада ума) связь мировой культуры и повседневности даже в сугубо бытовом разрезе. Как видно, мир литературы и окружающая повседневность в восприятии Бажова находятся в состоянии естественного взаимопроникновения. Но те же письма позволяют заметить не менее интенсивную взаимосвязь, например, истории и фольклора, промышленности и культуры, языка и политики. Полифоничное, многослойное сознание писателя избегает каких-либо четких границ между всеми этими «частями». Уходит оно и от строгой системы приоритетов: Бажову чуждо отдать в своих размышлениях решительное предпочтение личному или профессиональному, индивидуальному или общепринятому – каждый раз он ищет естественный баланс, созидательное сочетание. И тогда творческие принципы становятся неотделимы от жизненной стратегии так же, как и жизнь систематически сплетается с творчеством, профессией, бытом.

Таким образом, проблемно-структурный анализ писем писателя вскрывает коренную установку и его восприятия мира, и творческих интенций по отношению к этому миру – установку на многослойную, многосоставную и сложную, но естественную, принципиальную и функциональную цельность. Притом цельность, в которой каждая составляющая сколь зависима от остальных, столь же и равноправна по отношению к ним. В такой ситуации становится объяснимой такая черта бажовского эпистолярия, как чрезвычайная пестрота и разнообразие тем, адресатов, коммуникативных ситуаций, сочетающаяся с последовательно выраженной авторской индивидуальностью и в плане стилистическом, и в плане

идейном. Комплекс основополагающих мировоззренческих положений в той или иной степени, но проявляется и в письмах внукам, и в переписке с коллегами-литераторами.

При таком положении любое исследование, опирающееся на эпистолярный материал, неизбежно приобретает некий экстенсивный характер, когда вопросы, связанные с биографией, в обязательном порядке актуализируют проблемы творческой стратегии, которые, в свою очередь, обусловлены и особенностями личности писателя, и спецификой исторического момента или всей эпохи.

Стоит заметить, что такой подход не нов, но, во-первых, в рамках довольно мощной традиции изучения жизни и творчества П. П. Бажова он остается нереализованным. Во-вторых, чрезвычайный разброс мнений, точек зрения, концепций даже по самым общим вопросам, который весьма характерен для современного состояния бажоведения свидетельствует о том, что, несмотря на безусловно немалые успехи и достижения исследователей, творческий феномен писателя не получил достойное своему масштабу научное осмысление (при более чем внушительном влиянии на культуру в целом).

Исходя из этого, к вышеназванным пунктам научной ценности эпистолярного наследия писателя необходимо прибавить, пожалуй, наиболее актуальный для современных исследователей его творчества потенциал эпистемологического характера. Потенциал, при реализации которого велика вероятность прежде всего методологического прорыва, что, как кажется, является на данный момент самой насущной необходимостью и наиболее перспективным направлением в научных изысканиях, связанных с именем П. П. Бажова.

Библиографический список

1. Абашев В. В., Абашева М. П. Литература и география. Урал в геопозитике России / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Вестник Пермского Университета. История. – 2012. – Вып. 2 (19). – С. 143-151.
2. Абашев В. В. Урал в пространстве России. Геопозитические доминанты / В. В. Абашев // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов. Пермь: изд-во Пермского университета, 2005. – Вып. 8. — С. 238-247.
3. Айхенвальд Ю. Письма Пушкина / Ю. Айхенвальд // Пушкин. – Москва: Типо-литография творчества И. Н. Кушнерев и Ко, 1916. – С. 26-41.
4. Акимова Т. П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX-XX вв.) : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Т. П. Акимова. – Волгоград, 2016. – 421 с.
5. Акишина А. А. Письмо как один из видов текста / А. А. Акишина // Русский язык за рубежом. – Москва, 1982. – № 2. – С. 57–63.
6. Аккубеков Р. Ю. Интерпретация башкирских сказок о животных в сказе П. Бажова «Золотой волос» / Р. Ю. Аккубеков // Йадкар : Вестник АН РБ. Гуманитарные науки. — Уфа, 2004. — № 4. — С. 137–141.
7. Алексеев М. П. Письма И. С. Тургенева / М. П. Алексеев // Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем: в 28 т. Т.1. – Москва ; Ленинград, 1961. – С. 15–144.
8. Антипина Т. Д. История одной фотографии... / Т. Д. Антипина // Творческий поиск. — Екатеринбург : Свердл. обл. универс. науч. б-ка, 2004. — С. 62–65.
9. Арутюнян Э. Б. Функционирование речевого этикета в королевском эпистолярном наследии (XV-XIX вв.) : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Э. Б. Арутюнян. – Санкт-Петербург, 2000. – 226 с.
10. Астафьева Н. А. Бажов писал в Златоуст / Н. А. Астафьева // Урал. — 1991. — № 1. — С. 172–174.

11. Атанасова-Соколова Д. Письмо как факт русской культуры XVIII-XIX веков / Д. Атанасова- Соколова. – Будапешт: EFO, 2006. – 272 с.
12. Ахметшин Б. Г. Отражение быта и устной поэзии башкир в сказах Бажова / Б. Г. Ахметшин // Фольклор народов РСФСР : Межвузовский научный сборник. Вып. 6. — Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1979. – С. 74-81.
13. Бажов В. Е. Воспоминания о дедушке / В. Е. Бажов; предисл. и ред. Ю. Конецкого. — Екатеринбург, 2003. — 71 с.
14. Бажов П. П. Записка К. В. Боголюбову от 1 июля 1949 г. / П. П. Бажов // Южный Урал. — 1951. — № 5. — С. 69.
15. Бажов П. П. Избранные произведения : в 2 т. / П. П. Бажов. — Москва : Художественная литература, 1964.
16. Бажов П. П. Избранные произведения / П. П. Бажов. — Москва : Правда, 1986. — 445 с.
17. Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. / П. П. Бажов. — Свердловск: Кн. изд-во, 1955. – 272с.
18. Бажов П. П. Сочинения : в 3 т. / П. П. Бажов. — Москва : Гослитиздат, 1952.
19. Бажов П. П. Сочинения : в 3 т. / П. П. Бажов. — Москва : Правда, 1976.
20. Бажов П. П. Творцам великого сказа / П. П. Бажов // Уральский рабочий. — 1943. — 19 окт. – С. 1.
21. Бажова-Гайдар А. П. Глазами дочери / А. П. Бажова-Гайдар; предисл. Е. Пермяка. — Москва : Советская Россия, 1978. — 193 с.
22. Бажова-Гайдар А. П. Дом на углу : воспоминания о моем отце / А. П. Бажова-Гайдар. — Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1970. — 88 с.
23. Бажовская энциклопедия / ред. сост. В. В. Блажес, М. А. Литовская ; Ин-т истории и археологии УрО РАН, Урал. гос. ун-т, Объед. музей писателей Урала. — Екатеринбург : Сократ ; Изд-во Урал. ун-та, 2007. — 639 с.

24. Батин М. А. Литературные истоки сказов П. Бажова / М. А. Батин // Урал. — 1973. — № 9. — С. 141–147.
25. Батин М. А. Некоторые вопросы литературного творчества (беседы с П. П. Бажовым) / М. А. Батин // Уральский современник. — 1952. — № 20. — С. 136–164.
26. Батин М. А. П. Бажов и Г. Ибсен / М. А. Батин // Бирюковские чтения. — Челябинск, 1974. — С. 54–59.
27. Батин М. А. Павел Бажов / М. А. Батин. — Москва : Современник, 1976. — 262 с.
28. Батин М. А. Творчество П. П. Бажова / М. А. Батин. — Свердловск : Кн. изд-во, 1953. — 284 с.
29. Белинский В. Г. Письма : в 3 т. / В. Г. Белинский. — Санкт-Петербург, 1913–1914.
30. Белов С. В. Ф. М. Достоевский в неизданной переписке / С. В. Белов // Север. — 1991. — № 11. — С. 152–160.
31. Белова А. В. Лингвопрагматическая характеристика обратимой эпистолярной коммуникации: на материале переписки Ал. П. Чехова и А. П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Белова. — Санкт-Петербург, 2005. — 152 с.
32. Белунова Н. И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX первой четверти XX века как объект лингвистического исследования (коммуникативный аспект) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н. И. Белунова — Санкт-Петербург, 2000. — 475 с.
33. Берендеева И. А. Стратегия и практика житнетворчества в эпистолярном наследии А. Блока 1900-х годов : на материале писем к Л. Д. Менделеевой и А. Белому : диссертация ... кандидата фило-логических наук : 10.01.01 / И. А. Берендеева. — Тюмень, 2010. — 188 с.
34. Беттузия Н. Особенности структуры текста русской корреспонденции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Беттузия. — Москва, 1984. — 26 с.

35. Бирюков В. П. Уральская копилка / В. П. Бирюков. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1969. – 192с.
36. Блажес В. В. «Институт заводских стариков» в оценке П. П. Бажова / В. В. Блажес // Фольклор народов РСФСР. — Уфа, 1979. — Вып. 6. — С. 81–86.
37. Блажес В. В. Журналист Вл. Ильичев и П. Бажов / В. В. Блажес // Урал. — 2008. — № 8. — С. 248-254.
38. Блажес В. В. О фольклоризме бажовских сказов. Полемические заметки / В. В. Блажес // Литература и фольклор. Фольклор Урала. Вып. 2. – Свердловск : изд-во Уральского гос. ун-та, 1976. – С. 79-97.
39. Блажес В. В. П. П. Бажов и рабочий фольклор: учебное пособие по спецкурсу для студентов филологического факультета / В. В. Блажес. — Свердловск: Изд-во Уральского государственного университета, 1982. – 104 с.
40. Блинохватова В. М. Русско-французский билингвизм российского дворянства первой половины XIX века (на материале писем) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В. М. Блинохватова. – Ставрополь, 2005. – 179 с.
41. Боголюбов К. В. Народный писатель : к 5-летию со дня смерти П. П. Бажова / К. В. Боголюбов. — Свердловск : Свердловское кн. изд-во, 1955. — 30 с.
42. Богуславская Н. Е., Купина Н. А. Этикет письма / Н. Е. Богуславская, Н. А. Купина // Функционирование литературного языка в уральском городе : сб. науч. трудов. – Свердловск, 1990. – С. 26-34.
43. Бурдые П. Политические позиции и культурный капитал / П. Бурдые // Социология политики. – Москва : Socio-Logos, 1993. – С. 99–118.
44. Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 562 с.
45. Вараксина Л., Светачева А. Не только талант поэтический / Л. Вараксина, А. Светачева // Дальний Восток. — 1981. — № 7. — С. 145–146.
46. Вересаев В. В. Гоголь в жизни : Систематический свод подлинных свидетельств современников / В. В. Вересаев. – Харьков : Прапор, 1990. – 680 с.

47. Вересаев В. В. Пушкин в жизни : Систематический свод подлинных свидетельств современников / В. В. Вересаев. – Москва : Московский рабочий, 1984. – 703 с.
48. Веселов П. В. Современное деловое письмо в промышленности / П. В. Веселов. - Москва, 1990.
49. Виденеева Е. Г. Частные письма как источник изучения русского письма / Е. Г. Виденеева // Вопросы истории изучения рус. яз. XIX–XX вв. ; отв. ред. Г.И. Добродомов. М., 1988. – С. 18–27.
50. Винокур Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. – Москва : Высшая школа, 1991. – 448 с.
51. Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика / П. А. Вяземский. – Москва, 1984. — 464 с.
52. Гельгардт Р. Р. Стиль сказов Бажова : очерки / Р. Р. Гельгардт. — Пермь : Пермское кн. изд-во, 1958. — 482 с.
53. Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем : в 21 т. / А. И. Герцен Петроград : Лит. изд. Наркомата по просвещению, 1919-1923.
54. Гинзбург Л. Я. «Застенчивость чувства» (По поводу писем людей пушкинского круга) / Л. Я. Гинзбург // Красная книга культуры. – Москва, 1989. – С. 183-188.
55. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград : Художественная литература, 1977. – 443 с.
56. Гиппиус В. В. Гоголь / В. В. Гиппиус. – Ленинград, 1924. – 237 с.
57. Гоголь в письмах и воспоминаниях / под ред. В.Гиппиус. – Москва, 1931. – 496 с.
58. Гончаров И. А. Собрание сочинений : в 8-ми т. Т. 8. Статьи, рецензии, заметки. Письма / И. А. Гончаров. – Москва : Художественная литература, 1980. – 559 с.

59. Григорьева А. С. Статистическая структура русского эпистолярного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. С. Григорьева. — Ленинград, 1981. — 181 с.
60. Гроссман Л. П. Культура писем в эпоху Пушкина / Л. П. Гроссман // Письма женщин к Пушкину. — Москва, 1928. — С. 7-33.
61. Груздева А. Быт уральских заводов в сказах П. П. Бажова / А. Груздева // Домострой. — Екатеринбург, 2004. — № 9. — С. 38–40
62. Гулякова И. Г. Об эпистолярном стиле В. П. Астафьева (на материале писем М. Н. Кураеву) / И. Г. Гулякова // Мир русского слова. — Санкт-Петербург, 2002. — № 1. — С. 64-72.
63. Гуртуева Э. М. Деловое письмо: Пособие по развитию навыков письменной деловой речи для студентов национальных групп неязыковых вузов / Э. М. Гуртуева. — Ташкент, 1991. — 94 с.
64. Гусева Л. Г. Устаревшая лексика в сказах П. П. Бажова / Л. Г. Гусева // Ономастика и диалектная лексика. — Екатеринбург, 2004. — Вып. 5. — С. 116–134.
65. Данкер З. М. Функционально-семантическая организация текста письма (ситуация установления контакта) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / З. М. Данкер. — Санкт-Петербург, 1992. — 243 с.
66. Дмитриева Е. А. Специфика языка сказов П. П. Бажова как отражение особенностей исторической эпохи / Дмитриева Е. А., Шубина Н. Г. // Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох. — Белгород, 2006. — С. 159–164.
67. Достоевский Ф. М. Письма : в 4 т. / Ф. М. Достоевский ; сост. и комм. А. С. Долинин. — Москва; Ленинград : ГИЗ и др., 1928 – 1959.
68. Дубленных В. В. П. П. Бажов как историк / В. В. Дубленных // Летописцы родного края : (очерки об исследователях истории Урала). — Свердловск, 1990. — С. 126–142.

69. Дубровский П. С. Этика детского труда в народных промыслах: по сказам П. П. Бажова / П. С. Дубровский // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2005. — № 2. — С. 244–251.
70. Дюжев Ю. Письма писателей солдатам / Ю. Дюжев // Север. — 1976. — № 3. — С. 127.
71. Езовских Н. А. Здравствуйте, Павел Петрович! : очерки и размышления / Н. А. Езовских; вступ. ст. Н. В. Кузнецовой. — Невьянск, 2000. — 171 с.
72. Езовских Н. Поездки в «Зарю» / Н. Езовских // На смену! — 1977. — 8 окт. — С. 8.
73. Емушинцев В. Депутат / В. Емушинцев // Рабочая правда. — 1978. — 28 нояб. — С. 6.
74. Жердев Д. В. «Тайная сила» бажовских сказов и мир Полевского завода : эссе / Д. В. Жердев // Вопросы истории культуры. — Екатеринбург, 1997. — Вып. 1. — С. 45–56.
75. Жердев Д. В. Бинарность как элемент поэтики бажовских сказов / Д. В. Жердев // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 6. — 2003. — № 28. — С. 46–57.
76. Жердев Д. В. Игра реального/ирреального в сказах П. П. Бажова / Д. В. Жердев // Традиционная культура. — 2002. — № 3. — С. 33–39.
77. Жердев Д. В. Поэтика сказов П. П. Бажова : автореферат дисс. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Д. В. Жердев. — Екатеринбург, 1997. — 24 с.
78. Жил на Урале великий русский сказитель: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения П. П. Бажова (19–20 февр. 2004 г.) / Нижнетагил. соц.-пед. акад. — Н. Тагил, 2004. — 100 с.
79. Зашихин Е. С. П. П. Бажов как историк Гражданской войны / Е. С. Зашихин // Образ Урала в документах и литературных произведениях (на материале XX в.). — Екатеринбург, 2008. — С. 132–133.

80. Золотина А. Ю. П. П. Бажов: страницы истории / А. Ю. Золотина // Архивные ведомости. — 2009. — 28 февр. — С. 10.
81. Зорина Т. П. К проблеме эпистолярного стиля / Т. П. Зорина // Учен. зап. МГПИЯ им. Мориса Тореза. Т. 55. — Москва, 1970. — С. 38–44.
82. И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвис. — Москва : Русский путь, 2004. — 584 с.
83. Иванов А. Угорский архетип в демонологии сказов Бажова / А. Иванов // Филолог. — Пермь, 2004. — Вып. 5. — С. 19–26.
84. Казеко Т. Н. Разговорная речь и бытовые письма / Т. Н. Казеко // Вопросы стилистики ; отв. ред. О. Б. Сиротинина. — Саратов, 1984. — Вып. 23. — С. 97–112.
85. Кецба Л. Н. Место эпистолярного стиля в системе функциональных стилей / Л. Н. Кецба // Известия литературы, языка и искусства. — 1971. — № 3-4. — С. 94 -99.
86. Ковалева Т. В. Лингвопрагматический аспект текста «письмо» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. В. Ковалева. — Москва, 1993. — 24 с.
87. Колядич Т. М. Воспоминания писателей: Проблемы поэтики жанра / Т. М. Колядич. — Москва : Мегатрон, 1998. — 276 с.
88. Куликов А. Сказ П. П. Бажова «Медной горы хозяйка» как инцестуозно-симбиотическая фантазия / А. Куликов // Russian Imago 2000 : исследования по психоанализу культуры. — Санкт-Петербург, 2001. — С. 117–129.
89. Кухаренко В. А., Нижникова В. А. Письмо как текст: письма Э. Хемингуэя в оригинале и переводе / В. А. Кухаренко, В. А. Нижникова // Перевод и интерпретация текста. — Москва, 1988. — С. 203-212.
90. Лазарев А. И. Региональные аспекты изучения фольклора и литературы / А. И. Лазарев // Региональные аспекты изучения литературы и фольклора (на материале Урала). — Челябинск, 1984. — С. 4–16.

91. Лазарев А. И. Тип уральца в изображении русских писателей / А. И. Лазарев // Вестник Челябинского университета. Сер. 2. Филология. — 1997. — № 1. — С. 30–42.
92. Лазарева Л. Н. Этнографический фольклоризм сказов П. П. Бажова / Л. Н. Лазарева // Проблемы типологии литературного фольклоризма. — Челябинск, 1990. — С. 83–91.
93. Лазарчук Р. М. Дружеское письмо второй половины XVIII в. как явление литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. М. Лазарчук. — Ленинград, 1972. — 234 с.
94. Лазарчук Р. М. Переписка Толстого с Т. А. Ергольской и А. А. Толстой и эпистолярная культура конца XVIII – первой трети XIX в. / Р. М. Лазарчук // Л. Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. — Ленинград, 1979. — С. 85 — 90.
95. Лазарчук Р. М. Проза Радищева и традиции эпистолярного жанра / Р. М. Лазарчук // XVIII век. Сб. 12. А. И. Радищев и литература его времени. — Ленинград : АН СССР, 1977. — С. 72-82.
96. Лернер Н. О. Проза Пушкина / О. Н. Лернер. — Москва, 1923. — 112с.
97. Липатов В. А. Мифологема «Урал» и мир бажовских сказов / В. А. Липатов // Литература: мир и реальность. — Казань, 2003. — С. 175–179.
98. Липатов В. А. Полнится малахитовая шкатулка / В. А. Липатов // Уральский рабочий. — 1973. — 11 сент.
99. Липовецкий М. Зловещее в сказах Бажова / М. Липовецкий // *Quaestio Rossica*. — 2014. — №2. — С. 212-230.
100. Литовская М. А. «Фабульные крючочки и петельки»: поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова / М. А. Литовская // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2014. — №2(127). — С. 8-17.
101. Литовская М. А. Авторская реструктуризация мифологии места: бажовский Екатеринбург / М. А. Литовская // Дергачевские чтения — 2004 : русская

литература: национальное развитие и региональные особенности. — Екатеринбург, 2006. — С. 449–454.

102. Литовская М. А. Бажов и символическое пространство Екатеринбурга / М. А. Литовская // Региональные культурные ландшафты : история и современность. — Тюмень, 2004. — С. 31–38.

103. Литовская М. А. Жанровопорождающее значение образа в творчестве П. П. Бажова / М. А. Литовская // Кормановские чтения. — Удмуртский государственный университет. — Ижевск, 2009. — Вып. 8. — С. 216–224.

104. Литовская М. А. Проблема формирования региональной мифологии: проект П. П. Бажова / М. А. Литовская // Осоргин : художник и журналист. — Пермь, 2006. — С. 188–197.

105. Литовская М. А. Содержательные основы жанровых номинаций прозы П. П. Бажова / М. А. Литовская // Дергачевские чтения — 2008 : русская литература: национальное развитие и региональные особенности — Екатеринбург, 2009. — Т. 2. — С. 177–186.

106. Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского / Д. С. Лихачев // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — Ленинград : Наука, 1979. — С. 183–214.

107. Лихтман Р. И. Язык писем / Р. И. Лихтман // Язык и личность. — Москва, 1989. — С. 196 – 205.

108. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера–история / Ю. М. Лотман. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 447 с.

109. Лукьянин В. П. Не прошлое дело / В. П. Лукьянин // Урал. — 1984. — № 1. — С. 172–178.

110. Лукьянин В. П. Согласно, но вопреки. П. П. Бажов как «художник социалистического реализма» / В. П. Лукьянин // Урал. — 2004. — №1. — С. 77-96.

111. Лунегов И. Как я стал селькором / И. Лунегов // Уральский следопыт. — 1977. — № 3. — С. 62.

112. Магомедова Д. М. Переписка как целостный текст и источник сюжета (на материале переписки Блока и Андрея Белого, 1903-1908 гг.) / Д. М. Магомедова // *Динамическая поэтика: От замысла к воплощению*. – Москва, 1990. – С. 244–262.
113. Макаркина Ю. В. Эпистолярное наследие Б. Пастернака: Композиционно-коммуникативные особенности и концептуальное содержание : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. В. Макаркина. – Орел, 2000. – 29 с.
114. Макогоненко Г. П. Письма русских писателей XVIII века и литературный процесс / Г. П. Макогоненко // *Письма русских писателей XVIII века*. – Ленинград : Наука, 1980. – С. 3-41.
115. Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове / сост. В. А. Стариков. – Москва : Советский писатель, 1978. – 592 с.
116. Мелешенко Е. В. Письма Ф. М. Достоевского в контексте исследования личности и творчества писателя : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. В. Мелешенко. – Барнаул, 2004. – 29 с.
117. Мешавкин А. Манчажская страница / А. Мешавкин // *Урал*. — 1976. — № 9. — С. 134–139.
118. Михнюкевич В. А. Истоки жанра литературного сказа (на материале фольклора и литературы Урала) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. В. Михнюкевич. — Москва, 1975. — 20 с.
119. Мишланов В. А. О некоторых особенностях синтаксиса сказов Павла Бажова / В. А. Мишланов // *Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки*. Вып. 6. – 2003. – № 28. – С. 69-83.
120. Модзалевский Б. Л. Предисловие // *Пушкин. Письма*. В 3 т. / под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. – Москва ; Ленинград : Academia, 1926. Репринт. 1999. Т.1. – С. 3-120.
121. Модзалевский Б. Л. Эпистолярное наследие Пушкина / Б. Л. Модзалевский // *Вестник АН СССР*. – 1937. – № 2-3. – С. 230-235.

122. Мурзина И. Я. Очерки истории культуры Урала / И. Я. Мурзина, А. Э. Мурзин. — Екатеринбург : Форум-книга, 2008. — 414 с.
123. Нагорная В. А. Символический смысл авторского заголовка : (на примере сказов П. П. Бажова) / В. А. Нагорная // Уральские Бирюковские чтения. — Челябинск, 2006. — Вып. 4, ч. 1. — С. 186–189.
124. Неизвестный Бажов : малоизвестные материалы о жизни писателя / сост.: Н. В. Кузнецова; вступ. ст. В. В. Блажеса. — Екатеринбург : Баско, 2003. — 214 с.
125. Нижникова Л. В. Письмо как тип текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. В. Нижникова. — Одесса, 1991. — 159 с.
126. Никитина О. В. Семантико-стилистический анализ писательского эпистолярия : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Никитина — Саратов, 1999. — 24 с.
127. Никулина М. П. «Про земельные дела и про тайную силу...»: (о дальних истоках уральской мифологии П. П. Бажова) / М. П. Никулина // Филологический класс. — Екатеринбург, 2003. — № 9. — С. 77–82.
128. Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора / М. П. Никулина. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. — 119 с.
129. П. П. Бажов в меняющемся мире : сб. ст. второй всеросс. науч. конф. с междунар. уч., посвящ. 135-летнему юбилею писателя (Екатеринбург, 13-14 февр. 2014г.) / отв. ред. В. Б. Королева. — Екатеринбург : Объединенный музей писателей Урала, 2014. — 272 с.
130. Павел Бажов : воспоминания о писателе / сост. Б. С. Рябинин. — Москва : Советский писатель, 1961. — 400 с.
131. Павел Петрович Бажов : сб. статей и воспоминаний / ред.-сост. К. В. Рождественская. — Молотов : Молотовское кн. изд-во, 1955. — 268 с.
132. Павел Петрович Бажов в воспоминаниях / сост. К. В. Боголюбов, С. Н. Самсонов. — Свердловск : Свердловское Кн. изд-во, 1953. — 248 с.

133. Павел Петрович Бажов: библиографический указатель (1913–2010) / сост. В. В. Горева, Н. В. Кузнецова. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2011. – 606 с.
134. Паперно И. А. Переписка Пушкина как целостный текст (май–октябрь 1831 г.) / И. А. Паперно // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 420. – Тарту, 1977. – С. 71–81.
135. Паршина В. В. Наблюдения над языком эпистолярного наследия Н. С. Лескова / В. В. Паршина // Семантика лексических и грамматических единиц ; отв. ред. П. А. Лекант. – Москва, 1995. – С. 11–18.
136. Переписка Бориса Пастернака / Вступ. статья Л. Гинзбург ; сост., подгот. и коммент. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака. – Москва : Художественная литература, 1990. – 575 с.
137. Переписка Гоголя : в 2 т. / сост. и коммент. А. Карпова, М. Виролайн. — Ленинград, 1988.
138. Пермяк Е. А. Долговекий мастер : о жизни и творчестве Павла Бажова / Е. А. Пермяк. — Москва : Детская литература, 1974. — 222 с.
139. Петров А. В. Диалектные адъективные формы безличности в сказах П. П. Бажова / А. В. Петров // Русский язык: история, диалекты, современность. — Москва, 2005. — Вып. 6. — С. 261–266.
140. Платонов А. «Малахитовая шкатулка» П. Бажова / А. Платонов // Мастерская — Москва, 1977. — С. 76–82.
141. Платонов А. П. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920-1950 гг. / А. П. Платонов ; сост., вступ. статья, ком. Н. В. Корниенко и др. — Москва : Астрель, 2013. — 685, [3] с.
142. Плотников И. Ф. Павел Петрович Бажов как политик и историк / И. Ф. Плотников. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2004. — 150 с.
143. Плотников И. Ф. Под чужим именем : (П. П. Бажов в годы Гражданской войны) / И. Ф. Плотников // Уральский следопыт. — 2004. — № 1. — С. 2–6 ; № 2. — С. 4–7 ; № 3. — С. 25–28

144. Плотников И. Ф. Политическая деятельность П. П. Бажова / И. Ф. Плотников // Урал. — 2004. — № 1. — С. 122–129.
145. Попова А. Н. Роль глаголов в организации эпистолярного текста (на материале писем А. П. Чехова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Н. Попова. — Томск, 1992. — 20 с.
146. Приказчикова Е. Е. Каменная сила Медных гор Урала / Е. Е. Приказчикова // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 6. — 2003. — № 28. — С. 11–24.
147. Принципы издания эпистолярных текстов : сб. ст. / А. Л. Гришунин [и др.]. — Москва : изд-во «Наука», 1964. — 308 с.
148. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837—1937: в 16 т. Т. 13–16. Переписка / А. С. Пушкин. — Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937—1959.
149. Рахимкулов М. Кудесник Урала / М. Рахимкулов, А. Шмаков // Малахитовая шкатулка / П. П. Бажов. — Уфа, 1989. — С. 5–16.
150. Рейсер С. И. Палеография и текстология нового времени / С. И. Рейсер. — Москва : «Просвещение», 1970. — 336 с.
151. Репина Л. П. История исторического знания : пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. — Москва : Дрофа, 2008. — 288 с.
152. Розанова С. А. Эпистолярное наследие Л. Н. Толстого / С. А. Розанова // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 17. — Москва: Художественная литература, 1965. — С. 5–34.
153. Румянцева М. Ф. Теория истории : уч. пособие / М. Ф. Румянцева. — Москва : Аспект Пресс, 2002. — 319 с.
154. Рябинин Б. С. Посмертное от старшего друга / Б. С. Рябинин // Ушедшее живущее : книга воспоминаний — Москва, 1985. — С. 409–417.
155. Рябинин Б. С. Уроки мастера / Б. С. Рябинин // Литературная Россия. — 1979. — 19 янв. — С. 8.

156. Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века / И. Л. Савкина. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. – 438 с.
157. Сазонов К. Н. Письма П. П. Бажова к К. Н. Сазонову / публ., коммент., вступ. К. Н. Сазонова // Урал. – 1961. — № 1. — С. 136–139.
158. Самойлова Н. Г. Устойчивые сочетания в частной переписке XVII–нач. XVIII веков. К вопросу о формировании устойчивых словосочетаний : автореф. дис... канд. филол. наук / Н. Г. Самойлова. – М., 1969. – 17 с.
159. Сапожникова Н. В. Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 / Н. В. Сапожникова. – Екатеринбург, 2005. – 46 с.
160. Саранцев А. С. Павел Петрович Бажов: жизнь и творчество / А. С. Саранцев. — Челябинск : Челябинское кн. изд-во, 1957. — 372 с.
161. Сиповский В. В. А. С. Пушкин по его письмам / В. В. Сиповский // Памяти Л. Н. Майкова. – Санкт-Петербург, 1902. – С.455-467.
162. Скорино Л. И. Павел Петрович Бажов / Л. И. Скорино. — Москва, 1947. – 275 с.
163. Славникова О. Верхний и нижний пейзажи Екатеринбурга / О. Славникова // Новое литературное обозрение. — 2000. — № 5. — С. 294–296.
164. Слобожанинова Л. М. Сказы — старины заветы. Очерк жизни и творчества П. П. Бажова / Л. М. Слобожанинова. – Екатеринбург: Издательский дом «Пакрус», 2000. – 160 с.
165. Сметанин В. А. Новое в развитии представлений об эпистолографии / В. А. Сметанин // Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – Вып. 14. – С. 5-18.
166. Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе / Е. К. Созина. – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. ун-та, 2001. – 550 с.

167. Соснина А. А. Хозяйка Медной горы в произведениях П. П. Бажова как одна из персонификаций смерти / А. А. Соснина // Картина мира: язык, литература, культура. — Бийск, 2008. — Вып. 3. — С. 103–108.
168. Степанов А. Словесная живопись Бажова / А. Степанов // Вопросы литературы. — 1959. — № 8. — С. 202–204.
169. Степанов Н. Л. Письма Пушкина как литературный жанр / Н. Л. Степанов // Поэты и прозаики. — Москва : Художественная литература, 1966. — С. 91–100.
170. Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире : материалы межвузовской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения П. П. Бажова (28-29 января 2004 г.) / Уральский государственный университет ; Объед. музеев писателей Урала. — Екатеринбург, 2004. — 224 с.
171. Текст в культурно-историческом контексте : сб. науч. тр. / под ред. О. Г. Сидоровой, А. В. Маркина. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2005. — 188 с.
172. Тодд У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху / У. М. Тодд. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1994. — 207 с.
173. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. [юбилейное издание]. Т. 59-90. Письма / Л. Н. Толстой. — Москва, 1928-1958.
174. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. — Москва, 1996. — 334 с.
175. Трофимова О. В. Лингвистический анализ художественного текста: роль однородных сказуемых в организации художественного времени и пространства сказов сб. П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка» / О. В. Трофимова, Т. Н. Манджеева // Текст и текстовые категории. — Тюмень, 2002. — С. 99–115.
176. Тургенев И. С. Письма : в 13 т. / И. С. Тургенев. — Москва ; Ленинград : изд-во АН СССР, 1961-1968.
177. Тынянов Ю. Н. Литературный факт / Ю. Н. Тынянов. — Москва, 1993. — 318 с.

178. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — Москва, 1977. — 576 с.
179. Фрик Т. Б. Переписка Н.М. Карамзина с членами царствующего дома как литературный факт (к постановке проблемы) / Т. Б. Фрик // Вестник науки Сибири. — 2011. — № 1. — С. 599-605.
180. Харитонова Е. В. Мотив труда в сказах П. П. Бажова второй половины 1940-х гг. / Е. В. Харитонова // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. — Екатеринбург, 2008. — Кн. 2. — С. 437–442.
181. Харитонова Е. В. Образы времени в сказах П. П. Бажова / Е. В. Харитонова // Россия между прошлым и будущим. — Екатеринбург, 2008. — С. 628–632.
182. Харитонова Е. В. Репрезентация русской ментальности в сказах П. П. Бажова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. В. Харитонова. — Екатеринбург, 2004. — 22 с.
183. Харитонова Е. В. Русская ментальность и ее репрезентация в художественном мире П. П. Бажова (к постановке проблемы) / Е. В. Харитонова // Дергачевские чтения — 2002 : русская литература: национальное развитие и региональные особенности. — Екатеринбург, 2004. — С. 358–360.
184. Хоринская Е. Е. Наш Бажов / Е. Е. Хоринская. — Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1982. — 110 с.
185. Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. Дневники. Статьи. 1928-1965 / М. А. Цявловский, Т. Г. Цявловская. — Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — 336 с.
186. Черноскутов А. П., Шинкаренко Ю. В. Малахитовая шкатулка: в поисках новых ключей / А. П. Черноскутов, Ю. В. Шинкаренко. — Екатеринбург : Сократ, 2004. — 463 с.
187. Чернышевский Н. Г. Сочинения и письма Н. В. Гоголя / Н. Г. Чернышевский // Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 4. — Москва : Гослитиздат, 1947-1948. — С. 626-665.

188. Чехов А. П. Письма : в 12 т. / А. П. Чехов. – Москва : изд-во «Наука», 1980–1983.
189. Чижик-Полейко А. И. Диалектная лексика сказов П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. И. Чижик-Полейко. — Москва, 1953. — 14 с.
190. Чудаков А. П. Единство видения: письма Чехова и его проза / А. П. Чудаков // Динамическая поэтика. — Москва, 1990. — С. 220–244.
191. Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. – Москва, 1986. – 379 с.
192. Чудаков А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. – Москва, 1971. – 291 с.
193. Шарц А. К. Встречи с П. П. Бажовым / А. К. Шарц // На Западном Урале. — Пермь, 1960. — С. 92–103.
194. Швабауэр Н. А. Хтоническая природа образов животных в сказах Бажова / Н. А. Швабауэр // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 6. – 2003. – № 28. – С. 24–31.
195. Шевцова Н. В. Эпистолярный жанр в наследии Ф.М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н. В. Шевцова – Магнитогорск, 2004. – 22 с.
196. Шмаков А. Письма П. Бажова / А. Шмаков // Урал. – 1970. – №1. – С. 180–181.
197. Шухов И. И. Слово об отце / И. И. Шухов // Воспоминания об Иване Шукове. — Алма-Ата, 1979. — С. 375–422.
198. Эйдинова В. В. Высокая простота сказов Павла Бажова / В. В. Эйдинова // Энергия стиля: о русской литературе XX в. — Екатеринбург, 2009. — С. 315–325.
199. Эйдинова В. В. О стиле Бажова / В. В. Эйдинова // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 6. – 2003. – № 28. – С. 40–46.

200. Эйхенбаум Б. М. Вступительная статья / Б. М. Эйхенбаум // Тургенев в записях современников. Воспоминания. Письма. Дневники. – Москва, 1999. – С. 4–23.

201. Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу / Б. М. Эйхенбаум // Вопросы поэтики. Вып. 4. – 1924. – 282 с.

Приложение

Учетно-исследовательская карточка документа Письмо к В. А. Бажовой [КП 23216 Л.1–4]

<p>Письмо Телеграмма Записка Открытка</p>	<p>Адресат: Лицо Валентина Александровна Бажова Коллектив Организация</p>	<p>Дата: Начало 1919 г. (датируется по содержанию)</p>
<p>Сведения о документе</p>	<p>Сведения об адресате</p>	<p>Сведения об авторе</p>
<p>Машинопись/Рукопись Подлинник/Копия/Авторизов.</p>	<p>В. А. Бажова – жена П. П. Бажова с 1911 года и до конца жизни.</p>	<p>Биографический контекст написания письма: Письмо написано из села Бергуль, где Бажов скрывался от колчаковцев после разгрома полка под Томском. Место в классификации <u>Письма родственникам</u></p>
<p>Кол-во листов: 1 лист Материал: бумага, чернила</p>	<p>Биографический контекст связи П. П. Бажова и адресата: В это время В. А. Бажова вместе с детьми находится в г. Камышлове, занятом белыми, что и вызвало необходимость шифрования письма. Зашифрованное сообщение читается по вторым буквам каждой строки. Зашифрован адрес для посылки писем: «как валя адрес бергульское училиде биазинской вол каинскаго у томская губ константину антиповичу хохлову».</p>	
<p>Легенда документа Передано семьей Бажова в 2004 г.</p>	<p>Кол-во писем П. П. Бажова к нему: 13</p>	<p>Письма, ближайшие по дате написания [Иваницкой А. А.; 1913–1915; КП 23219 Л.2–4] [Карпову С. В.; 26.04.1919; КП 23218 Л.1–2] Подпись [Неразборчиво]</p>

Проблемно-тематическое описание текста документа								
Описываемые события (перечислить)	Все невымышленные имена собственные (перечислить)	Организации (перечислить)	Географические объекты	Автобиографизм (отметить, если есть)		О собственном творчестве (отметить, если есть)		Темы, о которых размышляет (подчеркнуть)
				<u>О себе</u>	<u>О доме, родственниках</u>	<u>Опубл.</u>	<u>Неопубл.</u>	
Гражданская война. Описаны события, которые можно рассматривать как предварительные наброски к повести ППБ 1926 года «За советскую правду. Из жизни Урмана». О себе автор говорит как о Николке Бахтееве.	«домик Шубина»	«Земская управа, и аптека, и библиотека, и торговые помещения, и представительства кооперативов Центросибири, и учебные заведения»	Сибирь Барабинск Каинск Израиль Черепановка Татарск Вятка	<u>О себе</u>	<u>О доме, родственниках</u>	-		<ul style="list-style-type: none"> - литература - история - фольклор - <u>нац. или геогр. особенности</u> - театр - кино - музыка - живопись - профессии - производство - <u>образование</u> - <u>политика, политическая риторика</u> - <u>другое</u> (старообрядчество, быт Гражданской войны)

Учетно-исследовательская карточка документа
Письмо к В. В. Данилевскому [КП 23228. Л.6]

<p>Письмо Телеграмма Записка Открытка</p>	<p>Адресат: Лицо Виктор Васильевич Данилевский Коллектив Организация</p>	<p>Дата: 29.12.1947</p>
<p>Сведения о документе</p>	<p>Сведения об адресате</p>	<p>Сведения об авторе</p>
<p>Машинопись/Рукопись Подлинник/Копия/Авторизов.</p>	<p>В. В. Данилевский – историк техники, писатель, книговед, педагог.</p>	<p>Биографический контекст написания письма: Переписка с Данилевским является дружеской, так что письмо написано в порядке более или менее постоянного общения.</p> <p>Место в классификации <u>Дружеские письма</u></p>
<p>Кол-во листов: 1 лист Материал: бумага, чернила</p>	<p>Биографический контекст связи П. П. Бажова и адресата: Бажов и Данилевский дружили с 1942 года. Вероятно, сближение произошло сугубо на почве личных симпатий, так как их профессиональные интересы практически не пересекались. Письма Данилевскому по непосредственности стиля общения можно сравнить только с письмами к Е. А. Пермяку, что позволяет предположить значительную дружескую близость.</p>	
<p>Легенда документа: Передано семьей Бажова в 2004 г.</p>	<p>Кол-во писем П. П. Бажова к нему: 5</p>	<p>Письма, ближайшие по дате написания [С. Кудашу; 29.12.1947; НВФ 6968 Л.2] [Безруковой; 29.12.1947; НВФ 7004 Л.2]</p> <p>Подпись отсутствует</p>

Проблемно-тематическое описание текста документа								
Описываемые события (перечислить)	Все невымышленные имена собственные (перечислить)	Организации (перечислить)	Географические объекты	Автобиографическая информация		О собственном творчестве (отметить, если есть)		Темы, о которых размышляет (подчеркнуть)
«конференция по случаю 35-летней годовщины смерти Мамина-Сибиряка» сессия Верховного Совета («назначена на 30 [января]»)	А. К. Шарц Алла (дочь Д.) Александра Андреевна (жена Д.) Никита (внук Б.) Валентина Александровна (жена Б.) Мамин–Сибиряк		Москва Ленинград	<u>О себе</u>	<u>О доме, родственниках</u>	<u>Опубл.</u> «Гихловское издание»	<u>Неопубл.</u>	- <u>литература</u> - <u>история</u> - <u>фольклор</u> - <u>нац. или геогр. особенности</u> - <u>театр</u> - <u>кино</u> - <u>музыка</u> - <u>живопись</u> - <u>профессии</u> - <u>производство</u> - <u>образование</u> - <u>политика, политическая риторика</u> - <u>другое</u> (болезни, возраст, «Русское золото» В. В. Данилевского)

Учетно-исследовательская карточки документа
Письмо к Л. И. Скорино [КП 21329 Л.1–2]

Письмо Телеграмма Записка Открытка	Адресат: Лицо Людмила Ивановна Скорино Коллектив Организация	Дата: 10.07.1946
Сведения о документе	Сведения об адресате	Сведения об авторе
Машинопись/Рукопись Подлинник/Копия/Авторизов. копия	Л. И. Скорино – критик, редактор изд-ва «Советский писатель».	Биографический контекст написания письма: Переписка со Скорино поддерживалась Бажовым по причине симпатии к исследовательнице и заинтересованности писателя в том, что работа московского критика поможет привлечь большее внимание к Уральскому региону, фольклору, культуре. Место в классификации <u>Деловые письма (критикам, исследователям)</u>
Кол-во листов: 2 листа Материал: бумага, чернила	Биографический контекст связи П. П. Бажова и адресата: Письмо написано в связи с работой Л. И. Скорино над книгой «Павел Бажов»	
Легенда документа Передано В. А. Бажовой в 1967.	Кол-во писем П. П. Бажова к адресату: 20	Письма, ближайшие по дате написания [И. И. Келлеру; 9.07.1946; КП 23230 Л.1] [В. П. Бирюкову; 12.07.1946; НВФ 7488. Л.1] Подпись [от руки] П. Бажов

Проблемно-тематическое описание текста документа								
Описываемые события (перечислить)	Все невымышленные имена собственные (перечислить)	Организации (перечислить)	Географические объекты	Автобиографическая информация		О собственном творчестве		Темы, о которых размышляет (подчеркнуть)
				<u>О себе</u>	<u>О доме, родственниках</u>	<u>Опубл.</u>	<u>Неопубл.</u>	
Эпизоды царства Ивана Грозного	Л. Жукова (вероятно, редактор какого-то изд-ва) [В. А.] Соловьев С. [П.] Бородин [В. И.] Костылев [В. И.] Суриков [А. П.] Чапыгин Митрополит Филипп [Анаст. Ром-на] (1 жена Ивана Грозного) [Мария] Темрюковна (2 жена Ивана Грозного) Малюта Скуратов Иван Грозный Романовы [династия] Рюриковичи [династия]	ГИХЛ (гос. изд-во художеств. литературы)	Америка Балахна Пенза Москва	<u>О себе</u>	<u>О доме, родственниках</u>	<u>Опубл.</u> Очерк «Ян-кинские огни»	<u>Неопубл.</u>	- <u>литература</u> - <u>история</u> - <u>фольклор</u> - <u>нац. или геогр. особенности</u> - <u>театр</u> - <u>кино</u> - <u>музыка</u> - <u>живопись</u> - <u>профессии</u> - <u>производство</u> - <u>образование</u> - <u>политика, политическая риторика</u> - <u>другое</u>

